

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Милованова Анна Игоревна

**КЛЮЧЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ,
ВЫРАЖАЮЩИХ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАИМЕНОВАНИЕ
НЕРЕАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА РУССКОГО НАРОДА**

10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Скуридина С.А.

Воронеж – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ	
1.1. История становления фразеологии: основные этапы и подходы к выделению фразеологических единиц.....	12
1.2. Теоретические проблемы современной фразеологии	17
1.3. Фразеологические единицы как вербализаторы национально-культурной специфики языковой картины мира.....	25
1.4. Код культуры и фразеология.....	35
Выводы	42
ГЛАВА II. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАИМЕНОВАНИЕ НЕРЕАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ СОМАТИЧЕСКОГО КОДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	
2.1. Соматическая лексика: определение, особенности, классификация.....	45
2.2. Специфика формирования нереального явления во фразеологизмах с ключевым соматическим компонентом.....	50
2.3. Формирование нереального явления во фразеологизмах с ключевым компонентом <i>душа</i>	63
2.4. Отражение картины мира русского человека во фразеологических единицах, включающих наименования, связанные с человеком.....	67
Выводы.....	80
ГЛАВА III. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАИМЕНОВАНИЕ НЕРЕАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ ЗООМОРФНОГО КОДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	
3.1. К вопросу выделения наименований животного мира в лексической системе русского языка.....	83
3.2. Специфика формирования нереального явления во фразеологизмах с ключевым компонентом-зоонимом.....	89
3.3. Отражение картины мира русского человека во фразеологических единицах, включающих лексические компоненты с названиями животных.....	99

Выводы.....	111
ГЛАВА IV. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАИМЕНОВАНИЕ НЕРЕАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО И ВРЕМЕННОГО КОДОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	
4.1. Категории пространства и времени в русской фразеологии.....	113
4.2. Специфика формирования нереального явления во фразеологизмах с пространственным и временным ключевыми компонентами.....	117
4.3. Отражение картины мира русского человека во фразеологических единицах с пространственным и временным компонентами.....	128
Выводы.....	134
ГЛАВА V. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ НЕРЕАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ, С ДОМИНИРУЮЩИМ КОМПОНЕНТОМ С НИЗКОЙ ФРАЗЕООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТЬЮ.....	137
5.1. Фразеологизмы-репрезентанты артефактно-вещного и костюмного кодов.....	138
5.2. Фразеологизмы-репрезентанты гастрономического кода.....	139
5.3. Фразеологизмы-репрезентанты религиозно-антропоморфного и религиозно-артефактного кодов.....	139
5.4. Фразеологизмы-репрезентанты архитектурного кода.....	140
5.5. Малочисленные группы фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления.....	141
5.6. Отражение картины мира во фразеологизмах с редко встречающимся доминирующим компонентом, участвующим в формировании нереального явления.....	144
Выводы	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	155
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	164
ИСТОЧНИКИ.....	164
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ.....	165
ЛИТЕРАТУРА.....	166

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на многовековое существование русского языка, изучение его некоторых единиц, а именно фразеологизмов, началось сравнительно недавно и продолжается по сей день. За последние 80 лет в области фразеологии как разделе языкознания, изучающем данные устойчивые обороты, появилось большое количество исследований, посвященных определению дифференциальных признаков фразеологизмов, их места в системе языка, а также их основных функций [Виноградов 1977; Амосова 1964; Жуков 1978; Архангельский 1964; Телия 1966, 1981; Гвоздарев 1973, 1974; Ахманова 1957; Шанский 1985; Рахманова 1997; Чепасова 1983; Теркулов 2012; Мокиенко 2012, Скоморохова 2018].

Фразеологический фонд языка является отражением национально-культурной специфики того или иного народа, его многовекового опыта и наблюдений. Русская фразеология – это огромный пласт значимых, с точки зрения языка и культуры, единиц, углубленное изучение которых позволяет лучше познать не только народ, создавший данные обороты, но и процессы, происходящие в языке.

Среди фразеологизмов русского языка нами был выделен пласт фразеологических единиц (ФЕ), которые выражают свое значение через наименование нереального явления, лежащего в их основе. Под *нереальным явлением* нами понимается что-либо не существующее в действительности, то есть какое-либо неосуществимое, невыполнимое, неисполнимое, несбыточное, невозможное, нежизненное, ирреальное явление. Подобные фразеологические единицы вызывают интерес в связи со своей образностью, использованием сочетаний противоречащих друг другу понятий в структуре оборотов, а также в связи с наличием компонентов, отражающих национально-культурную специфику.

Сегодня научные исследования в области фразеологии посвящены изучению ФЕ через доминирующий лексический компонент (соматический, гастрономический, компонент-зооним и др.), который зачастую позволяет

раскрыть важную информацию для понимания национально-культурной специфики, заключенной во фразеологизмах [Смирнова, Ульянищева 2013; Кудрявцева 2015; Воробьева 2015].

Так, в рамках данного исследования фразеологизмы русского языка, выражающие свое значение через наименование нереального явления, были сгруппированы на основании выделения доминирующей лексической единицы, участвующей в образовании нереального образа во фразеологических оборотах, в связи с чем были проанализированы:

- фразеологизмы с соматическим компонентом,
- фразеологизмы с компонентом-зоонимом,
- фразеологизмы с пространственным и временным компонентами.

Отдельную группу составили прочие фразеологизмы, доминирующие компоненты которых лишь несколько раз участвуют в формировании наименования нереального явления в ФЕ.

Группы фразеологизмов с временным и пространственным компонентами были объединены в одну в связи с неразрывностью категорий пространства и времени при познании человеком окружающего мира и своего места в нем (ср. термин М.М. Бахтина, *хронотон*, обозначающий «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений: приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин 1975, с. 235]).

Указанные нами доминирующие лексические единицы являются ключевыми компонентами кода русской культуры, репрезентируемом в фразеологии. Код культуры – это «исторически сложившаяся нормативно-ценностная символическая система вторичного означивания, которая несет в себе культурную информацию о мире и социуме, структурирует, организует этнокультурное сознание и проявляется в процессах категоризации и концептуализации действительности, языкового миромоделирования» [Капелюшник 2012, с. 7].

В связи с этим следует заключить, что данное комплексное исследование фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереальных явлений, выполнено в русле современных исследований в области русской фразеологии, так как направлено на раскрытие ключевых компонентов культурного кода. Все выше сказанное определяет **актуальность** настоящего исследования.

Научная новизна состоит в том, что впервые с целью выявления ключевых (доминирующих) компонентов как носителей кода русской культуры анализируются фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления.

Объектом исследования являются фразеологические единицы, выражающие свое значение через наименование нереальных явлений.

Предметом исследования стали ключевые (доминирующие) компоненты фразеологических единиц, выражающих свое значение через наименование нереальных явлений.

Цель настоящего исследования – выявление ключевых компонентов фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, как носителей кода русской культуры. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) определить основные теоретические подходы к теме диссертационного исследования;
- 2) выделить корпус фразеологических единиц, выражающих свое значение через наименование нереальных явлений, в русском языке;
- 3) выявить способы формирования нереального явления при помощи ключевого (доминирующего) лексического компонента во фразеологизмах;
- 4) проанализировать национально-культурное своеобразие фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, в русской языковой картине мира.

5) определить возможность ключевых компонентов фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, выступать носителями кода русской культуры.

Цель и задачи данной научной работы обусловили выбор **методов** исследования: метод системного научного описания, в частности, такие его приемы, как выборка языковых единиц, сопоставление, классификация, интерпретация и обобщение; семантический метод исследования позволил объединить фразеологизмы в группы на основании общности значения.

Материалом для научного исследования послужили 222 русских фразеологических единицы, выборка которых проводилась из следующих лексикографических источников: В.Н. Телия «Большой фразеологический словарь русского языка: 1500 фразеологизмов» [Телия 2006], А.К. Бирих «Русская фразеология: историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов» [Бирих 2005], Е.А. Быстрова «Фразеологический словарь русского языка: около 1000 единиц» [Быстрова 2002], А.В. Жуков «Лексико-фразеологический словарь русского языка: более 1400 фразеологических единиц» [Жуков 2007], А.М. Мелерович «Фразеологизмы в русской речи: около 1000 единиц» [Мелерович 2005], С.И. Ожегов «Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений» [Ожегов 2008], А. Курилова «Новый фразеологический словарь русского языка: более 8 000 словарных статей и около 12 000 примеров контекстуального употребления ФЕ» [Курилова 2009], «Универсальный фразеологический словарь русского языка: свыше 6000 фразеологизмов» под редакцией Т. Волковой [Волкова 2000], А.И. Федоров «Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц» [Федоров 2008], Л.А. Воинова «Фразеологический словарь русского языка: свыше 4 000 словарных статей» [Воинова 1986], В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина «Большой словарь русских поговорок: свыше 40 000 русских поговорок» [Мокиенко 2008] и др.

Теоретико-методологической базой данного научного исследования послужили труды авторитетных ученых отечественного и зарубежного

языкознания: В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, В.Н. Телии, А.И. Федорова, В.П. Жукова, Н.Ф. Алефиренко, А.И. Молоткова, М.М. Копыленко, З.Д. Поповой, А.В. Кунина, О.С. Ахмановой, Ю.А. Гвоздарева, Ю.П. Солодуба, Л.И. Рахмановой – в области теории фразеологии; для понимания взаимосвязи языка и мышления необходимы были работы В. Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, а взаимосвязи языка и культуры – работы В.Н. Телии, Е.С. Яковлевой, Б.А. Серебренникова, В.А. Масловой, Ю.Д. Апресяна; отметим работы Е.В. Копыловой, Ж.Б. Есмурзаевой, В.В. Шкатовой, Е.Г. Дрониной, М.Л. Ковшовой, К.В. Манеровой, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова – в области изучения фразеологизмов как базовых единиц языковой картины мира, отражающих национально-культурную специфику; важными оказались и работы Л.Р. Сакаевой, О.А. Саламатиной, И.А. Кондаковой, Е.А. Универсалюк, В.И. Маркевич, посвященные изучению отдельных компонентов фразеологических единиц (соматизмов, зоонимов, топонимов, антропонимов и др.); при изучении теории имени собственного мы обращались к работам В.И. Супруна, Е.Л. Березович, И.А. Кюршуновой, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, С.А. Скуридиной.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие фразеологии, способствуя усовершенствованию и упорядочиванию системы корпуса фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, классифицирует их на основе выявления доминирующего компонента и семантического анализа, учитывая национально-культурные особенности.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования при составлении словаря фразеологизмов, а также при чтении спецкурсов по лексикологии и фразеологии.

Степень научной разработанности проблемы.

В настоящее время изучение определенных групп фразеологизмов, их ключевых компонентов, заключающих культурный код, достаточно

актуально и востребовано в лингвокультурологии, так как позволяет лучше понять еще не до конца изученную национально-культурную специфику определенного этноса. Важная роль на начальном этапе выделения особых устойчивых выражений в лексике русского языка принадлежит таким знаменитым ученым, как М.В. Ломоносову, который считал, что в словарь русского литературного языка должны войти идиоматизмы, фразесы, В. Далю, описавшему фразеологизмы в «Толковом словаре живого великорусского языка», и М. Михельсону, который разработал двухтомный словарь «Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний». Также наблюдения над устойчивыми выражениями, воспроизводимыми в готовом виде в языке, отражали в своих работах такие именитые ученые, как А.А. Потебня, И.И. Срезневский, А.А. Шахматов, Е.Д. Поливанов, С.И. Абакумов, называя их *словосочетаниями*.

Несмотря на первоначальный интерес исследователей к устойчивости некоторых словосочетаний, во фразеологических работах середины прошлого века находят освещение такие проблемы, как выделение фразеологии в отдельную дисциплину. Первостепенное значение в выделении проблематики новой для 40-60-х годов отрасли лингвистики имеют работы таких ученых, как В.В. Виноградов [Виноградов 1947], Н.Н. Амосова [Амосова 1964], В.Л. Архангельский [Архангельский 1964], Н.М. Шанский [Шанский 1969], А.И. Молотков [Молотков 1968].

Современные лингвокультурные исследования фразеологии опираются на научные достижения В.П. Жукова [Жуков 1978], В.Н. Телии [Телия 1996, 1981], Ю.А. Гвоздарева [Гвоздарев 1973, 2010], М.М. Копыленко и З.Д. Поповой [Копыленко, Попова 1989], Ю.Ю. Авалиани [Авалиани 1972], Е.Ф. Арсентьевой [Арсентьева 1989], Д.С. Скнарера [Скнарев 2006], Е.Э. Бариловой [Барилова 2011], Т.А. Зуевой [Зуева 2012], Л.Ш. Миграновой [Мигранова 2015], Н.О. Косицыной [Косицына 2015], В.В. Пархомик [Пархомик 2015], К.В. Манеровой [Манерова 2016] и др.

Фразеология как отдельная дисциплина была выделена сравнительно недавно, поэтому на сегодняшний день существуют не только варианты употребления некоторых терминов, имеющих отношение к данному разделу языка, но и существует множество определений, подразумевающих широкий и узкий подходы. Это касается как определений самого термина *фразеологизм*, так и определений терминов, являющихся ключевыми компонентами фразеологических единиц, таких как зооним, соматизм, оним и др. Также фразеология, отражая наивные представления народа о мире, вербализует особые коды культуры в языке, определения и выделение которых тоже до сих пор служат предметом исследования и споров. Терминологический разлад обусловлен рядом причин, среди которых, как уже было сказано, сравнительная «молодость» фразеологии как науки.

Исследования фразеологизмов, их отдельных ключевых компонентов, культурных кодов, заключенных в данных компонентах, а также языковой картины мира представлены в работах современных лингвистов – В.В. Красных [Красных 2002, 2003], Н.В. Солнцевой [Солнцева 2004], Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров 1980, 2005], Д.Б. Гудкова [Гудков 2007], О.А. Дормидонтовой [Дормидонтова 2009], О.В. Старых [Старых 2011], М.А. Федоровой и М.С. Никонюк [2012], В.В. Шарманова [Шарманов 2014], В. Аврамовой [Аврамова 2015], Л.В. Гриченко и Ю.А. Харченко [Гриченко, Харченко 2016], Н.А. Илюхиной [Илюхина 2016], Е.Л. Березович [Березович 2007], Е.В. Лаврищевой и Н.Б. Аброськиной [Лаврищева, Аброськина 2019].

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, являются доминантами лингвокультурного кода русского народа.

2. Основными компонентами фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, являются соматический, зооморфный, пространственный и временной компоненты.

3. Такие лексемы, как *душа* и *сердце*, являясь наиболее значимыми в духовном кругозоре русского народа и выполняя символическую роль в репрезентации чувств и нравственных качеств человека, в ФЕ, включающих наименование нереального явления, либо опредмечиваются (*камень на душе, на душе кошки скребут, каменное сердце*), либо персонифицируются, приобретая свойственные человеку физические, физиологические и психические качества (*душа поет, сердце радуется, доброе сердце, злое сердце, робкая душа*).

4. Пространство в исследуемых фразеологизмах репрезентируется как нереальное, как территория, которая не существует, находится за гранью материального мира (*на краю света, у черта на куличках*); время также мыслится как нереальное, обозначая момент, который никогда не наступит (*когда рак на горе свистнет, на турецкую Пасху*).

5. Низкая фразеобразовательная активность ключевых компонентов фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления и являющихся доминантами артефактно-вещного, костюмного, гастрономического, религиозно-антропоморфного, религиозно-артефактного, архитектурного и других кодов культуры, объясняется их материальной природой, то есть предметной семантикой.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования были представлены в виде докладов на следующих научных конференциях: ежегодная научно-техническая конференция ВГТУ (Воронеж, 2017, 2018); II Международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 2021), III Международная конференция «Русский язык, литература и культура: прошлое, настоящее и будущее» (Скопье, 2021), международные научные чтения «Язык как материал словесности» (Тверь, 2021), а также научных сессиях ВГТУ 2015-2018 гг.

По теме диссертации опубликовано 6 статей, из которых 4 в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК.

ГЛАВА I. СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

1.1. История становления фразеологии: основные этапы и подходы к выделению фразеологических единиц

Формирование фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины предопределила, в первую очередь, лексикографическая практика, т.е. описание фразеологизмов в общих словарях, которые пополняются новыми единицами и по сей день. Становление фразеологии можно разделить на несколько этапов.

Первый этап (20-40 гг. XX в.) характеризуется появлением предпосылок формирования теории фразеологии, которые встречаются в работах А.А. Потебни [Потебня 1999], А.А. Шахматова [Шахматов 1941] и Ф.Ф. Фортунатова [Фортунатов 1957]. В трудах того времени для обозначения фразеологизма использовался термин *словосочетание*. Также ещё в 20-40 гг. Е.Д.Поливановым, С.И.Абакумовыми Л.А. Булаховским был поднят вопрос об исследовании данных устойчивых сочетаний в отдельном разделе языкознания – фразеологии [Телия 1996, с. 11].

Второй этап (40-50 гг. XX в.) – выделение фразеологии как самостоятельной дисциплины, чему в значительной степени способствовали работы В.В. Виноградова [Виноградов 1977]. На данном этапе ведется составление фразеологических словарей, учебно-методических пособий, выделение понятий, предмета и задач фразеологии. Далее (в 50-е гг.) происходит выявление сходств и различий фразеологических единиц со словом и словосочетанием, а также устанавливаются способы классификации устойчивых оборотов.

На третьем этапе (60-70 гг.) ведется разработка теоретических и методологических аспектов изучения фразеологии в работах Н.Н. Амосовой [Амосова 1964], В.П. Жукова [Жуков 1978], В.Л. Архангельского

[Архангельский 1964], происходит изучение системной организации фразеологического состава и его изменения [Шанский 1969], исследование семантики фразеологизмов и способы их образования [Телия 1966, 1981], исследование особенностей сочетаемости компонентов фразеологизмов [Копыленко, Попова 1978], изучение фразеологизмов с точки зрения сопоставительно-типологической проблематики [Авалиани 1972; Авалиани, Розейзон 1968], разрабатывается методика составления фразеологических словарей и способов описания фразеологизмов, а также ведется изучение источников и способов пополнения фразеологического фонда русского языка [Молотков 1977].

Четвертый этап (1980-2000 гг.) характеризуется активным изучением фразеологии в сопоставительном аспекте: разрабатываются и дополняются двуязычные словари по фразеологии, методы и способы анализа фразеологических единиц разных языков, а также их типология с точки зрения совпадения компонентного состава [Кунин 1980, 1984, 1996; Солодуб 1985; Арсентьева 1989; Гак 1997, 1998]. Для данного периода также характерно переиздание уже существующих словарей, дополненных новыми фразеологическими единицами, комментариями и этимологическими статьями [Мокиенко 2004, 2007; Кунин 1998; Молотков 2001; Мелерович 1997, 2005; Быстрова 2002; Шанский 2000, 2004].

Для пятого, или современного, этапа характерно углубленное изучение фразеологизмов на стыке других лингвистических дисциплин и направлений, таких как когнитивная лингвистика [Гусельникова 2009; Артеменко 2014], компаративная лингвистика [Лескина 2009; Ведьманова, Куликова 2015], лингвокультурология [Титова 2010; Зуева 2012]. Возобновляется активное исследование отдельных компонентов фразеологических единиц как в рамках одного языка, так и нескольких. Подобные исследования посвящены анализу доминирующих компонентов – соматизмов, зоонимов, топонимов, антропонимов, фитонимов, этнонимов в структуре фразеологизмов [Скнарев 2006; Рылов 2006; Сакаева 2008; Маруневич 2010; Аверина 2013; Шарманов

2014; Маркевич 2014; Кондакова 2014, 2015; Саламатина 2016; Универсалуок 2016; Заводова 2017].

Таким образом, за последние неполные 100 лет в становлении фразеологии как специальной лингвистической дисциплины произошел значительный сдвиг не только в разработке теоретического материала, но и в разработке методологических аспектов исследования фразеологических единиц.

Как уже было сказано, на сегодняшний день нет окончательного и общепризнанного варианта определения такого понятия, как *фразеологизм*, а также нет единого мнения по вопросу о том, какие лексические единицы следует относить к единицам данного уровня, каковы их дифференциальные признаки, что усложняет утверждение основной классификации фразеологических единиц русского языка с точки зрения их семантической слитности.

Тем не менее, стоит отметить, что в современной лингвистике существует два подхода к пониманию понятия *фразеологизм*, а также его основных свойств – широкий и узкий. Подходы разнятся в зависимости от того, какие сочетания относят к фразеологическим оборотам, насколько сильна или слаба семантическая слитность компонентов, устойчивость их состава, воспроизводимость. Широкий подход к фразеологии представлен в теоретических исследованиях таких ученых, как В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, Л.И. Рахманова, В.Н. Телия и др., узкий – в работах А.И. Молоткова, В.П. Жукова, Н.Н. Амосовой и др.

В 40-е годы В.В. Виноградов, опираясь на работу французского лингвиста Ш. Балли, еще в начале XX века обратившего внимание на особую сочетаемость слов, полностью потерявших независимость и предающих целостное значение только в данном сочетании, а также опираясь на работу академика А.А. Шахматова «Синтаксис русского языка» [Шахматов 1941], выделил основные признаки фразеологизма, одним из которых стала эквивалентность слову. О.С. Ахманова, вслед за В.В. Виноградовым

подчеркивая равнозначность фразеологизма слову, также выделяет такой признак ФЕ, как целостность номинации, которая «подчиняет себе фактическую раздельность частей» [Ахманова 1957, с. 169]. Знаменитая классификация фразеологических единиц В.В. Виноградова по степени их семантической слитности, которую позже дополнил Н.М. Шанский, до сих пор актуальна и используется многими современными учеными при анализе ФЕ. В.В. Виноградов выделил следующие виды фразеологизмов:

1) фразеологические сращения – неделимые и неразложимые сочетания, целостное значение которых абсолютно не зависит от значений отдельных компонентов (*очертя голову, точить балясы, труса праздновать* и др.);

2) фразеологические единства – семантически неделимые сочетания, обладают целостным значением, которое частично мотивировано значением входящих в него компонентов (*закинуть удочку, зарыть талант в землю, положить зубы на полку* и др.);

3) фразеологические сочетания – устойчивые обороты, в которых значение только одного из компонентов (стержневое слово) воспринимается как фразеологически связанное (*хвататься за голову, тоска берет, скалить зубы* и др.) [Виноградов 1977, с. 118-161].

Н.М. Шанский дополнил классификацию В.В. Виноградова, выделив четвертую группу ФЕ, в которую входят фразеологические выражения:

4) фразеологические выражения – семантически членимые сочетания, которые состоят из компонентов со свободным значением, но тем не менее воспроизводятся в речи в готовом виде (в отличие от свободных сочетаний слов). К ним относят крылатые выражения (*мы все учились понемногу, любви все возрасты покорны*), пословицы (*мал золотник, да дорог, тише едешь – дальше будешь*), поговорки (*одного поля ягоды, в пух и прах*), фразеологические термины (*пишущая машинка, железная дорога*), устойчивые сочетания, выполняющие номинативную функцию (*трудовые успехи, сторонники мира*).

Кроме того, в своих работах Н.М. Шанский определяет предмет фразеологии, подразумевающий изучение категориальных признаков ФЕ, выделение которых позволяет из множества сочетаний выявить именно фразеологические. К основным свойствам фразеологических оборотов Н.М. Шанский относит воспроизводимость, фиксированный компонентный состав, строго установленное местоположение компонентов. Он определяет фразеологизм как «воспроизводимую в готовом виде языковую единицу, которая может состоять из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированную по своему значению, составу и структуре» [Шанский 1996, с. 67]. Подобного мнения придерживается и Л.И. Рахманова, считая целостные словосочетания, воспроизводимые целиком в речи, фразеологическими единицами [Рахманова 1997, с. 233]. В.Н. Телия также относит к основным признакам фразеологизма семантическую связанность компонентов (определенный лексико-грамматический состав), воспроизводимость в речи в фиксированном виде [Телия 1981].

При узком понимании фразеологизмом является «раздельнооформленная <...> единица языка, которая соотносится по общим и частным семантическим и грамматическим свойствам со словом определенной части речи, и являясь раздельнооформленной (...) единицей языка, выражает единое целостное понятие» [Чепасова 1983, с. 4]. Данной трактовки фразеологизма придерживаются В.П. Жуков [Жуков 1978, с.18], А.И. Молотков [Молотков 1977, с. 109] и Н.Н. Амосова [Амосова 2010, с. 58-59], относят к фразеологизмам, первую очередь, устойчивые единицы языка с целостным значением, воспроизводимые и раздельнооформленные, компоненты которых утратили признаки слова (фразеологические сращения и единства). А.И. Молотков также подчеркивает такие свойства ФЕ, как образность, экспрессивность [Молотков 1977, с. 109].

В нашем исследовании, как уже было отмечено, мы придерживаемся широкого подхода к пониманию фразеологического состава русского языка при отборе материала для анализа из фразеологических словарей, а также

словарей поговорок и крылатых выражений, основываясь также и на том, что многие из них стали источниками пополнения фразеологического фонда русского языка (*когда рак на горе свистнет* от *когда рак на гор свистнет*, *а рыба запоеет*, *собака на сене* от *собака на сене: сама не ест и скотине не даст*, *без царя в голове* от *свой ум – царь в голове*, *прыгнуть выше головы* от *выше головы не прыгнешь* и др.) [Рогалева 2014].

1.2. Теоретические проблемы современной фразеологии

Сложившиеся еще во второй половине XX века подходы к фразеологизмам находят развитие в трудах многих современных ученых, что служит подтверждением расхождения взглядов на состав фразеологии и сегодня [Кочарян 2013; Бичер 2015; Маллаева 2015; Ганиева 2015]. Данные противоречия в вопросе о выделении фразеологических единиц среди множества устойчивых сочетаний позволяют сделать вывод о том, что данная проблема актуальна по сей день и требует тщательного изучения.

Так, В.И. Теркулов полагает, что понятие *фразеологизм* – это «лингвистический миф» в связи с тем, что во многих научных работах даны совершенно разные параметры его выделения, сущность которых конвенциональна; к ним он относит ряд известных признаков: идиоматичность, целостность значения, образность и экспрессивность [Теркулов 2012, с. 170]. Автор показывает, что данные конститuentы рассматриваются и применяются учеными при выделении фразеологизмов среди других единиц языка весьма непоследовательно.

Например, рассматривая коллокации (*легкая атлетика*, *магнитный железняк*), которые не вошли в классификацию В.В. Виноградова, он подчеркивает наличие у них идиоматичности, указывая, таким образом на то, что «не каждое идиоматическое словосочетание может считаться фразеологизмом» [там же, с. 171]. Целостность значения, по мнению В.И. Теркулова, есть у каждого словосочетания, фразеологического или

свободного, с разницей лишь в том, представляет она сумму всех значений компонентов или «аналитическую интерпретацию семантики только главного слова» [там же, с. 171]. Автор считает, что не все ФЕ обладают и образностью, которую выделяет А.И. Молотков как один из основных признаков ФЕ, а такой признак как экспрессивность «делает границы фразеологии размытыми» в связи с тем, что в русском языке существует огромное количество сочетаний экспрессивного характера (восхитительная девушка, грандиозное событие) [там же, с. 171]. В.И. Теркулов предлагает совершенно новый вариант выделения ФЕ, основываясь на теории номинатемы как основной ономаσιологической единицы языка: «фразеологическое сочетание является аналитическим лексико-семантическим вариантом словесной номинатемы, фразеологическое единство – коннотативным лексико-семантическим вариантом коллокативной номинатемы, а фразеологическое сращение – лексикализованной вторичной коллокативной номинатемой с опрошенной структурой» [там же, с. 174]. Подобное исследование демонстрирует современный взгляд на проблемы теории и методологии в области фразеологии, ее состава, что ставит совершенно новые цели и задачи перед учеными, тем самым намечая пути дальнейшего изучения фразеологического фонда русского языка.

В.И. Мокиенко в своей работе «Жизнь русской фразеологии в современной речи» отмечает огромную востребованность фразеологии в наши дни и связывает это с большим количеством факторов, среди которых основными можно считать универсальность фразеологии, демократизацию общества, расшатывание литературных норм, а также приобретение словом новой социальной роли (возрастает его значимость в политической сфере, экономической, а также в СМИ) [Мокиенко 2012, с. 59]. В связи с этим, по его мнению, существует ряд проблем, рассмотрение и решение которых способно внести значительный вклад в исследование русской фразеологии. Основной задачей, которая должна стоять перед учеными, как полагает

В.И. Мокиенко, является исследование фразеологизмов не опосредованно, а в языке литературы, СМИ: анализ типологии трансформаций фразеологизмов, анализ жанровой специфики употреблений ФЕ, а также стилистического нюансирования [Там же, с. 60]. Существует значительный пласт фразеологических единиц, внутренняя форма которых не изучена, либо имеет несколько вариантов расшифровки (*куда Макар телят не гонял, показать Кузькину мать, у черта на куличках*), поэтому должны проводиться и историко-этимологические исследования фразеологизмов.

Кроме того, В.И. Мокиенко указывает на то, что сегодня просто необходимо обратить внимание на:

1) фразеологическую неологику (*на халяву, до фени, вешать лапшу на уши*), которая стала активно проявлять себя в литературном языке и языке СМИ;

2) диалектную, просторечную и жаргонную фразеологию (*до лампочки, по блату, мочить в сортире* и др.), являющуюся сегодня основным источником пополнения фразеологического фонда и отражением социальной, политической и экономической жизни страны;

3) проблему культуры речи, а именно на неправильное употребление и написание фразеологизмов (изменение компонентного состава, ошибки в пунктуации и лексемах, неправильное истолковании значения, его подмена и др.: *пока суд да дело – суть да дело, сбрасывать со счётов – со счёта*), а также на проблему вульгаризации русского языка, ставшей одной из причин неправильного употребления ФЕ [там же, с. 62-62].

В работах Н.А. Семеновой [Семенова 2014], Г.Е. Соколовой [Соколова 2016], Н.А. Гончаровой [Гончарова 2017] исследование фразеологизмов происходит на материале художественных текстов, текстов СМИ, экономической и политической сфер, а также «в специальном компьютерном языке, в своеобразном сленге XXI века» [Соколова 2016, с. 103]. Авторы выявляют основные принципы трансформации фразеологических единиц, их структуры, значений, сферы употребления.

Н.А. Семенова, исследуя способы трансформации ФЕ в таком художественном тексте, как роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», приходит к выводу, что наиболее частотными из них являются замена компонента фразеологизма на лексическую единицу другого семантического поля (*кровь кипит* на *кровь кричит*), на другую часть речи (*плакать навзрыд* на *плач навзрыд*), расширение или сокращение компонентного состава ФЕ (*сверкнул на него загоревшимися гневом черными своими глазами*), а также отмечает изменение семантики фразеологических оборотов, подвергшихся трансформации, и их большую экспрессивность по сравнению с традиционными вариантами ФЕ [Семенова 2014, с. 95-96].

Интересно, что Г.Е. Соколова также выделяет аналогичный прием трансформации ФЕ, только уже в текстах политической и бизнес сфер, такой как увеличение количества лексем в структуре ФЕ (*Трудолюбивых любит госпожа Удача, которая обязательно несколько раз улыбается в жизни каждому из улыбнется удача*). Ученый исследует и процессы, влекущие за собой появление новых ФЕ, отмечая, что большинство из них образуются в результате трансформации устойчивых выражений и ФЕ в текстах художественной литературы, прессы, цитатах политических деятелей, журналистов и т.д. [Соколова 2016, с. 103-104]:

1) появление окказионализмов (индивидуально-авторские неологизмы, изучение которых В.И. Мокиенко считает актуальной задачей в области фразеологии, – *вертикаль власти, альтернативная служба, получить реальные политические дивиденды, родные торговые марки, одновременная продажа оптом и в розницу*);

2) появление новых ФЕ, созданных по уже имеющимся структурно-семантическим моделям фразеологизмов, пословиц, поговорок (ср. *вернуться к своим деньгам* и *вернуться к своим пенатам, курс валют пустился во все тяжкие* и *во все тяжкие пуститься*).

Тем не менее, Н.А. Гончарова подчеркивает, что вопрос трансформации фразеологизмов недостаточно изучен, так как лингвисты до

сих пор не имеют единого мнения относительно способов изменения ФЕ. Объединив классификации, предложенные в работах Н.М. Шанского, Т.С. Гусейновой, В.В. Горлова, исследователь делит трансформации на следующие наиболее общие группы:

1) семантические трансформации – структура и компонентный состав остаются прежними, оборот наполняется новым значением;

2) лексические трансформации – изменение компонентов фразеологического оборота приводит к изменению его семантики;

3) синтаксические трансформации – происходит изменение синтаксической структуры ФЕ за счет добавления или редукции лексем, членения или изменения коммуникативного типа предложения (меняется тип предложения, например, из повествовательного в вопросительное и т.д.);

4) морфологические трансформации, для которых характерно изменение в грамматическом аспекте значения ФЕ;

5) словообразовательные трансформации – характеризуются прибавлением к компонентам фразеологической единицы различных аффиксов (данный тип трансформации наименее продуктивен) [Гончарова 2017, с. 746-750].

Таким образом, проблема выделения основных способов трансформации устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц будет актуальна еще долгое время в связи с тем, что изменение уже существующих ФЕ и появление на их базе новых – это непрерывный процесс в языке, благодаря которому существующие в нем устойчивые выражения получают новое звучание в соответствии с социальным, политическим и экономическим «настроением» носителей языка.

Многие исследователи подтверждают, что изучение фразеологии давно вышло за рамки лишь данного раздела, так как результаты, полученные учеными, вносят также вклад и в развитие социальной лингвистики. Л.К. Бобрышева, Р.Н. Менон и Е.А. Хомяков свое внимание обращают на фразеологию сленговую и жаргонную. Так, Р.Н. Менон рассматривает

способы возникновения данных устойчивых сочетаний, параллельно определяя как структурные, так и семантические их особенности, а также объясняя причины появления подобных фразеологических единиц. Среди способов формирования сленговых ФЕ он выделяет несколько алогичных приемов, что и Н.А. Гончарова при выявлении пополнения фразеологии через трансформации уже существующих ФЕ [Менон 2013, с. 54-60], например:

1) переосмысление (семантическая трансформация) – фразеологизмы наделяются новым значением в сленге (*сдать в камеру хранения* – посадить в тюрьму, *козёл отпущения* – учитель, преподаватель физкультуры, *боевое крещение* – первая сессия студента в вузе и др.);

2) искажение – изменение одного из компонентов ФЕ на основании его фонетической созвучности с другой лексемой (*ёперный театр*– раздражение, недовольство; *идея фикус*– навязчивая идея и др.);

3) видоизменение – замена одного из компонентов ФЕ сленговой или иноязычной лексемой, добавление нового компонента, что либо ведет к изменению значения оборота, либо нет (*сложиться в ящик* от *сыграть в ящик*, *шелуху нести* от *нести чушь*, *видеть в гробу в белых адидасах* от *видеть в гробу в белых тапочках*);

4) заимствование – пополнение русской сленговой фразеологии благодаря включению иноязычных сочетаний (*хай тайм* – самое время, *гоу хоум* – отправляйся домой» и др.).

Последующие три способа формирования сленговой фразеологии совпадают с лексической и синтаксической трансформациями, выделенными Н.А. Гончаровой [Гончарова 2017, с. 746-750].

Таким образом, можно говорить о сформировавшихся способах пополнения фразеологии при помощи трансформации в различных сферах деятельности: политической, экономической, молодежной и т.д.

В настоящее время большой интерес в области фразеологии вызывают работы, посвященные изучению языковой картины мира через выявление национально-культурной специфики ФЕ [Копылова 2010; Абрашина 2012; Лескина 2009; Белая 2016].

В.Е. Копылова, рассматривая историю становления фразеологии, а также основные признаки ФЕ, объясняет важность изучения фразеологии в рамках лингвокультурологии, так как данная отрасль лингвистики позволит проводить исследования фразеологических единиц с точки зрения отражения в них ЯКМ. Исследователь отмечает, что на уникальность фразеологизмов того или иного народа влияет множество факторов, к основным из которых относятся религия, история, обычаи и традиции, природные условия, а также ценностные системы определенной нации [Копылова 2010, с. 90].

Е.Н. Абрашина, анализируя фразеологизмы, содержащие оценку человека, выделяет ФЕ, называющие его качества (*в ступе не утолочь, не все дома, тёртый калач, старый конь борозды не испортит, не лыком шит, кровь с молоком* и др.), на основе чего приходит к выводу, что данные ФЕ русского языка тесно связаны с жизнью народа, включают специфику национального быта, духа, культуры, традиций и обычаев [Абрашина 2012, с. 14].

С.В. Лескина и Е.Н. Белая, полагая, что современное исследование лингвистических объектов немислимо без их сопоставления, проводят анализ фразеологических единиц в двух и более языках для выявления сходств и различий ЯКМ. Так, С.В. Лескина проводит анализ антропоцентрической направленности русской и английской ЯКМ, отраженных во фразеологии вышеуказанных языков. Выявленные совпадения в видении мира носителями данных языков, отразившиеся во фразеологических единицах, обуславливаются общностью логических и образно-ассоциативных связей в сознании носителей разных языков [Телия 1996, с. 260]. Различия же объясняются уникальностью национальной культуры и истории каждой из наций. С.В. Лескина отмечает, что изучение

фразеологии иностранных языков способствует не только лучшему пониманию представителей другой национальности, но и изучение картины мира в целом и языковой картины в частности [Лескина 2009, с.171].

Е.Н. Белая также приходит к выводу, что лингвокультурологический анализ способствует выявлению и описанию национально-культурной специфики русских, французских и английских фразеологизмов, источниками интерпретации которых становятся определенные символы, стереотипы, эталоны, мифологемы, архетипы, большинство из которых уникально для каждой нации, и несмотря на тождественные значения ФЕ, лежащие в их основе образы зачастую специфичны [Белая 2016, с.93].

Таким образом, каждый язык через призму этноспецифических черт заключает в себе особый способ видения мира, его устройства, поэтому изучение языковой картины мира отдельного языка или нескольких в сопоставительном аспекте способствует выделению национально-культурной специфики каждого из них.

На наш взгляд, получению наиболее точных результатов при исследовании фразеологии в настоящее время может способствовать решение ряда задач, выделенных на основании вышеизложенных работ, а именно:

- 1) выявление способов пополнения фразеологического фонда русского языка сегодня;
- 2) определение и классификация наиболее продуктивных методов трансформации ФЕ;
- 3) своевременное этимологическое исследование как давно известных (диалектных), так и сравнительно недавно образовавшихся (жаргонных, сленговых) фразеологических единиц, сопровождая их анализ культурно-исторической интерпретацией;
- 4) лингвокультурологический анализ фразеологических единиц как фрагментов русской ЯКМ;

5) выявление с помощью сравнительно-сопоставительного исследования общего и специфического в ЯКМ, отраженных как в структуре, так и во внутренней форме ФЕ в двух и более языках;

б) разработка нового теоретического материала, а также методов изучения фразеологии, а именно:

а) разработка общепризнанного определения понятия фразеологизм, выделению его основных признаков, что поспособствует уточнению границ фразеологии, которые на данный момент достаточно размыты;

б) разработка новых классификаций, а также дополнению или корректировке уже существующих видов классификаций ФЕ, в том числе структурно-семантической классификации В.В. Виноградова и Н.М. Шанского;

в) разработка новых научных методов исследования в связи с популяризацией изучения ФЕ на стыке двух и более научных дисциплин и направлений в лингвистике;

7) фиксация в современных словарях перехода от просторечной формы к общелитературной (многие жаргонные или сленговые ФЕ становятся со временем общеупотребительными, меняя свою стилистическую помету, что необходимо фиксировать в словарях).

Таким образом, проанализировав современные научные труды лингвистов по фразеологии, можно сделать вывод, что вопросов в данной области не становится меньше не только из-за постоянных изменений, которые претерпевает современный русский язык и, соответственно, все его уровни, но и из-за исторических событий, происходящих как в нашей стране, так и во всем мире, что, несомненно, отражается и в языковой картине мира.

1.3. Фразеологические единицы как вербализаторы национально-культурной специфики языковой картины мира

Многообразие мира, окружающее человека, несомненно, отражается и в языке. Различные объекты действительности: природные явления,

материальная и духовная культура и сам человек – все это нашло воплощение в единицах языка, которые образуют систему представлений о данной действительности. Языковая картина мира (ЯКМ) и есть данная система, или даже способ видения мира, т.е. «информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке», и несмотря на общие фоновые знания, у каждого народа она своя [Гончарова 2012, с. 397]. В работе В. фон Гумбольдта, а в дальнейшем и последователей его учения Э. Сепира и Б. Уорфа, были заложены основные гипотезы о ЯКМ, о языке как лингвистической системе, влияющей на мышление людей, воспитывающихся в определенной языковой общности [Сепир 1993; Гумбольдт 1984]. Фоновые знания, эталоны, стереотипы поведения, заложенные в языке определенного народа, передаются из поколения в поколение, т.е. ЯКМ «выполняет в каждый момент своего исторического развития функцию регистрации и инвентаризации всего накопленного коллективом говорящих на данном языке», что, безусловно, актуализирует значимость исследования ЯКМ носителей определенного языка [Емельянова 2015, с. 156].

Изучением ЯКМ занимались такие ученые, как Н.К. Абильмажинова [Абильмажинова 2014], Н.А. Беседина [Беседина 2003], Л.К. Бобрышева [Бобрышева 2008], Ю.Н. Караулов [Караулов 2009], М.З. Кумахова [Кумахова 2016], Н.В. Масалаева [Масалаева 2010], Т.П. Чепелова [Чепелова 2009].

Рассмотрим подробнее понятие ЯКМ. На сегодняшний день существует множество определений ЯКМ, что говорит о сложности данного понятия, его многогранности и неоднозначности. Это способствовало возникновению узкого (М.В. Завьялова, Р.Х. Хайруллина, Е.С. Яковлева и др.) и широкого (Л.А. Климкова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Б.А. Серебренников и др.) подходов к пониманию термина ЯКМ.

Б.А. Серебренников ЯКМ понимает как «представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое

членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенную в системных значениях слов информацию о мире» [Серебренников 1990, с. 33].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, под *картиной мира* (непосредственной (когнитивной) и опосредованной) понимается упорядоченная информация об окружающей действительности, которая сложилась в сознании как индивидуальном, так и групповом или общественном [Попова 2007, с. 36]. Так, ЯКМ – это один из видов опосредованной картины мира, т.е. репрезентация концептосферы с помощью знаков, вербализующих когнитивную картину мира [Попова 2007, с. 37], т. е. видение мира какого-либо народа отражается в знаках языка и их семантике.

Л.А. Климова вслед за Б.А. Серебренниковым, З.Д. Поповой и И.А. Стерниным под ЯКМ понимает «субъективный образ объективного мира», т.е. вариант представления концептуальной картины мира через коллективную языковую, речемыслительную деятельность на протяжении длительного времени [Климова 2008, с.12].

Е.С. Яковлева, М.В. Завьялова, Р.Х. Хайруллина считают, что ЯКМ – это особая схема восприятия окружающего мира, действительности, которая фиксируется в языке и специфична для определенной языковой общности [Яковлева 1996, с. 47].

Ю.Д. Апресян к ЯКМ относит «некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995, с. 39]

Таким образом, ЯКМ – это репрезентация реальной картины мира через культурный опыт народа и ее вербализация в единицах национального языка (лексике, грамматике, словообразовании), что делает ЯКМ специфичной и национальной, каким является и сам язык, через призму которого отображается действительность. Языковая картина мира во многих аспектах может соотноситься с действительностью, но при отражении каких-либо ее понятий быть сугубо национально-культурной.

Языковую картину мира также называют и наивной картиной мира, т.к. зачастую она иначе классифицирует объективную реальность (знания о повседневной жизни), т.е. отличается от научной картины мира. Исходя из вышеизложенных определений, можно сделать вывод, что ЯКМ динамична, т.е. подвержена изменениям с течением времени в связи с переменами в культурных представлениях носителей языка. ЯКМ может быть как общенациональной, так и индивидуальной (индивидуально-авторской), причем одна может оказывать влияние на другую, так как «язык отдельного человека, индивидуальный язык, состоит из большей части общего языка и меньшей части индивидуальных языковых особенностей; последние и являются основой развития общего языка» [Лютикова 1999, с. 11].

Несмотря на целостность картины мира, ее вербализация происходит с помощью различных элементов языка, т.е. язык как многоуровневый феномен отражает мир, совокупность знаний о нем практически на каждом уровне, в особенности, по мнению В.А. Масловой, на лексическом (слова, фразеологизмы) [Есмурзаева 2012, с. 57]. Невозможно охватить весь язык, чтобы описать ЯКМ, но можно описать определённые фрагменты ЯКМ, т.е. идти индуктивным путём [Там же].

Е.С. Яковлева выделяет несколько направлений, исследования в рамках которых позволят не только дать точное определение понятия ЯКМ, но и выявить определенные схемы, модели репрезентации картины мира в языке, определить национально-культурную специфику ЯКМ, отражающуюся в единицах языка:

- 1) типологическое исследование ЯКМ (славянская, балканская и т.д.);
- 2) изучение ЯКМ в аспекте реконструкции духовной культуры народа;
- 3) исследование ЯКМ через отдельные стороны языка (лексический состав языка, словообразование, метафоры) [Яковлева 1994, с. 9].

Наиболее яркими единицами языка, заключающими важную информацию для понимания ЯКМ народа, являются фразеологизмы. «Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит

своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996, с. 215]. Фразеология «представляет собой уникальный фрагмент языковой картины мира, передающий специфические черты восприятия и отражения действительности, присущие тому или иному народу» [Григоренко, Саад 2009, с. 93].

Сложность и многогранность явления фразеологии дает возможность изучать ее через призму других дисциплин. Так, объектом изучения в лингвокультурологии является картина мира определенной языковой общности, предметом же – лексемы и их сочетания, являющиеся репрезентантами ЯКМ. Исследования фразеологических оборотов в рамках лингвокультурологии направлено на выявление в их компонентном составе, а также денотативном, сигнификативном и коннотативном макрокомпонентах значения ФЕ особых знаков культуры и особенностей мировидения носителей какого-либо языка. Так, А.Ф. Артемова называет фразеологизмы лингвокультурологическими единицами, «в которых отражено мировоззрение того или иного лингвокультурного общества» [Артемова 2002, с. 79]. Очень большое внимание уделяется изучению национально-культурной специфики фразеологических единиц [Арсентьева 2006], особенностям ФЕ в различных языках [Гизатова 2006], их внутренней форме как объекту лингвистического исследования [Гарифуллина 2006]. Существует множество работ, основанных на изучении ЯКМ, отраженной во фразеологических оборотах [Доронина 2004; Жукова 2008; Ковшова 2009].

«Фразеологизмы являют собой наиболее ценный источник информации о менталитете народа, его обычаях, верованиях, культурно-национальных ценностях» [Скоморохова 2018, с. 114]. Фразеология, являясь ярким примером отражения культуры народа, его представлений о мире, о самом человеке, безусловно, может считаться значимым компонентом языковой картины мира. Именно фразеологизмы, обладая большой образностью, по-

особенному воплощают в себе объективную действительность, вследствие чего она становится субъективной, так как видение мира у разных языковых общностей свое, как и своя мифология, поверья, религия, свои традиции, литература, а также климатические условия, преобладающий ландшафт и многое другое. Поэтому исследование языковой картины мира, представленной во фразеологии носителей того или иного языка, является ключом к пониманию особенностей восприятия мира различными языковыми общностями и национально-культурной специфики ФЕ и языка в целом.

Таким образом, языковая картина мира – это одно из основных понятий лингвокультурологии, предметом которой являются единицы языка, заключающие символы, эталоны, стереотипы и имеющие, с точки зрения культуры, огромную значимость, а также «результаты человеческого сознания <...> зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (поговорках) и т. д.» [Шарипова 2015, с. 994]. Также обращение к проблемам лингвосознания и лингвокультуры встречается в работах В.И. Супруна, отмечающего, что существуют универсальные лексико-фразеологические средства языка, относящиеся к тому или иному объекту [Супрун 2017, 2019; Брысина, Супрун 2020].

В.Е. Копылова объясняет важность изучения фразеологии для лингвокультурологии в связи со способностью данных единиц языка накапливать и выражать «материальную и духовную культуру народа», что способствует пониманию языковой картины мира [Копылова 2010, с. 90]. С.В. Лескина проводит исследование антропоцентрической направленности во фразеологизмах русского и английского языков, что приводит ее к выводу, что, при сопоставлении фразеологизмов различных языков (также и неродственных), можно выделить как сходства, так и различия, так как «мировоззренческие понятия личностны и социальны, национально

специфичны и общечеловечны одновременно» [Лескина 2009, с. 171]. В.В. Шкатова в своей работе представляет обзор основных научных исследований, посвященных изучению языковой картины мира, а также фразеологической картины мира (ФКМ) как базовой части ЯКМ [Шкатова 2012, с. 208-214].

Р.Т. Сираева и Ф.Г. Фаткулина рассматривают феномен фразеологической картины мира, его своеобразие в связи со способностью отражать действительность в определенном вербально-ассоциативном диапазоне [Сираева, Фаткулина 2014, [http](#)].

На основании рассмотренных работ, можно сделать вывод, что фразеологическая картина мира – это важный элемент языковой картины мира, вербализация которой происходит при помощи ФЕ, образующих базовую систему, все компоненты которой описывают действительность, отражая как универсальные фоновые знания всего человечества, так и знания, сформировавшиеся у конкретной языковой общности в связи с ее этноспецифическими чертами. К этноспецифическим чертам могут относиться определенные реалии, характерные для какого-либо народа, заключающие в себе национально-культурную специфику, а точнее культурно-исторические традиции, шаблоны мышления и поведения, как раз и передающие из поколения в поколение фоновую информацию, заключающую миропонимание уже конкретного народа. Расшифровка же подобной информации для носителя языка происходит на бессознательном уровне, что позволяет выявить культурное содержание фразеологизмов, а на основе полученной информации определить особенности ЯКМ. Национальная специфика, заключенная в языковой картине мира и поведении носителя языка, объясняется спецификой культуры народа, которая может также заключаться и во фразеологизмах.

На сегодняшний день существуют два подхода к пониманию средств воплощения национально-культурной специфики во фразеологизме: первый касается рассмотрения только слов-реалий в идиомах, второй же включает

достаточно широкий круг явлений языка (включая культурно маркированные реалии) [Телия 1996; Добровольский 1994]. Например, если фразеологизмы обладают национально-культурной спецификой, то в каждом случае она должна выражаться каким-либо способом, соединять знак языка и концепты, символы, эталоны, стереотипы и т.д, т.е. все, что каким-либо образом может заключать в себе опыт познания мира определенным народом, культуру национальную и общечеловеческую. В.Н. Телия считает, что основным при изучении национально-культурной специфики фразеологизмов является выявление национально-культурной коннотации [Телия 1996, с. 215-216].

Таким образом, существуют определенные реалии, характерные для какого-либо народа, заключающие в себе национально-культурную специфику, значимые коды, либо шаблоны, передающие из поколения в поколение фоновую информацию, заключающую миропонимание народа, расшифровка которой для носителя языка происходит уже на бессознательном уровне, что позволяет выявить культурное содержание фразеологизмов.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, рассматривая фразеологизмы как единицы, содержащие национально-культурную специфику, считают так же, что она может отражаться:

1) во всех компонентах ФЕ, т.е. в комплексном фразеологическом значении, и в большинстве случаев такие ФЕ не имеют эквивалентов и отражают различные традиции народа, его обычаи;

2) в отдельных компонентах ФЕ;

3) через прототипы ФЕ, в которых описываются детали быта, культуры, истории, а именно: факты и исторические события, предания и верования, народные традиции и праздники в народном творчестве, денежной системе, системе мер, спортивных, азартных и детских играх, реалиях современной жизни [Верещагин, Костомаров 2005, с. 171-179].

Интерпретируя фразеологизм (его компоненты, образ), можно выявить его национально-культурную специфику. Но на основании чего происходит

интерпретация? В.Н. Телия дает более подробное описание источников интерпретации, к которым относятся и вышеупомянутые прототипы:

1) ритуальные формы народной культуры: поверья, обряды (свадебные, поминальные, новоселье, сбор урожая и т.д.), гадания, мифы, заклинания (*от ворот поворот, у черта на куличках*);

2) паремиологический фонд является одним из самых значимых источников интерпретации культуры в ФЕ, так как из века в век пословицы передают стереотипы народного самосознания, они представляют особый язык, в котором заключена философия народа;

3) система образов-эталонов, которые возникают у каждого народа при познании окружающего мира (животные растения, природные явления, предметы, пространство, время), при их сопоставлении друг с другом, при соизмерении себя с ними зачастую на основании определенных свойств, носителями которых выступают сравниваемые субъекты. «Эталон – это характерологически образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией – персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [Телия 1996, с. 242]. Таким образом, в основе эталона лежит сравнение, полученное через познание и переосмысление действительности;

4) слова-символы или слова и словосочетания, получающие символическое прочтение (квази-символы), т.е. определенные языковые единицы получают ассоциативное переосмысление, из чего рождается языковой символ (так, в ФЕ *сердце кровью обливается* не реалья *сердце* является носителем символа, а имя, значение которого получает символическое прочтение – орган чувств, т.е. средоточие переживаний, эмоциональное начало). М.Л. Ковшова также полагает, что в семантике фразеологических единиц может образовываться символический компонент, отражающий культурную идею с присущим ей ценностным содержанием при сохранении фразеологизмом языковой функции и языкового значения [Ковшова 2013,

с. 27]. Описание подобных символов, представленных компонентами в структуре ФЕ, обладают ценным символическим содержанием. Интерпретация же образа, заключенного в данных символах, позволяет выявить культурное содержание ФЕ. Таким образом, символ – это значимая, с точки зрения национально-культурной специфики, часть внутренней формы фразеологизма, формирование которой основывается на реалиях, характерных для определенной нации, т.е. символ создается за счет фоновых знаний;

5) христианство, повлиявшее не только на мировоззрение народа, но и на его историю. Религиозные тексты (библейские), обряды (крещение, похороны, венчание, исповедь и т.д.), исторические события, связанные с распространением христианской веры и т.д. – все это едва ли не самая значительная сфера жизни человека, повлиявшая на формирование особого миропонимания, отразившегося во фразеологизмах. Двойственный характер веры русского человека на протяжении многих веков (язычество и Православие) также оказал огромное влияние на формирование фразеологизмов, национально-культурная специфика которых довольно часто заключена в компонентном составе ФЕ (*после русалкиного заговенья, до морковкина заговенья, черт/бес/леший знает, после дождичка в четверг, валаамова ослица, испить горькую чашу, нести свой крест, олух царя небесного* и т.д.);

б) интеллектуальное достояние нации – учения различных наук (философских, математических, лингвистических, астрономических и т.д.), литература служат источниками национально-культурной интерпретации ФЕ;

7) компоненты-реалии, в которых ярко выражены сведения, отраженные в страноведческих словарях (*гол как сокол, задавать баню, человек в футляре*);

8) прототипы (ФЕ, отображающие типовые представления), образное основание фразеологизмов, служащее подсказкой к их культурной

интерпретации в связи с буквальным прочтением ФЕ. Такие ФЕ не имеют эквивалентов в других языках в связи с тем, что у различных народов свое видение мира, опыт его познания, отразившееся в эталонах, стереотипах и символах [Телия 1996, с. 240–251].

Таким образом, культура в значительной степени оказывает влияние на формировании фразеологизмов, которые начинают играть роль эталонов, стереотипов культуры определенной нации, воплощающихся в национально-культурной коннотации ФЕ. Человек, овладевая языком, усваивает данную национально-культурную коннотацию, которая через фразеологию, ее образы диктует определенную общую для данного народа модель самосознания, транслирующуюся из поколения в поколение с помощью языка.

Итак, фразеология является базовым элементом любой языковой картины мира, в ней отражаются знания о повседневной жизни, это один из основных трансляторов опыта и обыденной мудрости из поколения в поколение. Национально-культурная специфика, заключенная в компонентах, внутренней форме ФЕ, репрезентирующаяся через связь с символами, эталонами, стереотипами (архетипы, мифонимы), делает ту или иную языковую картину мира особенной. В связи с этим изучение ЯКМ, воплощенной во фразеологизмах национального языка, в их компонентном составе и значении, является одной из основных задач для лингвокультурологии.

1.4. Код культуры и фразеология

Еще одним важным понятием, связывающим язык, ЯКМ и культуру, является *культурный код*. Код культуры моделирует ЯКМ, закрепляясь в лексическом, фразеологическом, паремиологическом фондах языка, а также и в других текстах культуры определенного народа, как истинных ее хранителей [Аврамова 2015, с. 14]. Так, культурные коды формируют определенные фрагменты картины мира, которые объединяют представления

человека об объектах действительности, имеющих культурный смысл, язык же в данном случае является «специфическим признаком этноса, как один из элементов, организующих его» [Ефименко 2012, с. 188]. Именно поэтому коды и закрепляются, как уже было сказано выше, на всех его уровнях, но особенно ярко они проявляются именно во фразеологии, являющейся зеркалом, в котором «лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1996, с. 9].

За время изучения культурного кода сформировалось множество различных точек зрения на то, что подразумевает под собой данное понятие. В.Н. Телия понимает под кодом культуры «таксономический субстрат ее текстов», который включает в себе окультуренные представления о картине мира какого-либо народа: к ним можно отнести природные объекты, артефакты, явления, ментофакты [Телия 1999, с. 20-21].

Культурный код – это окружающие человека объекты (их номинации), которые «помимо выполнения своих прямых функций, обретают еще и функцию знаковую, оказываются способными нести некие добавочные значения» [Гудков 2004, с. 39]. И.Г. Ольшанский, как и В.Н. Телия, к подобным объектам относит «совокупность окультуренных представлений о картине мира данного социума (природные объекты, артефакты, явления, действия, события, ментефакты)» [Ольшанский 2000, с. 20].

Е.Л. Березович относит код культуры к понятию, входящему в парадигматику языка культуры, которое вербализуется «не только определенными лексическими группировками», но и связанными с ними текстами, наиболее ярко отражающими национально-культурную специфику: тексты устного народного творчества, различные традиции, верования и т.д. [Березович 2007, с. 15].

Н.А Симбирцева называет культурным кодом общность знаков и их различных комбинаций внутри определенного историко-культурного периода, которые имеют два плана выражения в культурных текстах: вербальный и невербальный, которые обладают устойчивостью и

воспроизводимостью во времени и пространстве, сохраняя при этом свой коммуникативный потенциал «на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик» [Симбирцева 2016, с. 157].

Несмотря на такое количество определений данного понятия, общим для них является то, что в современной лингвокультурологии код культуры является системой знаковых тел окружающего мира и их наименований, представленных в текстах культуры, и в каждом таком знаке (его наименовании) вербализуется определенный культурный смысл, важный и понятный для представителя определенного народа.

Исследователи зачастую делят культурные коды по принципу их выражения. Выделяют *субстанционные* (материальное выражение) и *концептуальные* (выражение через концепты) коды [Березович 2007], *универсальные* (базовые), т.е. свойственные для каждого народа [Красных 2003], *вербальные* (выражение через слова), *акциональные* (выражение через действия, жесты) и *реальные* (объекты, одновременно существующие в материальном мире и культурном пространстве, например, одежда) [Гудков, Ковшова 2007].

Фразеологическая система языка является средством представления основных кодов культуры, которые В.В. Красных сравнивает с сеткой, «набрасываемой культурой на окружающий мир, которая членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных 2002, с.232].

Л.Ю. Буянова и Е.Г. Коваленко рассматривают фразеологизмы как ключевые знаки культуры, которые способны отражать ее народно-мировоззренческую основу. По их мнению, фразеологизм – «это уникальная репрезентативная единица кода экспрессивно-образной номинации, имеющая особую когнитивную организацию, характеризующаяся специфической корреляцией гносеологического, семантико-смыслового, ассоциативно-образного, этического, этнического, конфессионального и прагматического аспектов [Буянова, Коваленко 2012, с. 46]. Из этого следует, что фразеологизмы становятся особыми, ключевыми знаками культуры, которые

способны сформировать и отразить специфику мировоззрения, характерного для определенного народа. Именно поэтому М.Л. Ковшова называет фразеологические единицы текстами культуры, представленными в сжатом виде, в которых вербализуются культурные коды [Ковшова 2013, с. 218]. Так, одна фразеологическая единица может содержать в себе заключенный в коде целый знаковый пласт, каждый уровень которого отражает национальные представления о мире.

К.В. Манерова также считает, что фразеологизмы детерминированы определенным культурным кодом, они «сохраняют в себе знаковые компоненты традиций, идеологии, многовекового культурно-исторического наследия этноса в виде ключевого компонента или же целостного фразеологического значения, возникающего на основе семантического сдвига» [Манерова 2016, с. 111]. Иными словами, подобные коды несут важную информацию, заключенную в ФЕ, что способствует лучшему пониманию как истории народа, так и его менталитета, т.е. внутренней готовности человека действовать определённым образом, так как образ жизни фиксируется в языке, обладающем своей национально-культурной языковой аурой. Особенности мышления, как считают З.Д. Попова и М.М. Копыленко, отражаясь во фразеологизме, дают «иногда весьма неожиданные для представителей другого народа сопоставления и метафорические представления», делая ФЕ в основной массе «сугубо национальным явлением каждого народа» [Копыленко, Попова 1989, с. 148].

Количество культурных кодов достаточно разнообразно, выделение тех или иных кодов зависит от их важности для человека в познании мира, его категоризации, формировании мировоззренческих установок. Достаточно подробный перечень кодов культуры представлен В.Н. Телией, который включает:

1) *собственно человеческий, или антропный код* – включает в себя названия человека в общем, которые обозначают различные аспекты и различные качественные и количественные свойства, характерные для них,

также сюда входят смыслы, раскрывающие их функциональную значимость для культуры, придающие роль именам как знакам языка культуры – пространственным и временным видам деятельности и жестам (впитать с молоком матери, хватил Кондратий и др.);

2) *зооморфный код* – вербализуется в именах животных и именах иных живых существ, в их пространственно-временных измерениях, которые обуславливают роль знаков языка культуры данных имен (черная кошка пробежала, крокодиловы слезы, бред сивой кобылы, волк в овечьей шкуре);

3) *растительный код* – наименования представителей флоры, а также каких-либо их частей (тише воды, ниже травы, дубовая голова, бобы разводить);

4) *природный код* – заключается в наименованиях различных природных объектов, к которым также можно отнести и части ландшафтных элементов (гора с плеч, камень с сердца, пройти огонь и воду);

5) *вещно-костюмный код* – вербализуется в совокупности наименований предметов одежды и их частей (родится в рубашке, спусть рукава, под каблуком);

6) *артефактно-вещный код* – совокупность наименований всевозможных предметов, заполняющих пространство вокруг человека, в том числе предметов быта (принимать за чистую монету, до фонаря);

7) *архитектурный код* – реализуется в наименованиях различных строений, их частей, памятников и т.д. (ума палата, ни кола ни двора);

8) *гастрономический код* – совокупность наименований элементов пищи, пищевой традиции, различных блюд (каша во рту, сидеть на хлебе и воде, профессор кислых щей);

9) *временной код* – данный код заключается в совокупности наименований временных периодов, их длительности (от зари до зари, когда рак на горе свиснет, до морковкиного заговенья, после дождичка в четверг, час от часу не легче);

10) *числовой код* – совокупность наименований количественных показателей, чисел, величин, численных определенностей, которые

заключают в себе образно-символические значения (одна извилина, дважды два);

11) *цветовой код* – выражается в наименованиях цветов, цветообозначениях предметов, реализуя тем самым свое символическое значение (в розовом свете);

12) *пространственный код* реализуется в наименованиях, обозначающих пространство, его категоризацию по отношению человека к параметрам данного пространства (к черту на кулички, без задней мысли);

13) *религиозно-антропоморфный* и/или *духовный код* – это аксиологический код, который заключается в нравственных ценностях, эталонах, базовых оппозициях культуры, пронизывающих все бытие (путать божий дар с яичницей, черт его знает, по душе);

14) *религиозно-артефактивный код* – совокупность наименований предметов религиозного быта, а также характерные для них действия и качества (пойти под венец, на ладан дышит);

15) *телесный или соматический код* – наименования тела человека и его частей, их количественных и качественных характеристик, приобретающие символные функции (сердце замирает, глаза горят, язык без костей, не покладая рук, по сердцу).

В. Аврамова, В.А. Маслова и др. помимо кодов, перечисленных выше, выделяет еще и космогонический код (*витать в облаках, достать луну с неба, звезд с неба не хватает*) [Аврамова 2015, с.14; Маслова 2012, с. 355].

В.В. Красных относит к основным такие коды, которые фиксируют именно архетипические, наивные представления народа о мироздании. К ним он относит *соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный* [Красных 2003, с. 298].

Углубленные исследования кодов культуры и сегодня являются достаточно актуальным, так как помогают лучше понять не только принцип осознания мира человеком, определенным народом, который он вербализует в языке, но и выделить культурные коды, которые заключают в себе знаковую комбинацию смыслов, важных, например, для лучшего понимания

художественных текстов какого-либо автора. Среди подобных работ можно выделить исследование И.В. Захарченко, посвященное фразеологическим единицам, соотносимым с пространственным кодом русской культуры. Он рассматривает роль древнейших оппозиций *внутреннее – внешнее, свой – чужой*, а также «мифологическую функцию границы в структурировании пространства русского мира» [Захарченко 2013, с. 15].

Выделение в творчестве русских писателей ономастического кода, то есть «особой системы ономастических единиц, с помощью которой представлена автором и может быть выявлена читателем знаковая для художественного текста комбинация смыслов, переданная через авторские онимы», также является достаточно интересным среди последних исследований, так как еще раз подтверждает реализацию кодов культуры на всех уровнях языка русского народа [Скуридина 2020, с. 12].

Возвращаясь к кодам культуры, заключенным во фразеологическом фонде русского языка, следует отметить, что зачастую именно определенный компонент является носителем знаковых смыслов. В нашей работе рассматриваются фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления, в которых был выделен определенный компонент, вербализующий код русской культуры, а именно ФЕ:

- 1) с доминирующим компонентом-соматизмом (соматический код);
- 2) с доминирующим компонентом-зоолексемой (зооморфный код);
- 3) с доминирующим пространственным компонентом (пространственный код);
- 4) с доминирующим временным компонентом (временной код);
- 5) с доминирующим компонентом с низкой фразеобразовательной активностью (гастрономический код, религиозно-антропоморфный код, числовой и др.).

Фразеологическая единица является результатом перехода культурного кода в систему языка. Таким образом, исследование фразеологизмов, выявление культурных кодов, заключенных в них, способствует лучшему пониманию языковой картины мира народа.

ВЫВОДЫ

Фразеология как научная дисциплина, как совокупность всех фразеологических единиц языка, которую мы знаем сегодня, прошла долгий путь от выделения в языке устойчивых словосочетаний до объекта исследования многих лингвистических и нелингвистических дисциплин. Исследования в области фразеологии со дня выделения ее в отдельный раздел языкознания можно разделить на несколько этапов, для каждого из которых характерна своя диктуемая временем и степенью научной разработанности проблемы актуальность. Но особое внимание следует уделять современному этапу, для которого характерно углубленное изучение ФЕ на стыке других лингвистических дисциплин и направлений.

Существование в настоящее время двух подходов – широкого и узкого – к изучению понятия *фразеологизм*, а также его основных свойств, говорит о сложности и неоднозначности данной единицы языка. Непрерывный процесс изменения ФЕ, появление новых оборотов, отражение значимых социальных и исторических процессов и множество других факторов, оказывающих большое влияние на русскую фразеологию, ставят перед исследователями новые задачи, требующие решения, одной из которых является лингвокультурологический анализ фразеологических единиц русского языка с целью исследования современной ЯКМ–репрезентации реальной картины мира через культурный опыт народа и ее вербализация в единицах национального языка (лексике, грамматике, словообразовании), что делает ЯКМ специфичной и национальной, каким является и сам язык, через призму которого отображается действительность.

Так, единицами языка, заключающими важную информацию для понимания ЯКМ народа, являются фразеологизмы. Поэтому исследование ЯКМ, представленной во фразеологии, является ключом к пониманию особенностей восприятия мира различными языковыми общностями и национально-культурной специфики ФЕ и языка в целом.

Интерпретируя фразеологизм (его компоненты, образ), можно выявить его национально-культурную специфику через такие источники интерпретации, как ритуальные формы народной культуры, паремиологический фонд, систему образов-эталонов, слова-символы, христианство, повлиявшее не только на мировоззрение народа, но и на его историю, интеллектуальное достояние нации, компоненты-реалии, в которых ярко выражены сведения, отраженные в страноведческих словарях и прототипы.

Как видим, фразеология, являясь базовым элементом ЯКМ и основным транслятором обыденной мудрости, отражает мировидение народа. Национально-культурная специфика, заключенная в ФЕ, может репрезентироваться через связь с символами, эталонами, стереотипами (архетипы, мифонимы), что делает ту или иную языковую картину мира особенной. В связи с этим изучение ЯКМ, воплощенной во фразеологизмах национального языка, в их компонентном составе и значении, является одной из основных задач для лингвокультурологии.

Еще одним важным понятием, связывающим язык, ЯКМ и культуру, является культурный код, заключенный в единицах языка и особенно ярко проявляющийся во фразеологии. За время изучения культурного кода сформировалось множество определений данного понятия, общим для которых в современной лингвокультурологии является представление кода культуры как систему знаковых тел окружающего мира и их наименований в текстах культуры. Коды и закрепляются на всех уровнях языка, но особенно ярко они проявляются именно во фразеологии, так как ФЕ способны отражать народно-мировоззренческую основу. Из этого следует, что фразеологизмы становятся особыми, ключевыми знаками культуры, которые способны сформировать и отразить специфику мировоззрения, характерного для определенного народа.

Количество культурных кодов достаточно разнообразно, например, выделяют *собственно человеческий, или антропный код, зооморфный код,*

растительный код, природный код, вещно-костюмный код, артефактно-вещный код, архитектурный код, гастрономический код, временной код, числовой код, цветовой код, пространственный код, религиозно-антропоморфный и/или духовный код, религиозно-артефактивный код, телесный или соматический код и космогонический код.

Возвращаясь к кодам культуры, заключенным во фразеологическом фонде русского языка, отметим, что зачастую именно определенный компонент является носителем знаковых смыслов. В нашей работе рассматриваются фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления, в которых был выделен определенный компонент, вербализующий код русской культуры, так как их выявление способствует лучшему пониманию языковой картины мира народа.

ГЛАВА II. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАИМЕНОВАНИЕ НЕРЕАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ СОМАТИЧЕСКОГО КОДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1. Соматическая лексика: определение, особенности, классификация

Присутствие человека в языке неоспоримо, так как он является не только его носителем и источником словотворчества, но и вербализует себя в языке: свой многовековой опыт, видение мира, чувства, состояние, свое тело и процессы, происходящие с ним. Примером подобного отражения в языке, несомненно, является соматическая лексика, которая входит «в ядро основного состава словарного фонда языка» [Кравченко 2014, с.75]. На протяжении многих тысячелетий у людей менялось отношение к человеческому телу, к его свойствам и потребностям: от культа и восхваления природы тела, запрета и ужесточения всего, что связано с телесностью, до его принятия и полного снятия ограничений с данной табуированной некогда темы. На сегодняшний день в современной культуре человеческое тело стало предметом пристального изучения множества наук, интерес к нему не иссякает, а перед лингвистикой открываются новые возможности для изучения функционирования телесной лексики в языке, ее отражения в языковой картине мира того или иного народа через культурные коды.

Существование сознания человека неотделимо от его тела, что привело к постоянному наблюдению за ним, изучению, отразившись в языке, в его лексике, поэтому «слова, обозначающие части тела человека, так же древни, как и само человеческое сознание» [Бердникова 2000, с. 19]. Названия частей тела – древнейший пласт лексики, непосредственно связанный с функционально-чувственными сторонами человеческого бытия и отражающий культурно-антропологические особенности индивидов,

принадлежащих к тем или иным языковым сообществам. Эта группа относится к основному словарному фонду, который складывался в течение многих тысячелетий и который отображает не только знания носителей речи об окружающем мире, но и их представления о себе и о своем организме. Группа соматизмов как один из самых архаичных и стойких к изменениям компонентов лексической системы, всегда использовалась и используется при решении многих важных проблем истории языка, в частности для установления родства языков. Эта тематическая группа нагляднее всего демонстрирует процесс образования вторичных значений, культурных смыслов, связанных с человеческой деятельностью.

Такие ученые, как Л.В. Гриченко и Ю.А. Харченко [Гриченко, Харченко 2016], О.В. Старых [Старых 2011], М.А. Федорова и М.С. Никонюк [Федорова, Никонюк 2012], Т.А. Бердникова [Бердникова 2000], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1999], Т.Н. Федуленкова [Федуленкова 1989, 1996], Ю.Д. Апресян [Апресян 1995], Л.Б. Воробьева [Воробьева 2015], В.В. Красных [Красных 2002], Е.Ф. Арсентьева [Арсентьева 1993], Ф.О. Вакк [Вакк 1968], ЭМ. Мордкович [Мордкович 1971], И.Е. Городецкая [Городецкая 2007], М.А. Аверина и Е.И. Болдырева [Аверина, Болдырева 2013], Чунъли Ли [Чунъли 2013] и др. занимались изучением соматизмов, отражая результаты исследования в своих научных трудах. Подобный интерес со стороны ученых к наименованиям соматических объектов свидетельствует о важности изучения данных языковых единиц на всех уровнях, в том числе и во фразеологии.

Впервые термин *соматический* был употреблен Ф. Вакком, который, занимаясь исследованием фразеологических единиц эстонского языка, включающих наименования частей человеческого тела, назвал их соматическими. Уже тогда Ф. Вакк пришел к заключению, что фразеологизмы, содержащие соматизмы, являются наиболее употребляемыми в языке эстонцев и представляют древнейший лексический пласт [Вакк 1968; Городецкая 2007, с. 164]. В будущем не одно исследование

подтвердит данный вывод [Телия 1996; Красных 2001; Боргоякова 2013 и др.]. Так со второй половины XX века в языкознании начинают использоваться термины *соматизм*, *соматический*.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных соматической лексике, до сих пор остается открытым вопрос, какие лексемы следует относить к данным языковым наименованиям. Одни лингвисты ограничиваются наименованиями внешних частей тела и частями этих частей (руки, ноги, голова, шея, пальцы и т.д.), другие же относят к соматизмам еще и внутренние органы, кости, телесный покров (мозг, сердце, печень, кишки, волосы, локти, колени), есть и третья группа, которая относит к соматической лексике все вышеперечисленное имена соматических объектов, а также телесные жидкости (кровь, пот, слезы), образования на теле (рана, царапина) и даже жесты. В связи с этим существует необходимость классификации подобных единиц языка.

Существуют два подхода к толкованию лексем *соматизм*, *соматический*: широкий и узкий. Следует отметить, что среди лингвистов нет расхождений в понимании того, что такое *соматизм*, *соматическая лексика*, разногласия касаются наименований, которые можно отнести к подобной лексике и которые, по мнению некоторых ученых, к ней не относятся (далее в параграфе мы подробнее рассмотрим данный вопрос). Согласно широкому толкованию, *соматизмы*, *соматический* [от греч. *soma* (*somatos*) 'тело'] – «это средства обозначения явлений, относящихся к сфере телесности» [Сайфи 2008, с. 9]. В более узком понимании к *соматизмам*, *соматической лексике* можно отнести различные признаки телесности, положение тела, его движения, то есть компоненты, которые относятся к невербальному языку: жесты, мимику, позы, выражения лица, душевное состояние [Верещагин, Костомаров 1990, с. 203].

Итак, термин *соматизм* употребляется в значении «связанный с телом человека, телесный» и противопоставляется понятию «психический»

[Старых 2011; с. 80]. В.В. Шарманов также относит к соматизмам и наименования частей тела животного [Шарманов 2014, с. 2].

Определение границ данной лексики, как уже было сказано, представляет предмет особого научного изучения. В широко известной классификации понятий, разработанной Р. Халлигом и В. фон Вартбургом, соматическая лексика представлена в рамках трех сфер:

1. Вселенная.
2. Человек.
3. Вселенная и Человек.

Соматизмы в строгом смысле слова локализируются в сфере «Человек» под рубрикой «Человек как живое существо» и входят в 10 тематических групп: характер, физическое состояние, ощущение-состояние, ощущение-отношение, качественная характеристика человека, умственная деятельность, портрет, действия и поступки человека, социальное положение, степень отдаленности от объекта [Hallig, Wartburg 1952].

В настоящем исследовании под *соматизмами* понимаются прежде всего языковые средства обозначения явлений, относящихся к сфере телесности, то есть к сфере телесного бытия субъекта в физическом мире (а не отдельные проявления человеческого тела, такие, как жесты, мимика и т.п.) и предлагается следующая классификация соматизмов, которая основана на их функциональных признаках, а также на противопоставлении «внешнее / внутреннее»:

1) названия частей и областей тела – сомонимическая лексика (от греч. *sôma* ‘тело’ и *опута* ‘имя’), к которой относятся слова, обозначающие тело человека, названия головы и ее частей, названия шеи и туловища человека, названия верхних и нижних конечностей;

2) названия внутренних органов – спланхонимическая лексика (от греч. *splanchna* ‘внутренности’ и *опута* ‘имя’) и лексика кровеносной системы – ангионимическая лексика (от греч. *angeion* ‘сосуд’ и *опута* ‘имя’),

к которой относятся наименования внутренних органов в целом и названия пищеварительных, дыхательных и мочеполовых органов;

3) названия составляющих скелета – остеонимическая лексика (от греч. *osteon* ‘кость’ и *опута* ‘имя’), включающая названия костной системы человеческого организма в целом, названия костей головы, туловища, нижних и верхних конечностей;

4) названия органов чувств – сенсонимическая лексика (от лат. *Sensus* ‘чувство, ощущение’ и греч. *опута* ‘имя’): слова, относящиеся к данной группе, распределяются в зависимости от принадлежности к соответствующей денотативной сфере объектов (названия органов зрения, органов слуха, названия органов обоняния, органов вкуса и органов осязания).

Достаточно часто соматическая лексика встречается в структуре фразеологизмов и является не только наиболее ярким отражением человека в языке с физиологической точки зрения (описание частей тела), но и с точки зрения национально-культурной специфики и языковой картины мира. Так, О.А. Боргоякова пишет, что «процесс осознания себя как личности человек начал с ощущений, которые возникают непосредственно через органы чувств и части его собственного тела» [Боргоякова 2013, с. 169]. Как известно, названия частей тела чаще всего участвуют в образовании фразеологизмов, так как значимость соматизмов, общая черта многих, если не всех систем фразеологизмов. Согласно данным Оксфордского словаря идиом (The Oxford Dictionary of Idioms) в языках, которые сравниваются, на первом месте для образования фразеологизмов оказываются слова, обозначающие руку, глаза и голову [Федорова 2012, с. 81].

Таким образом, можно говорить о фразеологической активности соматизмов, под которой понимается «способность входить в состав фразеологической единицы» благодаря древности номинаций частей человеческого тела [Занковец 2008, с. 125].

Важным для исследования является и то, что наименования частей тела, т.е. соматизмы, заключают в себе соматический код культуры, который еще называют *телесным* [Гудков, Ковшова 2007, с. 9], *антропоморфным* [Багаутдинова 2007, с. 21], *физиолого-соматическим* [Леонтьева 2003, с. 9].

Соматический код является основным и наиболее древним, так как человек «окультурацию мира начал с самого себя... а через осознание себя пришел к описанию мира, перенося свои знания о себе самом на окружающую действительность», что и отразилось во фразеологии русского языка [Петрова 2007, с. 134]. В соматическом коде особое место занимают символичные функции различных частей тела. Например, в роли символа человека как такового или через его характеристику, признак могут выступать: голова (*считать по головам; ну, ты голова!*), плечи (*на ее плечах лежала большая ответственность*), рука (*не хватает рабочих рук; мастер на все руки, золотые руки; правая рука; он остался с маленьким ребенком на руках; отдам в хорошие руки; через мои руки проходит вся почта*). Отметим, что рука может выполнять функцию символа не только человека, но и символа власти (*взять регион в свои руки, держать в руках весь город*), обладания (*иметь в руках, получить на руки*), инструмента (*ручная работа*) и др. [Красных 2001, с. 6].

Таким образом, наименования частей тела заключающие соматический код культуры, обладают, помимо общеязыкового значения, закрепленного за соответствующей единицей языка, еще и особым значением как знаки вторичной семиотической системы, которое, в свою очередь, сложилось ввиду особого мироощущения того или иного народа [Гудков 2004, с. 42].

2.2. Специфика формирования нереального явления во фразеологизмах с ключевым соматическим компонентом

С целью определения семантического потенциала фразеологизмов, созданных на основе наименования нереального явления с доминантным

соматическим компонентом, методом сплошной выборки из фразеологических словарей нами были выделены ФЕ, выражающие свое значение через нереальные явления и содержащие в своей структуре соматический компонент (76 ФЕ). С помощью метода классификации и аналогии ФЕ были расформированы по группам, основным критерием для выделения которых стало наличие определенного лексического компонента (соматизма). Так, в рамках данного исследования в анализируемых фразеологизмах встречаются такие соматизмы, как *сердце* (14), *голова* (13), *мозги* (9), *язык* (10), *глаза* (8), *ухо/уши* (5), *нос* (4), *кровь* (4), *плечо* (3), *нога* (3), *рука* (1), *кость* (1), *пупок* (1).

Группа ФЕ, содержащих соматизм *сердце*, оказалась одной из многочисленных в рамках данного исследования. Нереальное явление во фразеологизмах может формироваться через характеристику компонента *сердце* при помощи: качественного прилагательного – *черствое сердце*, *доброе сердце*, *злое сердце*, относительного прилагательного – *золотое сердце*, *каменное сердце*. Нереальность образа, лежащего в основе ФЕ, достигается путем наделения данного органа человеческого тела несвойственными для него: 1) нравственными качествами (*доброе сердце*, *злое сердце*); 2) качеством, свойственным пище (*черствое сердце*, т.е. то, которое высохло); 3) материалами, из которого состоит данный орган человеческого тела (*золотое сердце* – сердце из золота, *каменное сердце* – сердце из камня).

В рамках данной группы ФЕ нереальное явление также может формироваться с помощью сочетания соматизма *сердце*, выраженного существительным, и глагола, обозначающего действие, несвойственное данному органу, например: *сердце радуется*, *сердце кровью обливается*, *сердце дрожит как овечий хвост*, *сердце петухом поет*, *сердце кипит*, *сердце обросло мхом*, *сердце чует*. Нереальность образа, лежащего в основе ФЕ, достигается несколькими способами, а именно наделением данного органа невозможными для него: 1) психическими свойствами

(*сердцерадуется*); 2) физическими (*сердце кровью обливается, сердце дрожит как овечий хвост, сердце обросло мхом*); 3) свойствами, присущими различным жидкостям (*сердце кипит, накопело на сердце*); 4) свойствами, присущими другим органам, например, познавать чувствами, преимущественно обонянием (*сердце чует*). Также нереальное явление в подобных ФЕ может формироваться через восприятие сердца не как отдельного органа, а через отождествление его с человеком, носителем определенных физиологических и психических свойств. Так в ФЕ *голос сердца* и *сердце петухом поет* отражается подобный нереальный образ. Соматизм *сердце* во фразеологизме может выступать и как объект, над которым совершают действие, невозможное в реальности, например в ФЕ *разбивать сердце*. Сердце (центральный орган кровеносной системы человека) в данном ФЕ выступает как хрупкий, бьющийся предмет, что создает нереальный образ в основе ФЕ, выражающий значение всего оборота.

Безусловно, что подобная фразеобразовательная активность соматизма *сердце* является свидетельством национально-культурной специфики, отражаемой во фразеологизмах, выражающих свое значение через нереальное явление с помощью данной лексемы. Так в Толковом словаре русского языка сердце определяется как «центральный орган кровеносной системы...» в первом своем значении, так и как «эмоциональное начало в человеке, средоточие в нем чувств, переживаний, личных отношений к кому-н...» [ТСРЯ, 2007, с. 875] во втором значении, что подтверждает слова Л.В. Воробьевой что «сердце материально, в то же время оно выступает как центр не только телесной жизни человека, но и как центр духовной и душевной жизни» [Воробьева, 2015, с. 216].

Формирование нереального явления в ФЕ, содержащих соматизм *голова*, происходит несколькими способами. Так нереальность образа достигается через характеристику части человеческого тела (*голова*) при помощи относительного прилагательного – *мякинная голова* (*голова из мякины*), *дубовая башка* (*голова из дуба*), *голова еловая* (*голова из ели*),

качественного прилагательного – *голова дырявая* (характеристика ее качества – вся в дырках).

Также нереальное явление в структуре ФЕ может формироваться, если часть человеческого тела (соматизм *голова* в структуре ФЕ) является объектом, выполняющим действие, несвойственное и невозможное для нее. К подобным ФЕ можно отнести обороты *голова варит* (голова наделяется свойствами, характерными для предметов, что метафоризирует образ, делает его нереальным), и *голова гудит* (представление ее как источника, издающего длительный и монотонный звук, гул), *голова летят* (голова как часть человеческого тела наделяется способностью перемещаться в воздушном пространстве).

Также соматизм *голова* в ФЕ данной группы может выступать как локализация определенного действия или объекта, место хранения, например: *в голове заклинило, в голове вертится, выбросить из головы, вылететь из головы, ветер в голове*, что формирует нереальный образ в структуре ФЕ.

В группе фразеологических единиц, содержащих соматизм *мозги*, нереальное явление, как и в предыдущей группе, формируется несколькими способами. Так нереальность образа достигается через характеристику части человеческого тела (мозги) при помощи: относительного прилагательного – *чугунные мозги* (мозги из чугуна), наречия или сочетания «нареч. + причаст.» – *мозги набекрень, мозги не туда повернуты* (мозги расположены криво, с наклоном в сторону), а также соматизм может быть представлен притяжательным прилагательным – *мозговой штурм, мозговая атака*).

Нереальное явление также может формироваться через сочетание соматизма и определенного понятия, выраженного отглагольным существительным, несвойственного для физиологии данной части тела человека: к подобным ФЕ можно отнести обороты *утечка мозгов* и *взрыв мозга*.

Соматизм *мозги* может выступать как объект, над которым совершают какое-либо невозможное в реальности действие, что формирует нереальный образ, например: *парить* *мозги* (подвергать мозги действию пара в бане), *пудрить* *мозги* (покрывать мозги пудрой).

Важно отметить, что в группах ФЕ, содержащих в структуре соматизм, одними из многочисленных оказались те, в которых присутствуют соматизмы *голова* и *мозги*. Таким образом, можно сделать вывод, что участие данных соматизмов в формировании не только нереального явления в структуре ФЕ, но и в создании всего фразеологического оборота, его значения является отражением национально-культурной специфики. Данные соматизмы представляют наиболее важные части тела человека с точки зрения физиологии, что отразилось и в языке, а именно во фразеологии, на что указывает их частотное употребление в структуре ФЕ.

Анализ показал, что такие соматизмы, как *сердце*, *голова* и *мозги*, обладают наибольшей фразеологической активностью, образностью, способствуют формированию нереального явления в структуре ФЕ. Больше же количество их употреблений по сравнению с другими соматизмами можно объяснить степенью закрепленности в сознании человека и осознании важности того или иного органа или части тела в освоении окружающего мира, что также является отражением национально-культурной специфики (например, значение лексемы *душа* в русском языке и в сознании русского человека).

В ходе анализа также были выделены фразеологизмы, содержащие в своей структуре «сенсонимическую лексику» [Старых 2011, с. 83], т.е. соматизмы, обозначающие органы чувств (ухо, нос, глаза, язык).

Самой многочисленной группой (10 ФЕ), содержащей сенсонимическую лексику, стала группа, куда вошли ФЕ, в формировании нереального явления в которых участвует соматизм *язык*. Репрезентация нереальной ситуации во фразеологических единицах происходит благодаря сочетанию соматизма *язык*, выраженного существительным, и глагола,

обозначающего действие, невозможно для данного органа (*язык вывихнешь, язык сломаешь, язык заплетается, развязать язык, держать язык на привязи, чёрт дёрнул за язык*), сочетанию соматизма *язык*, выраженного существительным, и качественного прилагательного (*острый язык, злой язык*), а также сочетанию двух соматизмов, выраженных существительным (*язык на плече, мозоль на языке*). Нереальность образа в вышеперечисленных ФЕ достигается с помощью соматизма *язык*:

1) через отождествление данного органа с другой частью тела, имеющую костную ткань или кожный покров (*язык вывихнешь, язык сломаешь, мозоль на языке*);

2) через отождествление с текстильными материалами (*язык заплетается, развязать язык*);

3) наделение данного органа моральными качествами (*злой язык*) или качествами, свойственными колюще-режущим предметам (*острый язык*);

4) через отождествление с представителем животного мира (ср. *собака на привязи* и *держат язык на привязи*);

5) через представление невозможной, с точки зрения физиологического строения тела, ситуации (*язык на плече*), а также ситуации с участием потусторонней злой силы в религиозных верованиях (*чёрт дёрнул за язык*).

Подобная частотность данного соматизма связана с важностью данной части тела для человека не только в качестве органа вкуса, но и средства для осуществления речевой деятельности и коммуникации.

В группе фразеологизмов с компонентом *глаз(а)* нереальное явление формируется с помощью сочетания соматизма, выраженного существительным, и глагола, обозначающего действие, несвойственное или невозможное для данного органа, например: *глаза на лоб полезли, глаза разбежались, глаза разгорелись, стрелять глазами* и др. Нереальность образа, лежащего в основе ФЕ, достигается через отождествление органа зрения (глаза): с самостоятельным организмом (*глаза разбежались, глаза на лоб полезли*), с предметами (воспламеняемыми – *глаза разгорелись*,

служащими для измерения – *мерить глазами*, с огнестрельными – *стрелять глазами*), с органами вкуса (*есть глазами*, *пожирать глазами*) и другими частями тела (ср. *хлопать глазами* с *хлопать в ладоши*). Сочетание глагола с соматизмом *глаза* в каждом фразеологизме также говорит о том, что глаза подвижны, динамичны, это тот основной орган, который позволяет человеку ориентироваться в пространстве, получать информацию о мире, оценивать его, строить о нем суждения. Л.Б. Воробьева считает, что объяснить «особую продуктивность данного компонента в сфере фразеобразования» можно тем, что «наружные части человеческого тела являются наиболее активными и функционально очевидными для человека и поэтому они наделяются устойчиво ассоциируемым символическим смыслом» [Воробьева 2015, с. 148].

Аналогичным образом в формировании нереального явления во фразеологизмах участвует и такой соматический компонент, как *ухо/уши*, например: *ушами хлопать*, *уши вянут*, *уши горят*, *ушки на макушке*, *медведь на ухо наступил*. С помощью сочетания соматизма *ухо*, выраженного существительным, и глагола, обозначающего действие, несвойственное или невозможное для данного органа, нереальность образа, лежащего в основе ФЕ, достигается через отождествление органов слуха (уши): с предметами (воспламеняемыми – *уши горят*), с другими частями тела человека (ср. *хлопать ушами* и *хлопать в ладоши*), с представителями растительного мира (*уши вянут*). Также нереальный образ может формироваться в связи с неправильным или упрощенным представлением об устройстве и функционировании органов слуха в ФЕ *в одно ухо влетело, в другое вылетело*.

Соматизм *нос*, относящийся к сенсонимической лексике, также участвует в формировании нереального явления во фразеологизмах *комар носа не подточит*, *с воробьиный нос*, *клевать носом*, *повесить нос*. Важно отметить, что фразеологические единицы *комар носа не подточит* и *с воробьиный нос* содержат в структуре компонент-зооним, участвующий в

создании нереального образа наравне с соматизмом *нос*. Таким образом, нереальность явления, лежащего в основе ФЕ и передающего значение ФЕ, достигается несколькими способами:

1) с помощью сочетания соматизма и зоонима, где соматизм обозначает часть тела человека (*нос*), иметь которую особь животного мира (*комар*, *воробей*) не может (*комар носа не подточит*, *с воробьиный нос*, *воробью по колено*);

2) с помощью сочетания соматизма *нос* и глагола, обозначающего действие, характерное для представителей фауны, имеющих клюв (*клевать носом*);

3) через восприятие органа обоняния как отдельного предмета (*повесить нос*).

С помощью органов чувств человек, в первую очередь, познает себя: свои ощущения, полученные в процессе работы органов зрения, слуха, осязания, обоняния, органов вкуса, он аккумулирует и систематизирует в сознании. Результатом подобной мыслительной деятельности становятся представления об окружающем мире, о месте и роли человека, его тела в нем. Так активное участие сенсонимической лексики в формировании нереального явления в структуре фразеологических единиц является свидетельством ее важности в языке и отражением национально-культурной специфики.

В ходе исследования также были выделены фразеологизмы с соматическим компонентом *кровь*, который участвует в создании нереального образа в структуре ФЕ. Так, в данной группе ФЕ формирование нереального явления может происходить несколькими способами:

1) через характеристику жидкости красного цвета (*кровь*), циркулирующей в организме (с помощью качественного прилагательного в ФЕ *голубая кровь*, обозначающего цвет крови, несуществующий в реальности, с помощью предложно-падежной формы существительного в ФЕ

кровь с молоком, обозначающего составляющую крови в человеческом организме, чего в реальности быть не может;

2) с помощью сочетания соматизма *кровь* и глагола, обозначающего действие, невозможное для данной составляющей человеческого организма (*кровь играет* – описывается нереальный физический процесс, *кровь заговорила* – кровь отождествляется с человеком, наделяясь психофизиологической способностью к речевой деятельности и коммуникации).

Как отмечает В.А. Маслова, наибольшей фразеобразовательной активностью обладают следующие лексемы: *руки, ноги, спина* и *пуп* [Маслова 2001, с.135]. Тем не менее, в рамках данного исследования малочисленными оказались группы фразеологизмов, в состав которых входят соматизмы *нога* (3), *плечо* (3), *кость* (1), *рука* (1), *пупок* (1). Это связано с тем, что функции, которые выполняют такие части человеческого тела, как руки, ноги, спина и др. в сознании человека представляются наиболее понятными, наглядными; они не скрыты от глаз человека, их строение мыслится наиболее простым с точки зрения физиологии, поэтому фразеологические обороты, включающие подобные соматизмы, не содержат в себе ситуацию, которая в реальной жизни не может существовать. Большинство фразеологизмов с соматизмом *рука, нога, спина* описывают реальные явления с точки зрения физиологических возможностей данной части тела (ср. *на руках носить, руки чешутся, рука об руку, быть под рукой, держать в руках, не покладая рук, ухватиться обеими руками, рука руку моет, греть руки, рука не поднимается, ноги не держат, ног под собой не чуют, валяться в ногах, поставить на ноги, хромать на обе ноги, встать с левой ноги, прятаться за чужую спину, за широкой спиной, дышать в спину, заложить руки за спину, распрямить спину* и т.д.), поэтому в рамках данного исследования во фразеологизмах, выражающих свое значение через наименование нереального явления, их количество столь минимально.

Формирование нереального явления в ФЕ, содержащих соматизм *нога*, происходит несколькими способами. Так нереальность образа достигается:

1) через представление части тела (нога) как самостоятельного живого организма, способного к мыслительной деятельности и обладающего способностью к анализу своих потребностей – *что левая нога хочет*;

2) через опредмечивание части тела (нога), представление ее как источника, издающего длительный и монотонный звук – *ноги гудят*;

3) через представление абстрактного понятия, выраженного существительным *ложь*, как самостоятельного живого организма, обладающего конечностями – *у лжи короткие ноги*.

Также в образовании нереального явления во фразеологизмах может участвовать соматический компонент *плечо*. Так, нереальный образ, лежащий в основе ФЕ, формируется с помощью:

1) сочетания соматизма *плечо* и обозначения старорусской единицы измерения (алдан – мера длины, равная расстоянию вытянутых в стороны рук; косая сажень – традиционная древнерусская мера длины – расстояние от носка левой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки, равна 2,48 м), нереальность ситуации достигается благодаря характеристике размеров плеч, ширина которых невозможна для человеческого организма – *косая сажень в плечах, алдан в плечах*;

2) сочетания соматизма *плечо* и оронима *гора*, нереальность явления достигается благодаря описанию ситуации, когда географический объект больших размеров (ороним *гора*) может располагаться на плечах человека – *гора с плеч свалилась*.

В рамках данного исследования наименования таких частей тела, как *рука*, *пуп* и *кость* встретились во фразеологизмах, выражающих свое значение через наименования нереального явления один раз. Так, в ФЕ *золотые руки* нереальное явление формируется с помощью соматизма и относительного прилагательного (руки из золота). В ФЕ *пуп Земли* нереальность образа достигается благодаря представлению космического

объекта как живого организма, имеющего такую часть тела как пупок. В ФЕ *промокнуть до костей* нереальное явление заключается в невозможности каких-либо осадков достигнуть костных тканей, защищенных кожным, жировым и мышечным покровами.

Таким образом, в большинстве случаев наименование нереального явление во фразеологизме может репрезентироваться с помощью ключевого соматического компонента несколькими способами:

1) в результате опредмечивания какой-либо части тела (*каменное сердце, бумажная душа, еловая голова, чугунные мозги, мерить глазами, повесить нос*);

2) в результате отождествления какой-либо части тела с полноценным самостоятельным организмом/человеком (*душа поет, сердце радуется, голос сердца, глаза разбежались, кровь заговорила, что левая нога хочет*) или другой частью тела человека (*есть глазами, хлопать ушами, язык сломаешь*);

3) в результате наделения части тела нравственными качествами (*робкая душа, продажная душа, доброе сердце, злое сердце, злой язык*);

4) через наделение части тела человека возможностями, свойственными представителям животного или растительного мира (*головы летят, уши вянут, клевать носом*);

5) через представление части человеческого тела как локализации какого-либо действия, как места хранения (*в голове заклинило, в голове вертится, выбросить из головы, ветер в голове*).

Данные результаты исследования обсуждались в одной из наших работ [Милованова 2018, с. 69].

Числовые данные, отражающие количество употреблений того или иного соматического компонента, участвовавшего в формировании нереального явления в ФЕ, а также процентное соотношение каждого соматизма к числу ФЕ как данной группы, так и их общего количества представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Соотношение соматических компонентов к общему числу в рамках данной группы и всей работы

Название доминирующего компонента	Количество	Процентное соотношение (%)	
		К числу ФЕ в группе (76=100%)	К общему числу ФЕ (222=100%)
Сердце	14	18,4 %	6,3 %
Голова	13	17,1 %	5,9 %
Язык	10	13,2 %	4,5 %
Мозги	9	11,8 %	4 %
Глаза	8	10,5 %	3,6 %
Ухо/уши	5	6,6 %	2,3 %
Нос	4	5,2 %	1,8 %
Кровь	4	5,2 %	1,8 %
Плечо	3	4 %	1,4 %
Нога	3	4 %	1,4 %
Рука	1	1,3 %	0,5 %
Кость	1	1,3 %	0,5 %
Пупок	1	1,3 %	0,5 %
Общее количество ФЕ:	76/222	100 %	34,5 %

Как уже было сказано выше, группы ФЕ с соматизмами *сердце, голова, язык, мозги* и *глаза* участвующими в формировании наименования нереального явления в обороте, стали самыми многочисленными, что, несомненно, связано с особым отношением русского человека к данным частям тела и является отражением национально-культурной специфики.

Вышеперечисленные соматизмы не просто единицы лексического уровня языка с закрепленным за ними первичным значением, но и единицы,

обладающие вторичным значением, иным символическим смыслом, который детерминирован русской культурой и формирует культурный код.

Так, символика соматизма *сердце* во фразеологизмах, выражающих свое значение через наименование нереального явления, выступает в роли вместилища чувств и эмоций, духовной жизни человека (*сердце радуется, сердце поет, каменное сердце*).

Лексема *голова* в русском языковом сознании часто выступает как символ власти, главенствующего начала, верха, ума, самого человека. В исследуемых ФЕ *голова* выступает как вместилище ума, служит эталоном умственной деятельности (*мякинная голова, голова не варит*).

Соматизм *мозги* по аналогии с соматизмом *голова* является символом ума, дает качественную характеристику умственной деятельности (*мозги набекрень, мозговой штурм, мозги не туда повернуты*).

Лексема *глаз/глаза* в результате смысловой и культурной эволюции наполнилась вторичными смыслами: 1) божественное и магическое начало; 2) символ человека, характеристика его физических и духовных данных (перекликается с зеркалом, как отражением действительности, ср. с *глаза – зеркало души*); 3) выражение эмоций; 4) отражение мира, средство его познания и оценки; 5) символ меры [Першукова 2013, с. 16]. В исследуемых ФЕ лексема *глаза* – это символ меры (*мерить глазами*), средство познания окружающей действительности, так как во многих ФЕ *глаза* активны, динамичны, позволяют человеку ориентироваться в пространстве, познавать окружающую действительность, строить о ней суждения (*глаза разбежались, глаза разгорелись*), а также символизирует жадность, вожделение (*пожирать глазами*).

Первый символический смысл *языка* – коммуникация, общение (*развязать язык*). С помощью языка человек получает и передает информацию. Язык сравнивается с оружием, наносящим физическую боль (*острый язык*), с болтливостью, пустословием (*мозоль на языке, чёрт дёрнул*

за язык), характеризует человека, благодаря речевому поведению проявляются его внутренние качества (*злой язык*).

Таким образом, исследование фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, с доминирующим соматическим компонентом позволяют раскрыть мир смыслов и ценностей определенного этноса.

2.3. Формирование нереального явления во фразеологизмах с ключевым компонентом *душа*

Отдельную группу фразеологизмов представляют собой ФЕ с доминирующим компонентом *душа* (14 ФЕ). «Важнейшими доминантами русской национальной личности являются духовность, стремление к высшим формам опыта. Духовность - наиболее значимое качество русского человека» [Скоморохова 2018, с. 114]. Также в нашем исследовании подобная группа анализируется в данной главе связи с тем, что в соответствии с древними верованиями человека невозможно существование тела без души, поэтому данные фразеологизмы составляют наиболее древний пласт ФЕ, отличающийся своей многочисленностью.

Так, Е.Л. Березович называет лексику *душа*, воображаемой, вымышленной, но, тем не менее, частью человеческого тела. «Лексико-фразеологические единицы .... образованы от соматизмов или включают в свой состав обозначения частей тела – как реальных, так и воображаемых, вымышленных (*душа*) [Березович 2016, с. 86].

О.В. Старых отмечает: «Термин соматический используется в биологии и медицине в значении «связанный с телом человека, телесный» и противопоставляется понятию «психический» [Старых 2001, с. 81]. Но в языке все иначе: «Там, где речь идет о движении души, мы особенно часто обращаемся к функциям тела и таким образом концептуализируем эмоции» [Добровольский 1994, с. 100]. Душа как нематериальная сущность «в наивно-

языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жизнью человека» [Шмелев 2012, с. 86].

В Толковом словаре русского языка основное значение лексемы душа – «нематериальное начало в человеке (в некоторых верованиях: в любом живом существе), по религиозным представлениям – продолжающее жить после его смерти» [ТСРЯ 2007, с. 221]; аналогичное определение встречается и в Толковом словаре Д.Н. Ушакова так же как первое значение данного слова: душа – «в религиозных и идеалистических представлениях – нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти человека...» [Ушаков 2014, с. 131]; в словаре В.И. Даля душа – «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею» [Даль 1880, с. 519]. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой основное значение лексемы душа – «внутренний, психический мир человека, его сознание», а душа как «сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти» является лишь третьим значением данной лексемы [Ожегов 1999, с. 183].

Таким образом, лексема *душа* может быть отнесена к соматизмам на основании того, что:

1) употребляется как синонимом к соматизму *сердце*, который достаточно часто используется в церковнославянском языке в значении «душа человеческая» и практически не встречается в своем прямом значении «полый фиброзно-мышечный орган»;

2) в русском языковом сознании мыслится как «орган,местилище чувств и эмоций»;

3) в некоторых словарях выступает как бесплотный орган, имеющий разум и волю (ср. *разум=мозг, разум=человек*, понятие *человек разумный*)

Так, среди соматической лексики можно выделить номинативы, обозначающие внешние и внутренние органы: части тела и душу.

Основными свойствами души являются бесплотность, бессмертие, внутренний, неосязаемый мир человека, а в исследуемых фразеологических единицах душа выступает как материальное, осязаемое тело, что метафоризирует образ, лежащий в основе ФЕ, формирует нереальное явление, выражающее значение всего оборота (*душа поет, душа в пятки ушла, вынимать душу* и т.д.).

В группе фразеологических единиц, содержащих лексему *душа*, нереальное явление может формироваться через характеристику компонента *душа* при помощи: относительного прилагательного – *бумажная душа, чернильная душа*, качественного прилагательного – *мертвые души, продажная душа, черная душа, робкая душа*, качественного наречия – *душа нараспашку*. Нереальность образа возникает в результате того, что душа как нематериальная сущность характеризуется как предмет осязаемый, материальный: *бумажная душа* (душа из бумаги), ФЕ *чернильная душа* (душа из чернил), ФЕ *мертвые души* (душа во всех религиях считается бессмертной), ФЕ *душа нараспашку* (душа как расстегнутый предмет одежды) и т.д.

Также и в других фразеологизмах данной группы нереальное явление, как и в предыдущих примерах, возникает в результате опредмечивания души. Так ФЕ *стоять над душой, вынимать душу, всеми фибрами души, камень на душе* душа выступает как предмет, осязаемое тело. В ФЕ *стоять над душой* соматизм *душа* отождествляется с человеческим телом, т.е. в данном случае значение ФЕ «мешать, надоедать своим долгим присутствием» мотивировано компонентным составом, а нереальный образ возникает в результате замены всего субъекта (человек) на его часть – душу, которая из нематериальной субстанции становится материальной, видимой. Подобный процесс формирования нереального явления в структуре ФЕ наблюдается и в обороте *душа в пятки ушла*, где душа наделяется способностью человеческого тела перемещаться в пространстве, т.е. отождествляется с целостным человеческим организмом, что и создает нереальный образ в структуре ФЕ.

Во фразеологическом обороте *вынимать душу* душа воспринимается как материальная субстанция, хранящаяся в теле человека, как орган (ср. с сердцем, легкими и т.д.), который можно вынуть из тела человека. Аналогию можно провести и с ФЕ *всеми фибрами души*. В данном обороте человеческая душа также сравнивается с живыми тканями, органами тела человека, т.е. опредмечивается, так как имеет фибры – «ж. устар. Жилка, нерв, волокно животной ткани» [Ожегов 1999, с. 851]. Во фразеологизме *душа поет* также происходит процесс отождествления бестелесной души с органами речи, что наделяет душу психофизиологическими возможностями, т.е. способностями воспроизводить звуки, петь. Также фразеологизм *кошки скребут на душе* в своей структуре имеет нереальное явление, которое формируется в результате опредмечивания души, через наделение ее свойствами живой ткани, что делает ее материальной. Также нереальный образ в данной ФЕ достигается и за счет наличия зоонима «кошка». Помимо того, что душа мыслится как материальная субстанция, орган в человеческом организме, нереальный образ в основе оборота строится и за счет того, что ситуация, когда кошка могла бы быть внутри человека и оказывать какое-либо воздействие (*кошки скребут*) на его внутренний орган (в данном случае – опредмеченная душа), невозможна в реальности.

Как уже было сказано, «...каждая национальная культура отличается набором специфических языковых образов, символов, образующих особую систему кодов, с помощью которой носитель языка описывает окружающий его мир, используя ее в интерпретации не только внешнего, но и своего внутреннего мира» [Дормидонтова 2009, с. 203-204].

Так, русская душа – это символ русского характера, русского народа, отражает уникальный менталитет русской нации, а именно: 1)местилище мыслей, воли, разума; 2) средоточие чувств, переживаний; 3) символ веры, религиозных традиций; 4) символ жизни.

Компонент *душа* наиболее часто встречается в ФЕ, связанных с человеком, что позволяет говорить о важности соматизма *душа* с точки зрения национально-культурной специфики, отражаемой в русских фразеологизмах, выражающих свое значение через наименование нереального явления.

2.4. Отражение картины мира русского человека во фразеологических единицах, включающих наименования, связанные с человеком

Во фразеологии языка отражена душа русской нации, ее отношение к окружающему миру через призму национально-культурных особенностей. Подобная субъективность в основе фразеологических единиц русского языка позволяет говорить о неповторимом взгляде на окружающую действительность, на жизнь народа. Та или иная ситуация, отраженная в ФЕ, ее образное переосмысление, оценка, участие определенных «следов» культуры в ее описании – все это способ отражения картины мира (КМ) через фразеологизмы (базовые единицы ЯКМ), исследование которых позволяет раскрыть специфику восприятия и репрезентации картины мира в языке.

Определенные сочетания лексем в структуре фразеологических единиц описывают человека, какую-либо ситуацию, явление, предмет, отношение человека ко всему перечисленному именно так, а не иначе, что позволяет сделать вывод как о важности участия данных компонентов в составе ФЕ, так и об образе, лежащем в их основе в целом.

Обширный ряд русских фразеологизмов описывает все вышеизложенное с помощью нереального явления, притом значение всего фразеологизма лишь в определенных случаях (они будут рассмотрены подробно в ходе данного исследования) также обозначает то, что не существует в реальности, в остальных же случаях фразеологическая единица обозначает реальные вещи, ситуации, качества через описание, как уже было сказано, явления, несуществующего в реальности.

Знаменитое выражение «Человек есть мера всех вещей» древнегреческого философа Протагора подтверждается фразеологическим составом любого языка, и в особенности единицами, содержащими соматическую лексику. Так, практически все фразеологизмы данной группы через описание нереального явления, формирующегося при помощи соматизма, представляют характеристику человека (79 из 88 ФЕ), а именно: умственных способностей (19), внутреннего состояния (18), нравственных качеств (13), речевой деятельности (9), физического состояния (5), его заинтересованности (5), восприятия чего-либо (4), внешности (3), профессиональных качеств (1), происхождения (1) и проявления родства (1). Оставшиеся 9 ФЕ обозначают несвязанные с характеристикой человека обороты, но тем не менее мерой чего-либо в них выступает часть человеческого тела: воздействие на субъект (4), количество (1), оценка качества (1), характеристика поступка (1), наказание (1), абстрактно понятие (1). Рассмотрим каждую группу подробнее, чтобы определить особенности отражения картины мира с помощью нереального явления в данных ФЕ.

Так, в большинстве случаев (19 ФЕ) фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереальных явлений, в формировании которых участвует соматический компонент, характеризуют умственные способности человека, например: *мякинная голова, дубовая башка, мозги набекрень, чугунные мозги, голова дырявая, голова варит, мозговой штурм, мозговая атака, ветер в голове, выбросить из головы* и др. Анализ данной группы показал, что большинство ФЕ (13) употребляются с отрицательной оценкой, т.е. обозначают не наличие у субъекта, для описания умственных способностей которого употребляются, высокого интеллекта, а его отсутствие, на что также указывает экспрессивная окраска подобных ФЕ: *мякинная голова* и *дубовая башка* (разг. презр.) – о глупом, несообразительном и невежественном человеке, *голова еловая* (разг. пренебр.) – глупый, бестолковый человек, *чугунные мозги* (разг. презр.) – об

очень тупом человеке, *мозги набекрень* (разг. презр.) – о человеке бестолковом, с придурью, с причудами и др.

Намного меньше фразеологизмов (всего 3 ФЕ) употребляются с положительной оценкой, обозначая высокие интеллектуальные способности, которыми обладает субъект: *голова варит* (разг. экспрес. одобр.) – кто-либо догадлив, сообразителен, *мозговой штурм и мозговая атака* (разг. экспрес.) – метод поиска решения сложных проблем путем интенсивного группового обсуждения). Также можно выделить подгруппу (3 ФЕ), обозначающую отсутствие умственной деятельности: *голос сердца* (книж. экспрес.) – чувства человека в противовес голосу разума, *выбросить из головы* (разг.) – забыть, перестать думать о ком-либо или о чем-либо, *вылететь из головы* (разг.) – совершенно, совсем забылось что-либо.

В большинстве фразеологических единиц, чтобы охарактеризовать уровень интеллектуальных данных субъекта, в основе ФЕ нереальность явления достигается двумя способами: 1) через характеристику частей тела голова и мозги с помощью относительного прилагательного, обозначающего материал, в сознании русского человека который мыслится либо как очень твердый, непробиваемый (*дуб – дубовая башка, чугун – чугунные мозги*), либо как мягкий и бесформенный (*мякина/мякиш – мякинная голова*), на основании чего и происходит переосмысление во фразеологизме; 2) через представление о голове как о локализации определенного действия или объекта, как о месте хранения (*ветер в голове, в голове заклинило, в голове вертится, выбросить из головы, вылететь из головы*), причем пространство в голове представляется обширным и пустым, о чем говорят значения фразеологических оборотов и тон их употребления (с презрением, пренебрежением, неодобрением).

Важно отметить, что для характеристики умственных способностей человека используются такие соматизмы, как *голова* (10) и *мозги* (8). Данные части человеческого тела соотносятся в сознании носителей языка, их образы тождественны, имеют одно значение при выражении во фразеологизмах

определенных наблюдений, а точнее при характеристике умственных способностей человека (ср. *чугунные мозги* и *дубовая башка, мозги не туда повернуты* и *ветер в голове, в голове заклинило* и *мозги набекрень*). Для описания отсутствия умственной деятельности используется соматизм *сердце* (1), что объясняется значением данной лексемы для русского человека: сердце выступает как жизненно важный орган и как средоточие чувств, переживаний.

Последнее заключение подтверждается и тем, что большинство фразеологизмов (18 ФЕ), выражающих свое значение через нереальные явления, в формировании которых участвует соматический компонент, а также компонент *душа*, характеризуют и внутреннее состояние человека (эмоции/чувства): *сердце кипит, камень на душе, кошки скребут на душе, сердце кровью обливается, сердце радуется, сердце петухом поет, душа в пятки ушла, сердце дрожит как овечий хвост* и др. Так, в данной группе фразеологические единицы через наименование нереального явления описывают несколько видов внутреннего состояния человека: тревогу/огорчение (5 ФЕ), счастье (3 ФЕ), страх (2 ФЕ), удивление (2 ФЕ), равнодушие (1 ФЕ), ненависть (1 ФЕ), облегчение (1 ФЕ), стыд (1 ФЕ), воодушевление (1 ФЕ), осторожность (1 ФЕ).

Тревога/огорчение репрезентируется при помощи нереального явления, в формировании которого участвуют соматизм *сердце* (*сердце кипит, сердце кровью обливается*), лексема *душа* (*камень на душе, кошки скребут на душе*), *нос* (*повесить нос*). Счастье (*душа поет, сердце радуется, сердце петухом поет*) и страх (*душа в пятки ушла, сердце дрожит как овечий хвост*) репрезентируются аналогичным образом. Равнодушие как отсутствие чувств также описывается при помощи соматизма *сердце* (*сердце обросло мхом*), а ненависть или презрение – при помощи соматизма *душа* (*всеми фибрами души*). Таким образом, для описания таких сильных чувств, как тревога, счастье и страх, используются вышеуказанные соматизмы, так как в наивно-языковом представлении русского человека они рождаются именно там.

Также во фразеологии русского языка «наблюдается тесная связь компонентов сердце и душа, иногда их взаимозаменяемость» [Воробьева, 2014, с.216], что подтверждается участием обеих лексем в описании одного и того же чувства (*сердце кровью обливается* и *кошки скребут на душе, душа пот и сердце петухом поет*).

Важно отметить, что в большинстве фразеологических единиц, чтобы охарактеризовать внутреннее состояние субъекта, его переживания, обозначение нереальности явления на основе ФЕ достигается двумя способами:

1) в результате опредмечивания души (*камень на душе, кошки скребут на душе, всеми фибрами души*);

2) в результате отождествления души и сердца с самостоятельным организмом (человеком), обладающим психофизиологическими и физическими свойствами (*душа поет, сердце радуется, сердце кровью обливается, душа в пятки ушла* и др.).

Таким образом, в денотативном значении описывается нереальная ситуация, когда какой-либо орган наделяется несвойственными для него способностями (петь, ходить, радоваться), далее на основании метонимической связи между человеком и частями его тела, а также символической значимости в жизни русского человека лексем сердце и душа рождается переосмысленный образ, заключающийся в структуре фразеологизма.

В описании таких чувств и эмоций, как стыд (*уши горят*) и осторожность (*ушки на макушке*) участвует соматизм *уши*. Во фразеологизме *уши горят* образ переосмысливается на основании физиологической реакции тела человека: при определенных физических или эмоциональных потрясениях происходит расширение мелких сосудов кожи, из-за чего части тела начинают отличаться по цвету. Во фразеологизме данный образ передается через нереальное явление: цвет ушей напоминает цвет пламени, поэтому уши как бы «горят», чего в реальной жизни быть не может. В ФЕ

ушки на макушке участие данного соматизма в описании состояния, когда человек осторожен, объясняется его принадлежностью к сенсонимической лексике, к которой относятся названия органов чувств. Свои ощущения, полученные в процессе их работы, человек отражает в языке, поэтому участие органов слуха в формировании ФЕ со значением осторожности объясняется тем, что именно данные части тела являются одними из основных при познании окружающего мира.

Также участие соматизма *глаза* во фразеологизмах *хлопать глазами* и *глаза на лоб полезли*, обозначающих удивление, связано с тем, что именно глаза в большинстве случаев первыми реагируют на какое-либо событие. Глаза подвижны, динамичны, позволяют познавать действительность, сравнивать одно с другим, это зеркало человеческой души, их роль в жизни человека огромна.

Неслучайно и участие соматизма *кровь* в формировании фразеологизма, выражающего значение переизбытка сил и энергии через нереальное явление (*кровь играет*), так как кровь – это источник жизненных сил: она питает органы, позволяет получать им полезные вещества и кислород, а ее потеря ведет к страданиям или смерти (ср. с ФЕ *всю кровь выпить, проливать кровь, пустить кровь, портить кровь* – все они имеют отрицательную оценку и употребляются для описания человеческих страданий).

Также анализ данной группы показал, что большинство фразеологизмов (13 ФЕ) обозначают какие-либо отрицательные эмоции и чувства: *сердце кипит* (разг. экспресс.) – кого-либо переполняет гнев, возмущение, обида, раздражение и т. п., *камень на душе* (разг. неодоб.) – о чувстве тяжести, тягостном ощущении у кого-л., *кошки скребут на душе* (разг. экспрес.) – кому-либо очень грустно, тоскливо, тревожно, *сердце кровью обливается* (разг. экспрес.) – кто-либо испытывает невыносимую душевную боль, страдает, тоскует, *всеми фибрами души* (книжн. экспрес.) – очень сильно, страстно ненавидеть, презирать кого-либо или что-либо),

сердце обросло мхом (разг. неодобр.) о безучастном, бесчувственном отношении к другим людям, *хлопать глазами* (разг. неодобр.) – проявлять растерянность, удивление, смущение и др. Намного меньше фразеологизмов (5 ФЕ) обозначают приятные эмоции, чувства и, соответственно, употребляются с положительной оценкой: *душа поет* (книж. экспрес.) – состояние счастья, *сердце радуется* (разг. экспрес.) – смотреть на что-либо, испытывая при этом радость, счастье, *сердце петухом поет* (разг. экспрес.) – состояние счастья, *гора с плеч свалилась* (разг. экспрес.) – наступило полное облегчение после избавления от забот, тревог, тяжёлых обязанностей и др.

Важно отметить, что для характеристики внутреннего состояния человека чаще других используются лексемы *сердце* (6) и *душа* (5) [Перевозникова 2002]. «*Душа и сердце – «органы», ответственные за психическое состояния человека, а духовность и сердечность – основополагающие черты русской нации*» [Петрова, 2007, с. 138].

Еще одна группа фразеологизмов (13 ФЕ), выражающих свое значение через нереальные явления, в формировании которых также участвуют компоненты *душа* (7 ФЕ) и *сердце* (5 ФЕ), характеризуют нравственные качества человека: *злое сердце, черствое сердце, каменное сердце, продажная душа, робкая душа, пуп Земли* и др. Как и в предыдущей группе именно через лексемы *сердце* и *душа* характеризуется подобные качества. Отсутствие духовности и сердечности как важных и особых качеств русского человека мыслится как отклонение от нормы и сразу же отражается во фразеологии языка, что подтверждает большее число фразеологизмов (9 ФЕ) с отрицательной оценкой, которые употребляются с неодобрением: *продажная душа* (разг. экспрес.) – за деньги, за подкуп готовый на бесчестные поступки, *черная душа* (книж. экспрес. неодоб.) – плохой человек, *черствое сердце, злое сердце* и *каменное сердце* (разг. неодобр.) – о бесчувственном, бессердечном, жестоком человеке и др. Незначительно количество фразеологизмов (4 ФЕ) с мейоративной оценкой, характеризующих человека с хорошей стороны: *робкая душа* (разг. экспрес.)

– о добром, скромном человеке, *душа нараспашку* (разг. одобр.) – очень чистосердечный, откровенный человек, *доброе сердце и золотое сердце* (разг. экспрес.) – о добром, отзывчивом человеке.

В большинстве фразеологических единиц, чтобы охарактеризовать нравственные качества субъекта, в основе ФЕ нереальность явления достигается двумя способами:

1) в результате опредмечивания души и сердца (*бумажная душа, чернильная душа, мертвые души, каменное сердце, душа нараспашку, золотое сердце* и др.);

2) через наделение души и сердца нравственными качествами (*доброе сердце, злое сердце, робкая душа* и др.).

Так, на основании качеств материала, из которого «состоят» данные части тела (камень – твердый, неживой; золото – драгоценный материал), а также на метонимической связи между человеком и его телом (*робкий человек – робкая душа, добрый человек – доброе сердце*) возникает переосмысление, на основании которого и возникает фразеологизм.

Таким образом, во фразеологизмах, характеризующих внутреннее состояние человека и его нравственные качества через нереальные явления, такие компоненты как *душа* и *сердце* символизируют его эмоциональную сферу, средоточие сильных чувств, они либо «оживают», отождествляются с человеком, либо становятся неживыми предметами.

Характеристика речевого акта человека во фразеологизмах (9 ФЕ), выражающих значение через нереально явление, происходит с помощью соматизма *язык*: *развязать язык, чёрт дёрнул за язык, мозоль на языке, острый язык, злой язык, язык вывихнешь, язык заплетается, держать язык на привязи* и др. Так, с помощью данных ФЕ выражается речевая интенция (3 ФЕ), характеристика предмета речи (3 ФЕ), характеристика субъекта через речевую деятельность (2 ФЕ), отсутствие речевой интенции (1 ФЕ).

В большинстве фразеологических единиц, чтобы охарактеризовать речевую деятельность человека, в основе ФЕ нереальность явления достигается:

1) через отождествление данного органа с другой частью тела, имеющую костную ткань или кожный покров (*язык вывихнешь, язык сломаешь, мозоль на языке*), причем обозначают данные ФЕ, по большей части, сложный для произнесения предмет речи, что и объясняется отождествлением языка с органом, имеющим костную ткань, которая может быть сломана при воздействии на нее предмета (в данном случае предмет речи);

2) через отождествление с текстильными материалами (*язык заплетается, развязать язык*) или другими предметами (*острый язык*).

Стилистическая окраска большинства фразеологизмов данной группы (6 ФЕ) ироническая, что позволяет сделать вывод о несерьезном отношении русского человека именно к болтовне, так как ФЕ в рамках данной группы характеризуют именно подобный речевой акт: *развязать язык* (разг. ирон.) – становясь болтливым, проговариваться, сообщать то, о чём следовало бы помолчать, *язык вывихнешь* и *язык сломаешь* (разг. ирон. или шутл.) – об очень трудных для произношения словах, фразах, *язык заплетается* (разг. ирон.) – о том, кто не может ясно, членораздельно сказать что-либо и др. Негативную же окраску имеют фразеологизмы, характеризующие человека через манеру его речи с помощью нереального явления, которое достигается за счет отождествления данного органа с предметом (*острый язык*), который ассоциируется с опасностью (нож), либо с человеком, нравственные качества которого заведомо известны и вызывают неодобрение (*злой язык*). Таким образом, опять же отсутствие сердечности мыслится как отклонение от нормы и сразу же отражается во фразеологии русского языка.

Характеристика физического состояния человека во фразеологизмах (5 ФЕ), выражающих свое значение через нереальные явления, в формировании которых участвует соматический компонент, отражает усталость или

болезненное состояние: *голова гудит, ноги гудят, язык на плече, клевать носом, промокнуть до костей*. Стилистическая окраска фразеологизмов данной группы ироническая или шутливая: *язык на плече* (разг. ирон.) – кто-либо сильно устал, очень утомился, *клевать носом* (разг. шутл. или ирон.) – дремать сидя, то опуская, то поднимая голову, *ноги гудят* (разг. шутл.) – о человеке, утомлённом долгой ходьбой и др. Выделение основного способа формирования нереального явления, описывающего физическое состояние человека, не будет информативно, так как нельзя выделить какую-либо закономерность в связи с незначительным количеством ФЕ в рамках данной группы. И все же только две ФЕ *ноги гудят* и *голова гудит* при описании чувства усталости отождествляются с предметами, издающими длительный и монотонный звук. Образы в данных ФЕ, на первый взгляд, не связаны напрямую с проявлением усталости, но именно поведение, действия человека, испытывающего данное чувство, получают переосмысление в основе оборотов (например, засыпая сидя, человек сильно наклоняет голову и т.д.).

Нашло отражение через нереальное явление во фразеологизмах русского языка и описание заинтересованности человека в ком-либо или в чем-либо (5 ФЕ). К данной группе ФЕ относятся обороты *стрелять глазами, пожирать глазами, мерить глазами, глаза разгорелись, есть глазами*. Основным компонентом, формирующим нереальное явление в основе фразеологизмов, а также несущим смысловую нагрузку всего оборота, является соматизм *глаза*. В большинстве фразеологических единиц, чтобы охарактеризовать степень заинтересованности субъекта, в основе ФЕ нереальность явления достигается через отождествление с предметами (воспламеняемыми – *глаза разгорелись*, служащими для измерения – *мерить глазами*, с огнестрельными – *стрелять глазами*), с органами вкуса (*есть глазами, пожирать глазами*). Таким образом, участие органов зрения в подобных русских ФЕ объясняется важностью данной части тела человека при познании окружающего мира, измерении объектов действительности

(*мерить глазами*), проявлении высокой степени заинтересованности, желая (*есть глазами, пожирать глазами*), в первую очередь, человек оценивает глазами, глаза отождествляются с предметами, с другими частями тела, начинают выполнять дополнительные функции. В связи с этим все обороты образны, экспрессивны: *стрелять глазами* (разг. экспрес. ирон.) – игриво, кокетливо поглядывать на кого-либо, *пожирать глазами* (разг. экспрес.) – неотрывно и пристально смотреть на кого-либо, *мерить глазами* (разг. экспрес.) – пристально, очень внимательно, мысленно оценивая, смотреть, *глаза разгорелись* (разг. ирон.) – игриво, кокетливо поглядывать на кого-либо, *есть глазами* (разг. экспрес. ирон.) – пристально, подбострастно смотреть на кого-либо.

Видение мира, субъективная оценка его реалий отражается через нереальное явление и во фразеологизмах, обозначающих восприятие действительности (4 ФЕ): *ушами хлопать, медведь на ухо наступил, уши вянут, глаза разбежались*. Причем практически все данные ФЕ имеют негативную оценку, что говорит о фиксации во фразеологизмах фактов действительности, так или иначе раздражающих органы слуха: *медведь на ухо наступил* (разг. неодобр.) – у кого-либо отсутствует музыкальный слух, кто-либо неспособен правильно воспроизвести музыкальные звуки, что раздражает окружающих, *уши вянут* (разг. презр.) – противно слушать что-либо предельно глупое, нелепое, *ушами хлопать* (разг. презр.) – слушая что-либо, не понимать содержания услышанного.

В рамках данного исследования практически не встречаются фразеологизмы (всего 3 ФЕ), характеризующие внешность человека через нереальное явление: *кровь с молоком, косая сажень в плечах, алдан в плечах*. Все ФЕ описывают внешность человека с положительной стороны через гипербализацию размеров тела (*косая сажень/алдан в плечах* (разг. одобр.) – человек могучего телосложения, очень широкий в плечах) и сочетания двух жидкостей, в сознании русского человека которые ассоциируются с источником силы, энергии (*кровь с молоком* (разг. одобр.) – здоровый,

цветущий, с хорошим цветом лица; ср. с *кровь играет, впитать с молоком матери*).

С помощью соматизма *кровь* в составе фразеологических единиц обозначаются происхождение человека (*голубая кровь*) и проявление родственных связей (*кровь заговорила*). Через нереальное явление, которое формируется благодаря обозначению цвета крови, несуществующего в реальности, и отождествлению ее с человеком (происходит наделение психофизиологической способностью к речевой деятельности и коммуникации) происходит образование ФЕ с вышеуказанными значениями на основании общечеловеческого знания о свойстве крови являться универсальным носителем генетической информации и наследственных признаков.

Оставшиеся ФЕ обозначают несвязанные с характеристикой человека обороты: но части его тела в данных ФЕ отождествляются с самим человеком (*стоять над душой, что левая нога хочет, утечка мозгов, у лжи короткие ноги, пудрить мозги*), представляются как средоточие жизненных сил и чувств (*вынимать душу, разбивать сердце*), а также в сочетании с зоонимом служат мерой количества (*с воробьиный нос*) и качества (*комар носа не подточит*).

Таким образом, сенсонимическая лексика участвует в формировании фразеологизмов, обозначающих через наименование нереального явления ситуацию или образ, познание объектов действительности при помощи органов слуха (уши) и зрения (глаза), органы же вкуса (язык) и обоняния (нос) в большей степени участвуют в характеристике речевого акта и внутреннего состояния человека, а также служат мерой качества (*комар носа не подточит*) и количества (*с воробьиный нос*), т.е. не выполняют в ФЕ свои прямые функции.

Так, картина мира, получая субъективную оценку носителями русского языка и отражаясь в таких его единицах, как фразеологизмы, выражающие свое значение через нереальные явления, в формировании которых

участвуют соматические компоненты, антропоцентрична. 76 ФЕ (+14 ФЕ с соматизмом *душа*) характеризуют человека с различных сторон, и особое внимание носителями языка уделяется его умственным способностям, описанию внутреннего состояния и нравственных качеств. Нереальность явления в данных фразеологических единицах создает образность, экспрессивность, так как такие части тела, как душа и сердце, выполняя символическую роль репрезентации чувств и нравственных качеств человека, либо опредмечиваются в ФЕ (*камень на душе, кошки скребут на душе, всеми фибрами души, бумажная душа, каменное сердце*), либо «оживают», сами отождествляются с человеком, наделяясь свойственными ему физическими, физиологическими и психическими качествами (*душа поет, сердце радуется, душа в пятки ушла, доброе сердце, злое сердце, робкая душа*).

Для ЯКМ русского человека голова и мозги во фразеологизмах, выражающих свое значение через нереальное явление, служат не только характеристикой умственных способностей человека, но и дают оценку человека в целом (*дубовая башка, чугунные мозги, ветер в голове*). Нереальный образ в основе ФЕ позволяет представить не просто бестолкового человека, но и соотнести его с предметом, состоящим из материала, в сознании русского человека который мыслится либо как очень твердый, непробиваемый, либо как мягкий и бесформенный, поддающийся воздействию. Также анализ показал, что в большинстве случаев ЯКМ через нереальный образ в ФЕ фиксирует пейоративное восприятие носителями языка таких фактов (54% ФЕ имеют негативную оценку, 18% – положительную, 28% – нейтральную), как бестолковость, низкий интеллектуальный уровень, внутреннее состояние, связанное с тревогой, огорчением, низкий нравственный уровень, а также факторы, так или иначе раздражающие органы слуха. Такое количество ФЕ с пейоративным компонентом также можно объяснить тем, что любое отклонение от нормы, от существующего в сознании носителя языка идеала, сразу же отражается во фразеологизмах языка, выражающих свое значение через нереальное явление.

ВЫВОДЫ

Примером отражения восприятия человеком самого себя в языке, несомненно, является соматическая лексика, которая образует один из самых обширных пластов словарного фонда языка. Изучение функционирования телесной лексики в языке позволяет сформировать представление о языковой картине мира того или иного народа через культурные коды.

Соматизмы, под которыми в настоящем исследовании понимаются прежде всего языковые средства обозначения явлений, относящихся к сфере телесности, то есть к сфере телесного бытия субъекта в физическом мире (а не отдельные проявления человеческого тела, такие, как жесты, мимика и т.п.) следующая классификация соматизмов, которая основана на их функциональных признаках, а также на противопоставлении «внешнее / внутреннее»: 1) названия частей и областей тела – сомонимическая лексика; 2) названия внутренних органов – сплахнонимическая лексика и лексика кровеносной системы – ангионимическая лексика; 3) названия составляющих скелета – остеонимическая лексика; 4) названия органов чувств – сенсонимическая лексика.

Важным для исследования является и то, что наименования частей тела, т.е. соматизмы, включают в себе соматический код культуры, который еще называют *телесным* [Гудков, Ковшова 2007, с. 9], *антропоморфным* [Багаутдинова 2007, с. 21], *физиолого-соматическим* [Леонтьева 2003, с. 9].

Соматический код является основным и наиболее древним. В соматическом коде особое место занимают символные функции различных частей тела. Таким образом, наименования частей тела, заключающие соматический код культуры, обладают, помимо общеязыкового значения, закрепленного за соответствующей единицей языка, еще и особым значением как знаки вторичной семиотической системы [Гудков 2004, с. 42].

Группа ФЕ, содержащих соматизм *сердце*, оказалась одной из многочисленных в рамках данного исследования. национально-культурной

специфики. Значимыми для познания человеком самого себя и участвующими в формировании нереального явления в ФЕ, являются соматизмы *голова, мозги*.

В ходе анализа также были выделены фразеологизмы, содержащие в своей структуре сенсонимическую лексику: *ухо, нос, глаза, язык*. Нереальность образа в ФЕ (10) с помощью данных соматизмов достигается разными способами. С помощью органов чувств человек, в первую очередь, познает себя: свои ощущения, полученные в процессе работы органов зрения, слуха, осязания, обоняния, органов вкуса. Так активное участие сенсонимической лексики в формировании наименования нереального явления в структуре фразеологических единиц является свидетельством ее важности в языке и отражением национально-культурной специфики.

В ходе исследования также были выделены фразеологизмы с соматизмом *кровь*, в которых значимым компонентом является колороним.

В рамках данного исследования малочисленными оказались группы фразеологизмов, в состав которых входят соматизмы *нога* (3), *плечо* (3), *кость* (1), *рука* (1), *пупок* (1). На наш взгляд, это обусловлено тем, что функции, которые выполняют такие части человеческого тела, как руки, ноги, спина и др. в сознании человека представляются наиболее понятными, наглядными; они не скрыты от глаз человека, их строение мыслится наиболее простым с точки зрения физиологии, поэтому фразеологические обороты, включающие подобные соматизмы, не содержат в себе ситуацию, которая в реальной жизни не может существовать.

Отдельную группу фразеологизмов представляют собой ФЕ с доминирующим компонентом *душа*, так как невозможно существование тела без души, поэтому данные фразеологизмы составляют наиболее древний пласт ФЕ, отличающийся своей многочисленностью

Вышеперечисленные соматизмы и компонент *душа* не просто единицы лексического уровня языка с закрепленным за ними первичным значением, но и единицы, обладающие вторичным значением, иным символическим

смыслом, который детерминирован русской культурой и формирует культурный код.

Обширный ряд русских фразеологизмов описывает все вышеизложенное с помощью нереального явления, притом значение всего фразеологизма лишь в определенных случаях обозначает то, что не существует в реальности. В денотативном значении описывается нереальная ситуация, когда какой-либо орган наделяется несвойственными для него способностями (петь, ходить, радоваться), далее на основании метонимической связи между человеком и частями его тела, а также символической значимости в жизни русского человека лексем сердце и душа рождается переосмысленный образ, заключающийся в структуре фразеологизма.

Таким образом, картина мира, получая субъективную оценку носителями русского языка и отражаясь в таких его единицах, как фразеологизмы, выражающие свое значение через нереальные явления, в формировании которых участвуют соматические компоненты, антропоцентрична. 76 ФЕ (+14 ФЕ с соматизмом *душа*) характеризуют человека с различных сторон, и особое внимание носителями языка уделяется его умственным способностям, описанию внутреннего состояния и нравственных качеств. Нереальность явления в данных фразеологических единицах создает образность, экспрессивность. В большинстве случаев ЯКМ через нереальный образ в ФЕ фиксирует пейоративное восприятие носителями языка вышеуказанных состояний. Наличие ФЕ с пейоративным компонентом можно объяснить тем, что любое отклонение от нормы, от существующего в сознании носителя языка идеала, сразу же отражается во фразеологизмах языка, выражающих свое значение через нереальное явление.

ГЛАВА III. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАИМЕНОВАНИЕ НЕРЕАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ ЗООМОРФНОГО КОДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

3.1. К вопросу выделения наименований животного мира в лексической системе русского языка

Несомненно, во фразеологизмах человек отражает мир, проводит аналогию между различными явлениями и ситуациями, а также вербализует свои наблюдения за природой, окружающей его. Особую роль в жизни человека играли и продолжают играть представители животного мира. Люди многие века изучают их повадки, внешний вид, характер и особенности жизни, в большинстве случаев отождествляя их с собой, пытаясь выявить общее. Примером подобной репрезентации в русском языке могут служить фразеологические обороты, содержащие в своей структуре компоненты-зоонимы, заключающие в себе образы мира животных, изучением которых занимаются многие современные ученые [Буренкова 2008; Волкова, Падтамапор 2012; Бичер 2015; Лаптева 2016; Шустова, Тяпугина 2020].

Понятие *зооним* вошло в лингвистику в 60-х годах XX века. Существует несколько подходов к определению данного термина (широкий и узкий), которые далее мы подробно рассмотрим. Также отметим, что в рамках ономастики под *зоонимом* понимается термин, обозначающий клички животных, а их родовидовое обозначение не причисляют к данной категории [Галимова 2004, с. 4].

В широком подходе к определению термина *зооним* относят обозначения различных единиц лексики, которые относятся к семантическому полю «животные»: любые наименования животных, производные от этих единиц и «некоторые другие слова, обозначающие реалии, которые имеют отношение к жизни животных» [Гэн 2018, с. 12]. Т.е. в широком значении он охватывает наименования животных (*собака, щука*),

их клички (*Мурка, Жучка*), названия частей тела животного (*грива, лапа*), слова, образованные от названий животных (*свинина, окотиться*), предметы, имеющие отношение к животным (*пастбище, хлев*). В узком значении данный термин включает в себя только наименования животных в прямом значении [Яблонская, Кураш 2015, с. 153]

Тем не менее, в работах ученых можно встретить большое количество других терминов, называющих представителей животного мира, помимо термина *зооним*: это и *зоолексема, зоосемизм, зооморфизм, зоометафора, зоохарактеристика, анималионим, анимализм* и др. Такое разнообразие понятий говорит о том, что на сегодняшний день нет единого мнения среди исследователей насчет того, как называть диких и домашних животных, птиц, рыб и др., которые образуют богатый тематический пласт в лексике любого языка.

В работах 80-х годов XX века чаще встречаются такие термины, как *зоолексема* и *зоонимосодержащая лексема*. *Зоолексема* – это единица лексики, в исходном значении выступающая как название определённого вида животного (кот, лев, утка), может также называться и *зоонимом*, если является однозначным словом (снегирь). *Зоонимосодержащая лексема* – это один из производных лексико-семантических вариантов слова (мухоловка – «небольшая птица») [Морковкин 1983, с. 103].

Сегодня подобного определения термина *зоолексема* придерживается и Г.Б. Новьюхова, которая под *зоолексемой* понимает однозначную лексическую единицу, обозначающую название животного (в таком случае определяется и как *зооним*) [Новьюхова 2019, с. 11]. Получается, что *зооним* – это наименования представителей животного мира в своей первичной номинативной категории.

В работах XXI века мы встречаем похожие определения, но уже других терминов. Л.А. Киприянова выдвигает термин *зоосемизм* – «это родовидовая сверхобщность, в которой ощутим приоритет переносного значения входящих в неё лексем». По ее мнению, употребление *зоонимов*

(наименований животных в прямом значении) достаточно ограничено, поэтому на первый план выступает их переносное значение [по Молодчинной 2020, с. 36].

Н.В. Солнцева же под *зоонимом* понимает общую словарную единицу, которая может выступать как *зоосемизм*, т.е. название животного (млекопитающих, птиц, насекомых и т.д.; ср. с *зоолексема*), и как *зооморфизм*, т.е. переносный, метафорический вариант зоосемизма, характеризующий и оценивающий человека [Солнцева 2004, с. 89]. Таким образом, к *зоосемизмам* относят различные зоологические наименования, которые используются в прямых значениях, а к *зооморфизмам* относят наименования животных, употребляемые в переносных значениях, например, при характеристике человека [Николаева 2018, с. 284].

Некоторые исследователи объединяют широкий и узкий подходы к определению термина *зооним*. *Зооним* – это как имя нарицательное (корова, кошка), так и имя собственное какого-либо животного (клички *Шарик*, *Барбос*). Таким образом, *зооним* понимается как лексема с семантикой «название животного», который представляет собой прямую номинацию (денотат). Но в то же время лингвистическая специфика значения характеристики животного заключается не столько качествами реального объекта (зоонима), сколько качествами, которые приписываются этому объекту коллективным языковым сознанием, что позволяет регулярно использовать зооним как образец каких-либо качеств [Хамидуллина 2014, с. 107]

Е.В. Лаврищева, Н.Б. Аброськина, А.В. Остроухова к зоонимам относят:

- 1) совокупность имен и/или их сочетаний, выступающих как родовое название животного;
- 2) метафорическое значение, объединяющее смыслы и значения, возникающие при переносном употреблении названий животных;

3) преобразованные под влиянием социальных и культурно-исторических факторов названия животных, получившие в языковой картине мира новые символические значения [Лаврищева 2019, с. 42].

Как видим, многие термины, так или иначе обозначающие наименования представителей животного мира, дублируют друг друга. Например, *зоонимом*, *зоолескемой* и *зоосемизмом* можно считать однозначную единицу лексики, обозначающую наименование животного. В рамках данной работы мы будем использовать более распространенное среди исследователей понятие *зооним*, под которым понимаем любые наименования животных, включая собственные и нарицательные. Тем не менее считает важным отметить, что в настоящем исследовании встречаются исключительно нарицательные имена существительные, обозначающие животных и их производные (например, существительные *волк*, *собака*, *кошка*, *медведь*, а также относительные прилагательные *рыбий*, *крокодиловы*, *овечий* и др.).

Как уже было сказано, наименования животных являются одним из древнейших пластов лексики практически во всех языках. Особенность эту можно объяснить стремлением человека дать характеристику себе: своему поведению, внешнему виду, взглядам на окружающий мир, другим представителям народа через сравнение с миром животных, что и привело к большому количеству устойчивых выражений, включающих *зооним*, у совершенно разных народностей [Черникова, Шатрович 2010, с. 48]. Зоонимы «обладают большими информационными возможностями, так как не только делят представителей животного мира на группы и виды, называют клички домашних животных, но и могут дать разностороннюю характеристику человека» [Николаева 2018, с. 284].

Что касается русской фразеологии, то в ФЕ названия представителей животного мира чаще всего являются символами, в связи с чем «образ или повадки какого-либо животного переносятся на человека или предметы окружающей действительности, а *зооним* приобретает общепринятое

ассоциативное значение» [Яблонская, Кураш 2015, с. 154]. Получается, что с течением времени образ определенного животного наделяется особым национальным и культурным содержанием, что и отражается в языке, а в особенности во фразеологизмах.

Значительную часть фразеологического фонда русского языка составляют ФЕ, содержащие в своей структуре зооним. В современном языкознании можно встретить множество синонимичных терминов подобных фразеологических единиц: зоонимические фразеологические единицы, зоосемичные фразеологизмы, зоофразеологизмы, фразеологические единицы с анималистическим компонентом и др. [Булгакова, Красноборова 2016, с. 160-161]. В данном исследовании мы придерживаемся традиционного обозначения подобных ФЕ: фразеологизмы с компонентом-зоонимом или фразеологические единицы, включающие зооним.

Зооним является важным культурным компонентом в языке не только русской, но и любой народности, в связи с чем можно говорить о том, что зооморфный код культуры является базовым и достаточно древним. Несмотря на древность и некую универсальность зооморфной лексики, зооморфные коды отличаются национальным своеобразием. Зооморфный культурный код – это «самобытный языковой пласт, выявляющий специфику мировосприятия носителей разных языков и культур» [Гукетлова 2009, с. 12]. «Зооморфный код отражает ценностную картину мира как часть языковой картины мира», являясь ее частью, включает в себе внешний и внутренний мир человека, способствуя вербализации в языке его универсальных и национально-специфических особенностей [Стоянова 2017, с. 524, с. 521].

Существует также биоморфный код культуры, который включает в себя образы представителей флоры и фауны. В данном исследовании считаем целесообразным использовать термин зооморфный код (и некоторые его субкоды, например, орнитологический), так как данный код включает в себе совокупность наивных представлений о мире животных, наименования которых выполняют функции символов.

В зооморфном коде культуры, который реализует компонент-зооним во фразеологической единице, выделяют следующие субкоды:

- 1) *териологический код* – реализуется в наименованиях, обозначающих зверей (*как кот заплакал, морской волк, светский лев*);
- 2) *орнитологический код* – представляет совокупность зоонимов, обозначающих птиц (*воробью по колено, курам на смех*);
- 3) *ихтиологический код* – вербализуется в наименованиях, обозначающих рыб (*акулы бизнеса*);
- 4) *инсектологический код* – совокупность наименований для обозначения насекомых (*комар носа не подточит, делать из мухи слона*);
- 5) *герпетологический код* – совокупность номинативов для обозначения пресмыкающихся (*книжный червь*);
- 6) *амфибиологический код* – заключается в наименованиях земноводных (*как лягушка на кочках*);
- 7) *карцинологический код* – совокупность зоонимов для обозначения ракообразных (*когда рак на горе свистнет*) [Шустова, Тяпугина 2020, с. 46].

Таким образом, наименования представителей мира животных образуют достаточно интересный и обширный пласт в языке. Называя подобные лексемы зоонимами, мы подразумеваем под ними не только способность данного термина обозначать животных, но и вербализовать особые символы, несущие культурную и национальную специфику (культурный код), важную для понимания языковой картины мира определенного народа. И наиболее ярко это специфика наблюдается именно во фразеологическом фонде, где в ФЕ ключевой компонент-зооним становится важным элементом для понимания представлений человека об окружающем его мире, о нем самом и о других представителях этноса.

3.2. Специфика формирования нереального явления во фразеологизмах с ключевым компонентом-зоонимом

В рамках данного исследования особый интерес вызывают фразеологические единицы, выражающие свое значение через наименование нереальных явлений с помощью доминантного компонента-зоонима, как носителя зооморфного и орнитологического кодов культуры. Анализ позволил определить способы репрезентации нереального явления во фразеологических оборотах, роль компонента-зоонима в формировании данного явления, а также национально-культурную специфику подобных ФЕ.

Методом сплошной выборки были выявлены фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления и содержащие в своей структуре компонент-зооним (45 ФЕ). Метод классификации и аналогии позволил расформировать ФЕ по группам, выделение которых было основано на значениях анализируемых фразеологических оборотах, а именно: характеристика человека (15), количественное значение (6), временное значение (6), речевая характеристика (5), оценка качества (3), законные/незаконные ситуации (3), финансовая удача (3), природные явления (2), не вошли в группы (2).

Так во фразеологизмах, характеризующих человека (внешность, манеры, поведение, профессиональная деятельность и т.д.), нереальное явление может формироваться при участии компонента-зоонима различными способами.

Животное наделяется чертами, характерными для человека или каких-либо предметов, также среда его обитания может резко отличается от привычной, что способствует созданию нереального явления, которое формируется с помощью сочетания зоонима, выраженного существительным, и прилагательного качественного (*светский лев/львица, важная птица*), притяжательного (*морской волк, канцелярская крыса*).

Нереальность образа достигается благодаря значению прилагательного, выражающего несвойственные животному миру черты: *важная, светский, канцелярская* и место обитания вида *морской + волк* (сухопутное животное).

Фразеологизм *крокодиловы слезы* строится по аналогичной схеме, но в отличие от вышеперечисленных ФЕ, зооним выражен притяжательным прилагательным. Крокодил наделяется таким психофизиологическим свойством человека, как способность проливать слезы, на основании чего и образуется несуществующая реалья.

Важно обратить внимание и на то, образ какого животного лежит в основе формирования как нереального явления, так и значения всего фразеологического оборота. Лев – хищник, царь зверей, благородное и красивое животное, соответственно, фразеологизм *светский лев* используется для обозначения человека, пользующегося успехом и влиянием в высшем свете [БФСРЯ, 2006, с. 621]. Негативную оценку и противоположное значение ФЕ *светский лев* имеет фразеологическая единица *канцелярская крыса*, использование которой характерно для описания бездушных бюрократов, формалистов, людей, не имеющих духовных интересов. Фразеологический оборот строится на зооморфном культурном коде, который включает в себе компонент *крыса*. Данное животное считается вредителем, «предстаёт существом неприятным до омерзения, подлым, мелко эгоистичным и злобным» [БФСРЯ, 2006, с. 326]. Таким образом, животный мир уподобляется миру человека при помощи сочетания притяжательного прилагательного *канцелярская* с зоонимом *крыса*, результатом чего является образование нереального явления.

Также одним из способов репрезентации нереального явления может быть сочетание «глагол + как + компонент-зооним». При помощи сравнительного союза *как* в структуре фразеологизма сопоставляется мир человека и мир животных с помощью присваивания определенного действия или черты, свойственных лишь людям, представителям фауны: *врет как сивый мерин, разбирается как свинья в апельсинах, беден как церковная*

мышь, нем как рыба, гол как сокол, писать как курица лапой. Нереальность ситуации, описываемой в вышеперечисленных ФЕ, достигается при помощи:

1) наделения животного определенным качеством (*беден как церковная мышь, гол как сокол*), свойственным человеку;

2) наделения представителя животного мира психофизиологическими свойствами, присущими человеку (*врет как сивый мерин, нем как рыба, разбирается как свинья в апельсинах, писать как курица лапой*).

Также нереальное явление во фразеологизме, характеризующем человека, может формироваться с помощью двух зоонимом. К таким ФЕ можно отнести обороты *ворона в павлиньих перьях, волк в овечьей шкуре*. Образование несуществующей реалии достигается не за счет наделения животного человеческими чертами, а благодаря присваиванию качеств одного животного другому. Данные ФЕ имеют негативную оценку и используются при обозначении людей, скрывающих свою истинную сущность или намерения. Нереальность явлений, создаваемых зоонимами, усиливают и сами образы животных, используемые для выражения значений данных фразеологизмов. Ворон благодаря своему громкому крику, черной окраске перьев издавна ассоциировался с загробным миром, а в русских сказках считался помощником злых сил [Тропкина, Хань 2014, с. 124-129]. Павлин в сознании людей мыслится как птица, олицетворяющая красоту, благородство. Во фразеологической единице *волк в овечьей шкуре*, где волк олицетворяет лицемерие, зло, коварство, а овца (агнец) – добро, кротость, смирение, наблюдается та же тенденция [БФСРЯ 2006, с. 133-134]. Данные компоненты в структуре ФЕ несут в себе зооморфный код культуры, приобретая особую знаковую в языке.

Также одним из способов формирования нереального явления в структуре ФЕ может быть сочетание соматизма и зоонима, которые формируют значение фразеологизма. К подобным оборотам можно отнести ФЕ *медведь на ухо наступил* и *кошки скребут на душе*. Здесь зоонимы выступают в роли субъекта (*медведь, кошки*), оказывающего определенное

действие (*наступил, скребут*) на объект, выраженный соматизмом (*на ухо, на душе*). Нереальность ситуации, описанной во фразеологизме, достигается за счет субъектно-объектных отношений, так как словосочетание *кошки скребут* и *медведь наступил* не описывают нереальное явление, это происходит лишь в сочетании с лексемой, обозначающей часть тела человека. Наличие как компонента-зоонима, так и соматизма в структуре ФЕ обязательны для создания нереального явления, так как соматизмы или зоонимы вне данных контекстов не отражают ситуацию, которая не может существовать в реальной жизни.

В группе ФЕ, имеющих временное значение, нереальное явление также может формироваться с помощью зоонима несколькими способами. К оборотам этой группы в рамках данного исследования можно отнести фразеологизмы *когда свиньи будут с поля шагом идти, когда мерин окобылеет, когда петух яйцо снесет, когда рак на горе свистнет, когда сорока побелеет, когда курица запоет по-петушиному*. Образование нереального явления в структуре ФЕ происходит с помощью сочетания временного компонента с зоонимом, выраженным существительным, и глаголом, нереальность образа же достигается благодаря действию, которое выражает глагол: обозначает физиологические процессы, невозможные для данной особи (*мерин окобылеет, петух яйцо снесет, рак свистнет, свиньи будут шагом идти* и т.д.).

В группе фразеологизмов, выражающих значение количества (*кот наплакал, делать из мухи слона, с воробьиный нос, воробью по колено* и др.) нереальное явление также формируется с помощью компонента-зоонима. Как и в ФЕ, выражающих значение времени, нереальность образа, лежащего в основе оборота, достигается:

1) через описание физиологических процессов (органов, частей тела), несвойственных для данной особи (*курячье вымя, свиные рожки*);

2) через надделение животного психофизиологическими способностями, свойственными человеку (*кот наплакал*);

3) через описание физиологических процессов и свойств, несуществующих в природе (*делать из мухи слона*);

4) через присваивание особи животного мира части тела человека (*с воробьиный нос, воробью по колено*).

Наличие нереального явления наблюдается и в ФЕ, характеризующих результат речевой деятельности. К таким ФЕ можно отнести обороты *бред сивой кобылы, лебединая песня, чушь собачья и оседлать Пегаса, по щучьему велению*. Формирование нереального образа происходит с помощью сочетания:

1) существительного, обозначающего результат речевой деятельности, и притяжательного прилагательного (*чушь собачья, лебединая песня*);

2) существительного, обозначающего результат речевой деятельности, и существительного в форме Р. п. (*бред сивой кобылы*);

3) глагола и существительного, обозначающего крылатого коня из древнегреческой мифологии (*оседлать Пегаса*).

Нереальность образа, лежащего в основе ФЕ формируется:

1) через наделение особей животного мира (зоонимы *кобыла, собака*) человеческой способностью к речевой деятельности (*несут/говорят бред, чушь*);

2) через характеристику результата творческой речевой деятельности человека с помощью компонента-зоонима (*лебединая песня, оседлать Пегаса* – их значения репрезентируется через нереальные явления, так как лебедь считается непевчей птицей, а Пегас – мифологическое животное).

Стоит отметить, что в ФЕ *бред сивой кобылы* компонент *бред* изначально имел иное значение, так как является производным от лексемы *брести/бродить*, т.е. ходить без дела, от чего и пошло значение всего оборота – говорить ерунду, не по делу. Сегодня значение лексемы *бред* в сознании носителей языка напрямую связывается с результатом речевой деятельности, т.е. означает бессмысленную, бессвязную речь. Фразеологизм *чушь собачья* строится по аналогичной схеме и имеет тождественное

значение. В структуре фразеологизма *по щучьему велению* наличие нереальной ситуации можно объяснить его происхождением: зачастую в сказках персонажи, представленные особями животного мира (щука), наделяются человеческой способностью к речевой деятельности (*по щучьему велению*: давать веление, т.е. приказывать).

В группе фразеологизмов, значение которых характеризует законную/незаконную деятельность, нереальное явление также репрезентируются с помощью зоонимов. Так, формирование нереального образа происходит благодаря сочетанию зоонима, выраженного притяжательным прилагательным и существительного, обозначающего реалию, характерную для мира человека: *волчий билет*, *волчий закон*. Нереальность ситуации, лежащей в основе ФЕ, достигается через употребление реалий мира человека в животном мире. Стоит обратить внимание, что фразеологизмы *волчий билет* и *волчий закон* имеют негативную эмоциональную окраску в связи со своим значением: «волчий билет – лишение социальных прав, отторжение от общества» [БФСРЯ 2006, с. 134], «волчий закон – грубое попираание общепринятых норм поведения, самоуправство, произвол» [Федоров 2008, с.241]. Как видим, в данных ФЕ для создания определенного негативного образа используется зооним *волк*, который, как говорилось выше, является воплощением хитрости, жадности, жестокости (ср. *волк в овечьей шкуре*, образ волка в русских сказках).

Фразеологизм *на птичьих правах* строится по аналогичной схеме (отличие в предложно-падежной форме), как и предыдущие две ФЕ, где прилагательное – зооним *птичьих*, а существительное *правах* является реалией мира человека. Таким образом, нереальное явление в структуре ФЕ формируется через уподобление животного мира миру человека.

В группе фразеологизмов со значением оценки качества предмета, какой-либо ситуации были выделены обороты, в основе которых лежит нереальное явление или ситуация. К подобным фразеологизмам можно отнести обороты: *курам на смех* (пренебрежительная оценка ситуации,

поступка, чаще нелепого), *комар носу не подточит* (оценка работы, сделанной идеально, очень хорошо), *на рыбьем меху* (оценка предмета одежды, неспособного согреть в холод). Нереальное явление формируется с помощью:

1) сочетания существительного, являющегося зоонимом *курица*, и предложно падежной формы существительного, обозначающего реакцию человека в состоянии веселья (*курам на смех*);

2) сочетания притяжательного прилагательного, являющегося зоонимом *рыбий*, и существительного, обозначающего волосяной покров животных (*на рыбьем меху*);

3) сочетания существительных, являющихся зоонимом *комар* и соматизмом *нос*, а также глагола *точить*.

В данных фразеологических единицах нереальный образ достигается несколькими способами:

1) через наделение представителя животного мира такой психофизиологической особенностью человека, как способность смеяться (*курам на смех*);

2) через наделение особи физическими возможностями человека, а также через использование части тела человека при описании строения (*комар носу не подточит*);

3) путем уподобления одного животного другому (в данном случае рыба описывается как особь, имеющая мех). Значение всего оборота тесно связано с образом, создаваемым нереальным явлением в структуре ФЕ.

В группе ФЕ, обозначающих прибыль, финансовую удачу или источник дохода, также в структуре фразеологизмов было выявлено наличие нереального явления. К подобным оборотам можно отнести следующие единицы: *делить шкуру убитого медведя*, *золотая рыбка*, *резать курицу*, *несущую золотые яйца*. Нереальное явление во фразеологизмах *золотая рыбка* и *убить курицу, несущую золотые яйца* формируется с помощью зоонимов *рыбка*, *курица* и прилагательного *золотой*. В данных

фразеологизмах нереальность образа, лежащего в основе ФЕ, достигается путем описания физиологических процессов и свойств, несуществующих в природе (нести яйца из золота, чешуя из золота). Во фразеологизме *делить шкуру неубитого медведя* нереальная ситуация репрезентируется с помощью сочетания таких компонентов, как качественного прилагательного *неубитого* и зоонима *медведь*, выраженного существительным. Сочетание компонентов *делить шкуру медведя* не представляет нереальное явление, значение нереальности достигается лишь при включении в структуру компонента *неубитого*, относящегося к зоониму *медведь*, что описывает ситуацию, которая не может существовать.

В группе фразеологических единиц, описывающих явления природы, создание нереального явления, отражающего значение всего фразеологизма, также обусловлено наличием зоонимов в структуре ФЕ. Так формирование нереального явления происходит с помощью сочетания:

- 1) зоонима, выраженного существительным и качественного прилагательного – *белые мухи*;
- 2) зоонима, выраженного существительным, с относительным прилагательным – *воробьиная ночь*.

В данных фразеологических единицах образ нереальности достигается:

- 1) путем описания вида насекомого, несуществующего в природе в ФЕ *белые мухи*, образ которой основывается на сопоставлении падающего белого снега с полетом мух;
- 2) через уподобление мира животных с миром человека в ФЕ *воробьиная ночь*. Важно уточнить, что такая реалья, как ночь, характерна не только для мира человека, но и для мира животных, но для природы человека характерно упорядочение подобных вещей, т.е. ночь выступает как определенная мера времени (сутки, ночное и дневное временем суток).

В рамках данного исследования были выявлены фразеологические единицы, которые не вошли в вышеперечисленные группы, основанием для выделения которых послужила общность и значения. К данным

фразеологизмам относятся обороты *возродиться, как Феникс из пепла*, и *между Сциллой и Харибдой*, наличие нереального явления в которых обусловлено, по большей части, их происхождением. Фразеологизм *между Сциллой и Харибдой* пришел из древнегреческой мифологии, что ставит под вопрос существование данных чудовищ, сегодня же в сознании людей их образ мыслится как нереальный. ФЕ *возродиться, как Феникс из пепла* произошел из легенды Древнего Египта, в которой рассказывается о птице, сгоравшей в огне и возрождавшейся снова. Данная ситуация представляется как нереальная, противоречащая законам природы, когда какое-либо существо, сгорев дотла, могло ожить.

Мы пришли к следующим выводам, которые обсуждались в одной из наших работ [Милованова 2018, с. 342-343]. Как показал анализ, возникновение нереального явления в структуре ФЕ в большинстве случаев происходит за счет уподобления животного мира человеческому с помощью компонента-зоонима несколькими способами:

- 1) животное наделяется чертами, свойственными человеку (*светский лев, важная птица*);
- 2) животное наделяется психофизиологическими свойствами, присущими человеку (*курам на смех, кот наплакал*), а также способностью к речевой деятельности (*чушь собачья, бред сивой кобылы*);
- 3) животное наделяется физическими способностями, свойственными человеку (*когда рак на горе свистнет, комар носу не подточит*);
- 4) через употребления реалий мира человека в животном мире (*волчий билет, на птичьих правах, воробьиная ночь, медвежий угол*);
- 5) через сочетание соматизма и зоонима (*кошки скребут на душе, с воробьиный нос*).

Реже встречаются случаи, когда нереальное явление формируется в рамках только лишь животного мира с помощью компонента-зоонима следующими способами:

1) уподобление одного животного другому (*волк в овечьей шкуре, ворона в павлиньих перьях*);

2) через физиологические процессы, невозможные для данной особи (*когда мерин окобылеет, когда петух яйцо снесет*);

3) через описание физиологических процессов и свойств, несуществующих в природе (*белые мухи, делать из мухи слона*).

Числовые данные, отражающие количество значений ФЕ, содержащих компонент-зооним, который участвует в формировании нереального явления, а также их процентное соотношение к общему числу ФЕ в рамках данной группы и всего исследования представлены в Таблице 2.

Таблица 2 – Соотношение количества значений ФЕ, содержащих компонент-зооним

Название группы ФЕ	Количество	Процентное соотношение (%)	
		К числу ФЕ в группе (45=100%)	К общему числу ФЕ (222=100%)
Характеристика человека	15	32,6 %	6,8 %
Количественное значение	6	13 %	2,7 %
Временное значение	6	13 %	2,7 %
Речевая характеристика	5	11 %	2,3 %
Оценка качества	3	6,5 %	1,4 %
Законные/незаконные явления	3	6,5 %	1,4 %
Финансовая удача	3	6,5 %	1,4 %
Природные явления	2	4,4 %	0,9 %
Не вошли в группы	2	6,5 %	1,4 %
Общее количество ФЕ:	45/222	100 %	21 %

Таким образом, в русских фразеологизмах, выражающих свое значение через нереальные явления и содержащих в своей структуре компонент-зооним, нереальность образа в большинстве случаев происходит за счет уподобления животного мира человеческому с помощью компонента-зоонима, и намного реже встречаются случаи, когда нереальное явление формируется в рамках только лишь животного мира с помощью компонента-зоонима. Образ животного в ФЕ неслучаен: так определенные зоонимы чаще других участвуют в образовании фразеологических оборотов, так как наделены особыми культурными смыслами в сознании носителей русского языка.

3.3. Отражение картины мира русского человека во фразеологических единицах, включающих лексические компоненты с названиями животных

Обширный пласт русских фразеологических единиц включает в себя зооним, который, являясь основным компонентом ФЕ, определяет значение оборота. Высокая фразеологическая активность зоонима объясняется не только количеством его употреблений в ФЕ, но и способностью пояснять значение фразеологизма носителям языка благодаря многослойности образов животных, их возможности выступать определенными эталонами (количества – *кот наплакал*, размера – *с воробьиный нос* и т.д.), символами (моральных качеств – *волк в овечьей шкуре*, интеллектуальных качеств – *как баран на новые ворота*). Как уже было сказано, человек, на протяжении многих веков живя бок о бок с представителями фауны, изучал их повадки, внешний вид, характер и особенности жизни, в большинстве случаев отождествлял их с собой, что отразилось и в ЯКМ, в особенности во фразеологических единицах, характерной чертой которых является антропоморфизм.

Безусловно, одним из основных в изучении русской ЯКМ является вопрос о национально-культурной специфике фразеологических единиц. Так, использование того или иного компонента-зоонима в структуре ФЕ, содержащих нереальное явление, количество его употреблений, образ, который он несет, ассоциацию, которую он вызывает у носителей языка, являются ярким отражением культурного сознания народа-творца, повлиявшим на формирование ЯКМ.

Значительная роль зоонима в создании нереального явления, через которое передается значение фразеологизма, говорит о степени важности данного компонента в структуре оборотов, а также о важности образа животного, который заключает в себе используемый зооним. В большинстве ФЕ встречаются известные для русского человека названия животных, так как среда обитания многих представителей животного мира, упоминающихся во фразеологизмах, средняя полоса России. Таким образом, русский человек, достаточно часто контактируя с данными животными, наблюдая за их жизнью, выделял основные характерные черты, что и отразилось в ЯКМ.

В большинстве ФЕ в формировании нереального явления участвовали животные, которых человек издавна одомашнил (17 ФЕ): они живут с ним (кошка, собака: *кот заплакал, чушь собачья*), являются пищей (курица, свинья: *когда свиньи будут с поля шагом идти, курам на смех, когда петух яйцо снесет* и др.) или рабочей силой (конь/кобыла: *бред сивой кобылы, когда мерин окобылеет*) и т.д., что отражено в Таблице 3.

Таблица 3 – Названия домашних животных и частотность их употребления в ФЕ, вербализующих нереальное явление

Домашние животные (доминирующий зооним в ФЕ)	Количество
Курица	5
Свинья	3

Конь/кобыла/мерин	2
Кот/кошка	2
Козел	1
Петух	1
Собака	1
Мышь	1
Крыса	1
Общее количество:	17

Так, среди исследуемых компонентов чаще остальных встречается зооним *курица*: *когда курица запоет по-петушиному, курам на смех, убить курицу, несущую золотые яйца, писать как курица лапой, курячие вымя, свиные рожки*). Разведение кур составляет древнейшую отрасль домашнего хозяйства. Образ курицы издавна наделялся большим количеством символов: в сознании русского человека она ассоциируется с плодородием (несет яйца), демоническим началом (использовалась в жертвоприношениях, в ритуалах, являясь существом «переходных» состояний). Несомненно, все это отразилось как в русской культуре (в сказках, в народных песнях, загадках), так и в языке (поговорки, фразеологизмы).

Свинья, как и курица, с давних времен считается домашним животным, что позволило человеку, довольно часто контактируя с ней, отразить во фразеологии характерные в наивно-языковом представлении черты данного животного. Образ данной особи в сознании русского человека построен на контрасте: так, свинья, ассоциируясь с нечистоплотностью и наглостью (*свинья грязь найдет, грязный как свинья, посади свинью за стол, она и ноги на стол*), обжорством (*напиться/нажраться как свинья*), невежеством и ограниченностью (*метать бисер перед свиньями, разбираться как свинья в апельсинах, со свиным рылом в калашный ряд*), является символом плодовитости и материнства (*супоросная свинья*) [Томова 2010, с. 91]. Тем не

менее, в ЯКМ преобладает пейоративный компонент оценки данного животного, что отражается во фразеологии русского языка.

Неоднозначен и образ коня (кобылы/мерина) в наивно-языковом представлении русского человека. Так, конь одновременно олицетворяет вечного спутника человека (*допрежь думай о лошади, опосля о себе, от хозяйского глаза и конь добреет*), помощника в хозяйстве (*ломовая лошадь, как лошадь пахать, жир и покой – худшие враги лошади*) и незаменимого соратника в бою, но вместе с тем образ коня ассоциируется с мощью (*лошадиная сила*), необузданностью, свободой (*на ретивую лошадь не кнут, а вожжи*), а также наделяется религиозным смыслом (*там, где находится лошадь, там не бывает нечистой силы*). Несмотря на силу, красоту, пользу данного животного, в языке в большинстве случаев прослеживается негативное отношение к нему, в особенности во фразеологизмах, характеризующих человека, когда в обороте присутствует нереальное явление: лошадь наделяется качествами и психофизиологическими способностями человека (*врет как сивый мерин, глуп как сивый мерин, бред сивой кобылы*).

Среди названий диких животных (15 ФЕ), которые репрезентируются зоонимами в структуре фразеологизмов, выражающих свое значение через нереальное явление, самыми частотными стали лексемы *волк, медведь, воробей* и *ворон*, что отражено в Таблице 4.

Таблица 4 – Названия диких животных и частотность их употребления в ФЕ, вербализующих нереальное явление

Дикие животные (доминирующий зооним в ФЕ)	Количество
Волк	4
Медведь	3
Воробей	3

Ворон	2
Лев	1
Крокодил	1
Слон	1
Общее количество:	15

Образ волка (*волчий билет, волчий закон, волк в овечьей шкуре, морской волк*) архетипичен, в его основе как о животном лежат этнокультурные представления (языческие, религиозные) [Хазанкович 2009, с. 181]. Так, безусловно, можно говорить о многослойности данного образа в сознании русского человека. В первую очередь волк представляется как опасный хищник, санитар леса, на основании чего ассоциируется с такими качествами характера, как злоба, жестокость, мудрость и глупость. Двояка роль образа волка и в русском фольклоре: он либо наделен мудростью, умеет разговаривать, помогает герою («Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке»), либо предстает глупым и жадным («Лисичка-сестричка и серый волк»). Важно отметить и то, что ФЕ *волк в овечьей шкуре* происходит из Библии, что также является подтверждением особой символики образа волка не только в русском языке, в русской культуре, но и во всем мире.

Также среди названий лесных обитателей в анализируемых ФЕ встречается зооним *медведь* (*делить шкуру неубитого медведя, медведь на ухо наступил*), образ которого с давних времен неразрывно связан с Россией. Как и предыдущие два образа (*курица, волк*), образ медведя символичен, многослоен, тесно связан с культурой русского народа, архетипичен, «поэтому в религиозных воззрениях и в отражающих эти представления фольклорных произведениях медведь может выступать одновременно носителем нескольких соприкасающихся лейтмотивов» [Кошкарова 2010, с. 269].

Многогранность образа медведя заключается в его нескольких ипостасях:

- 1) в сказках либо властный и глупый, либо простодушный хозяин леса;
- 2) является образом, связанным с природными явлениями, праздниками, приметами;
- 3) был тотемным животным у северных народов Руси;
- 4) медведь сравнивался с человеком, олицетворял силу, мощь [Ханджани, Паям 2016, с. 3-7].

В русской культуре значимость данного образа подтверждается большим количеством сказок, песен, литературных произведений с его участием, а также присутствием в картинах знаменитых российских художников и даже в кинематографе. В языке значимость лексемы *медведь* заключается в ее частотном употреблении в структуре фразеологизмов, пословиц и поговорок. Молодые исследователи во главе с основателем Воронежской ономастической школы, профессором Г.Ф. Ковалевым, рассматривают номинации и заключенный в них культурный код, в частности, зооморфный, так как животные являются объектом мифологизации и символизации в русском народном творчестве [Кумба 2021, Цзыди 2021]. Номинатив *медведь* является одним из главных элементов зооморфного кода в кругозоре носителей русского фольклора. Например, русские сказки отражают социальный статус старейшины в древней славянской родовой семье, поэтому именно медведю отводится роль защитника, хозяина, главы леса. Сказки о медведе описывают историю русского народа, поэтому данный зооним наделен множеством смыслов [Кумба 2021, с. 8-9].

Среди зоонимов, заключающих в себе орнитологический код, чаще других встречаются *воробей* и *ворон* в структуре русских фразеологических единиц, выражающих свое значение через нереальное явление («воробьиная ночь», «с воробьиный нос», «ворона в павлиньих перьях»). Так, для лексемы *воробей* характерны:

1) номинация как видового, (воробей водяной – водяной дрозд), так и родового понятий (вороны и воробьи сидели на ветке);

2) локализация рядом с человеком;

3) антропоморфизм в связи с отношением к данной птице как к части человеческого микрокосмоса;

4) как эталон малой величины (данный образ репрезентируется в ФЕ *с воробьиный нос*) [Чернышова 2008, с. 132-134].

Образ ворона также достаточно значим в русской культуре, он не менее символичен, чем образ курицы, волка и медведя. Так, к характерным чертам образа данной птицы можно отнести:

1) негативную символику, связанную с перьевым окрасом и громким криком птицы (выражение *черный ворон*, как и *серый волк*, стало устойчивым);

2) мотивы хищности, кровожадности, смерти;

3) посредничество между тремя мирами (небо, земля и подземное царство);

4) способность предсказывать будущее [Гура 1997, с. 534-536; Тропкина, Хань 2014, с. 124-126; Мелетинский 1987, с. 245]. Все вышеперечисленные мотивы находят воплощение в русском языке (в структуре ФЕ, пословиц, поговорок), в народном творчестве (сказки, песни, басни, загадки), а также в литературных произведениях русских писателей и поэтов.

Характерной чертой ЯКМ во фразеологизмах, выражающих свое значение через наименование нереального явления, стала малая активность названия животных, естественное место обитания которых выходит за границы нашей страны: *светский лев*, *крокодиловы слезы* и *делать из мухи слона*. Зоонимы *лев*, *крокодил*, *слон* достаточно редко встречаются среди единиц фразеологического фонда русского языка, что служит свидетельством того, что в ЯКМ большей фразеобразовательной активностью обладают названия животных, издавна обитающих рядом с русским человеком, а также

участвуют в формировании нереального явления в структуре ФЕ благодаря наделению качеств, психофизиологических и физических возможностей, свойственных человеку.

Антропоморфизм, являясь «общим законом развития средств номинации в языке» [Гак 1966, с. 274], позволил отражать мировидение во фразеологизмах по принципу аналогии, результатом чего стало большое количество ФЕ, характеризующих человека через нереальные явления, в формировании которых участвуют образы животных.

Так, среди фразеологизмов (45 ФЕ) большинство оборотов (15 ФЕ) с той или иной стороны характеризуют человека: его нравственные качества (*волк в овечьей шкуре, крокодиловы слезы, ворона в павлиньих перьях*), положение в обществе (*светский лев, важная птица*), речевой акт (*врет как сивый мерин, нем как рыба*), финансовое положение (*гол как сокол, беден как церковная мышь*), умственные и физические способности (*разбирается как свинья в апельсинах, писать как курица лапой, медведь на ухо наступил*), внутреннее состояние (*кошки скребут на душе*), а также характеристику профессиональных качеств (*морской волк, канцелярская крыса*). Оставшиеся ФЕ через наименование нереального явления, которое формируется при помощи участия зоонима, обозначают количество (6 ФЕ: *как от козла молока, кот заплакал, с воробьиный нос, воробью по колено, курячье вымя, свиные рожки, делать из мухи слона*), время (6 ФЕ: *когда свиньи будут с поля шагом идти, когда мерин окобылеет, когда петух яйцо снесет, когда рак на горе свистнет, когда сорока побелеет, когда курица запоет по-петушиному*), результат речевой деятельности (5 ФЕ: *бред сивой кобылы, чушь собачья, по щучьему велению, оседлать Пегаса, лебединая песня*), оценку какого-либо результата или качества (3 ФЕ: *комар носу не подточит, курам на смех, на рыбьем меху*), нормативно-правовые понятия (3 ФЕ: *волчий билет, волчий закон, на птичьих правах*), прибыль/финансовую удачу/источник дохода (3 ФЕ: *делить шкуру неубитого медведя, золотая*

рыбка, резать курицу, несущую золотые яйца), а также явления природы (2 ФЕ: *белые мухи, воробыная ночь*).

В ФЕ, обозначающих нравственные качества человека, через нереальный образ, формирование которого происходит за счет уподобления одного животного другому, лексемы *волк, крокодил* и *ворона* реализуют такие свои символичные значения, в сознании русского человека которые мыслятся как отрицательные: злоба, хитрость – *волк в овечьей шкуре*, хищность, хитрость – *крокодиловы слезы*, напыщенность, непримечательность – *ворона в павлиньих перьях*. Образность данных ФЕ основана на невозможных в жизни ситуациях, которые как раз и являются подсказкой к пониманию смысла фразеологизмов.

Во фразеологизмах также отражается и низкий уровень умственных и физических способностей человека через сопоставление с такими животными, как *свинья* и *курица*, реализующих в ФЕ образ глупых, неуклюжих, неаккуратных животных: *разбирается как свинья в апельсинах, писать как курица лапой*.

Аналогичным образом осуществляется и вербализация в ФЕ описания финансового положения (*беден как церковная мышь, гол как сокол*) и характеристики речевого акта (*врет как сивый мерин, нем как рыба*). Животные наделяются психофизиологическими возможностями человека, а также реалии его мира появляются в животном мире, благодаря чему в сознании носителей языка данные особи начинают ассоциироваться с такими понятиями, как глупость, бедность, неаккуратность, что и закрепляется через фразеологизмы в ЯКМ.

Отмечается также в ФЕ и положение человека в обществе через стереотипное представление о льве как о благородном животном, царе всех зверей (*светский лев*), о птице как о высоко парящем животном и ее способности нахохливаться (*важная птица*). Притом высокое положение в обществе у русского человека вызывают иронию в связи с бесполезностью таких людей для большей части народа и их праздным образом жизни

(*светский лев* (книж. ирон.) – пользующийся успехом и влиянием в высшем свете человек; *важная птица* (разг. экспрес. ирон.) – человек, занимающий высокое общественное или служебное положение).

Характеристика профессиональных качеств человека во фразеологизме осуществляется через представление о крысе (*канцелярская крыса*) как о неприятном, подлом и злом существе, а также через актуализацию положительной стороны образа волка как опытного и мудрого охотника (*морской волк*).

Как и в случае с ФЕ, выражающими свое значение через наименование нереального явления, в формировании которых участвует соматиз, ФЕ с компонентом-зоонимом в большинстве случаев имеют пейоративное значение (11 ФЕ): *канцелярская крыса* (разг. неодобр.) – о чиновниках канцелярских и вообще штатских, *волк в овечьей шкуре* (разг. неодобр.) – о лицемере, прячущем под маской добродетели свои злые намерения, *крокодиловы слезы* (ирон., неодобр.) – о чем-либо притворном, лицемерном, фальшивом сочувствии или сожалении, *врет как сивый мерин* (прост. неодобр.) – нагло, беззастенчиво врет и др. Также для характеристики человека в данных ФЕ нереальный образ формируется благодаря наделению животных психофизиологическими способностями, свойственными только человеку, что способствует отражению в ЯКМ стереотипа о том, что не только он может являться носителем подобных отрицательных качеств.

Среди фразеологизмов, не связанных с характеристикой человека, есть обороты, обозначающие количество. Так, через нереальное явление в основе фразеологической единицы активизируется значение «ничтожно мало, ничего, никакой пользы», например: *курячье вымя*, *свинные рожки* – курица и свинья не могут иметь данные части тела в силу своего анатомо-физиологического строения, *кот заплакал* – кот наделяется психоэмоциональной способностью человека проливать слезы, чего в реальности быть не может, *с воробьиный нос* или *воробью по колено* – в данных ФЕ воробей выступает как эталон малой величины, в целом же образ

построен по антропоморфному принципу (ср. горлышко бутылки, рукав реки и т.д.), как *от козла молока* – особь мужского пола молока давать не может также в силу своего анатомо-физиологического строения, что в сознании носителя языка активизирует значение «ничего, никакой пользы».

Аналогичным образом через нереальное явление в основе фразеологизма вербализуется значение «никогда»: *когда курица запоет петушиному, когда мерин окобылеет, когда петух яйцо снесет* – в силу анатомо-физиологического строения курица не может издавать подобные звуки, как и петух нести яйца, а мерин не может стать особью противоположного пола. В ФЕ *когда свиньи будут с поля шагом идти* и *когда рак на горе свистнет* значение «никогда» вербализуется через наделение данных животных физическими возможностями, свойственными человеку.

Результат речевого акта, характеризующийся как полый вздор, невозможный в реальности, аналогичным образом вербализуется во фразеологических единицах русского языка через нереальное явление: *бред сивой кобылы, чушь собачья* – особи животного мира наделяются человеческой способностью к речевой деятельности.

В ФЕ, обозначающей прибыль, нереальное явление также может выражать то, что не существует в реальности: *делить шкуру неубитого медведя* – преждевременно распределять прибыль от ещё не осуществлённого предприятия.

Наделяя представителей животного мира невозможными в реальности способностями или свойствами, человек закрепляет в языке оценку качества или какой-либо ситуации: *на рыбьем меху* – рыба не имеет мех, соответственно, одежда, характеризующаяся данным образом, плохая, совсем не согревающая, не предохраняющая от холода, т.е. обладает необходимым свойством; *курам на смех* – курица не может проявлять свое психоэмоциональное состояние, поэтому представление подобной ситуации, когда она действительно смогла бы это сделать, характеризует что-то крайне глупое и бессмысленное.

Таким образом, в ЯКМ с помощью зоонима во фразеологизмах формируется нереальное явление, которое также вербализует то, чего нет в том случае, если фразеологические единицы имеют значение количества (ничего), времени (никогда), оценивают качество (что-то не обладает каким-либо свойством), результат речевого акта (полый вздор, невозможный в реальности), а также мнимую прибыль (прибыль от ещё не осуществлённого предприятия).

Нормативно-правовые понятия, обозначающие незаконность каких-либо поступков, вербализуются во фразеологизмах с помощью использования в животном мире реалий мира человека, образ же животного, упоминаемого в ФЕ, определяется закодированным стереотипным представлением о нем: *волчий билет* (разг. неодобр.) – резко отрицательная характеристика, документ с отметкой о неблагонадёжности, *волчий закон* (разг., неодоб.) – грубое попираание общепринятых норм поведения, *на птичьих правах* (прост., ирон.) – без законных оснований.

ВЫВОДЫ

Названия животных являются одним из древнейших пластов лексики практически во всех языках. Человек издревле стремился охарактеризовать окружающий мир, себя самого и других представителей этноса посредством сравнения с миром животных.

В связи с большим количеством подобных лексем во всех языках встал вопрос о введении термина, отражающего специфику подобной лексики. Так, в 60-х годах XX века в лингвистику вошло понятие *зооним*, которое предполагает два подхода к определению данного термина (широкий и узкий). В широком подходе к определению термина *зооним* относят наименования животных, их клички, названия частей тела животного, слова, образованные от названий животных, предметы, имеющие отношение к животным. В узком значении данный термин включает в себя только наименования животных в прямом значении. Некоторые исследователи объединяют широкий и узкий подходы к определению термина *зооним*.

Значительную часть фразеологического фонда русского языка составляют ФЕ, содержащие в своей структуре зооним (данный термин используется нами в широком смысле). Образ определенного животного наделяется особым национальным и культурным содержанием, что и отражается в языке, а в особенности во фразеологизмах, в связи с чем можно говорить о том, что зооморфный код культуры является базовым и достаточно древним, а также отличаются национальным своеобразием.

В зооморфном коде культуры, который реализует компонент-зооним во фразеологической единице, выделяют следующие субкоды: *териологический, орнитологический, ихтиологический, инсектологический, герпетологический, амфибиологический и карцинологический коды*.

Называя наименования представителей мира животных зоонимами, мы подразумеваем под ними не только способность данного термина обозначать животных, но и вербализовать особые символы, несущие культурную и

национальную специфику (культурный код), важную для понимания языковой картины мира определенного народа, которая наиболее ярко наблюдается именно во фразеологическом фонде.

Возникновение наименования нереального явления в структуре ФЕ в большинстве случаев происходит за счет уподобления животного мира человеческому с помощью компонента-зоонима несколькими способами: животное наделяется чертами, свойственными человеку; животное наделяется психофизиологическими свойствами, присущими человеку, а также способностью к речевой деятельности; животное наделяется физическими способностями, свойственными человеку; через употребления реалий мира человека в животном мире; через сочетание соматизма и зоонима. Реже встречаются случаи, когда нереальное явление формируется в рамках только лишь животного мира с помощью компонента-зоонима следующими способами: уподобление одного животного другому; через включение в ФЕ физиологических процессов, невозможных для данной особи; через описание физиологических процессов и свойств, несуществующих в природе.

В языковой картине мира русского человека в формировании нереального явления в основе фразеологизма участвуют образы животных, которых человек издавна одомашнил и среда их обитания в большинстве случаев не выходит за границы средней полосы России. Постоянный контакт русского человека с такими животными, как курица, свинья, лошадь, медведь, волк, ворона, воробей, наблюдение за их повадками, внешним видом определенным образом отразились во фразеологических единицах. Определенные зоонимы чаще других участвуют в образовании фразеологических оборотов, так как наделены особыми культурными смыслами в сознании носителей русского языка, практически не встречаются названия животных, естественное место обитания которых выходит за границы нашей страны: *лев (1), крокодил(1), слон (1)*.

ГЛАВА IV. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАИМЕНОВАНИЕ НЕРЕАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО И ВРЕМЕННОГО КОДОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

4.1. Категории пространства и времени в русской фразеологии

Человек позиционирует себя, окружающие предметы, события относительно пространства и времени. В новейшем философском словаре пространство и время определяются как «философские категории, посредством которых обозначаются формы бытия вещей и явлений, которые отражают, с одной стороны, их со-бытие, сосуществование (в пространстве), с другой – процессы смены их друг другом (во времени), продолжительность их существования» [по Миловановой 2017, с. 125]. Таким образом, пространство и время издавна являлись основными категориями познания мира. «Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» – ту сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образы мира» [Гуревич 1969, с. 105]. «Разграничивая пространство и время, мы рискуем потерять из поля зрения временной аспект пространства» [Шамне 2009, с. 266].

Понятие *пространство* рассматривается разными науками: философией, геометрией, физикой, культурологией и, конечно, лингвистикой. Пространство и время считаются основными атрибутами материи, основной формой бытия. Следует отметить, что пространство по сравнению со временем легче воспринимается человеком, так как оно обозримо: достаточно открыть глаза, осмотреться, пройти.

«Пространство в широком смысле – это протяженность, т.е. последовательность неких единиц, измеримых количественно», но это физическое определение термина, подразумевает измерение длины, ширины

и высоты исследуемого объекта. Если же протяженность рассматривать как какое-либо градуальное свойство, то в таком случае пространством может считаться любой параметр объекта [Савицкий 2012, с. 78].

«Вне представления о времени невозможно никакое общение, выражение мыслей, согласование событий в мыслительной деятельности человека, обращение к прошлому и ожидание будущего» [Ильина 2016, с. 33]. В обыденном представлении народа время – это определенная последовательность различных временных интервалов, единых для многих народов и признанных в мировой науке: секунд, минут, часов, дней, лет, десятилетий, столетий и т.д. Время имеет несколько свойств: 1) равномерность; 2) последовательность; 3) способность измерять движения и различные изменения, которые происходят в мире и даже в нашей собственной душе. Пространство – это понятная и обозримая среда, в которой может храниться что угодно, время же вторая абстрактная среда, в которой наравне с пространством наивное сознание «помещает», хранит вещи и события. Другими словами, время мыслится «как другая сторона, другой аспект той единой среды, в которой существуют сущности, происходят события и совершаются изменения» [Ильина 2016, с. 33]. Также в связи с тем, что время представляет собой абстрактную категорию, оно более сложно для изучения, поэтому зачастую постигается через пространство.

В связи с тем, что человек, исследуя окружающий мир, отражает свои наблюдения в языке, то можно говорить и о языковой модели времени, в которой заключаются результаты постижения времени человеком. Подобная модель может быть представлена совокупностью следующих языковых категорий [Маслова 2008, с. 79]:

- 1) формами глагольного времени;
- 2) в значениях слов с темпоральной окраской;
- 3) прилагательными и наречиями с темпоральным значением.

Все вышеперечисленные категории могут встречаться в составе пословиц, поговорок и фразеологизмов, которые, как мы знаем, наиболее

ярко отражают национально-культурную специфику восприятия, например, такой категории, как время, ведь каждая культура имеет свой особенный язык времени.

Так, в языке могут вербализоваться культурные коды, важные для понимания картины мира того или иного народа, а именно *пространственный и временной культурные коды*.

Пространственный код связывают с членением пространства.

В.В. Красных предлагает следующую пространственную структуризацию мира [Красных 2001, с. 7-8]:

1) внутренний мир человека, то, что ограничивается телесными границами;

2) личная зона – фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, который является «собственностью» человека, входит в его личное пространство;

3) фрагмент внешнего мира, который выходит за границы личной зоны, но мыслимый как близкий, родной мир, который исторически связан с родной землей;

4) фрагмент внешнего мира, который мыслится как чужой, враждебный, который тесно связанный с миром мертвых. Чуждый мир обычно находится далеко (*за три девять земель, в тридевяти царстве, в тридесятом государстве, у черта на рогах*).

Все вышеперечисленное образует в сознании русского человека два вида организации пространства:

1) по горизонтальной оси, где мир чужих находится «за лесами, за долами, за высокими горами», что формирует базовую оппозицию «родная земля и чужая сторона» (*у черта на куличках, вернуться в родные пенаты*);

2) по вертикальной оси, что также формирует базовую пространственную модель «верх и низ» (*витать в эмпиреях, на седьмом небе от счастья*).

Как уже было сказано, пространство и время тесно связаны в сознании человека, именно поэтому пространственный код неразрывно связан с кодом временным, так как осмысление временных пространств предшествовало осознанию категории времени.

Временной код культуры:

1) фиксирует членение временной оси (год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда, миг, мгновение, век, вечность);

2) отражает движение человека по временной оси (в русском сознании это движение осуществляется лицом вперед);

4) кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире;

5) проявляется в отношении человека ко времени [Красных 2001, с. 10].

«Временной код культуры – это совокупность представлений, связанных с членением временной оси на отрезки и с отношением человека ко времени» [БФСРЯ 2006, с. 383].

Как уже не раз было сказано, опыт познания народа передается через фразеологизмы, в которых национально-культурная специфика проявляется в нескольких вариантах: в совокупном фразеологическом значении, в значении отдельных компонентов, а также в прямом значении свободного словосочетания, которое было образно переосмыслено [Ермакова, Гречина 2015, с. 97].

Так, пространственная картина мира может реализоваться посредством различных пространственных метафор, языкового материала, передающего идею количества и размера как пространственных характеристик [Титова 2010, с. 46].

«Пространство, являясь важнейшей онтологической категорией, не может не иметь многоуровневой языковой вербализации. В русском языке оно находит свое отражение в категории локативности (пространственности), получающей формальную репрезентацию на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях» [Карпенко 2013, с. 68]. Так, пространство, которое человек познает и

переосмысливает, получает свое отражение во фразеологическом фонде языка в связи с тем, что ФКМ считается наилучшим источником для исследования национальной языковой модели мировидения. Во фразеологических единицах русского языка заключены особые формы отношения человека к пространству, ведь у разных культур своя специфика восприятия данной категории.

Часто именно отдельный компонент фразеологической единицы способен выразить субъективный, национальный и эмоционально-оценочный взгляд на окружающий мир, сделать образ, родившийся в сознании носителя языка, ярким, значимым с точки зрения культуры. Фразеологизмы с пространственным компонентом вербализуют целый комплекс наивных представлений носителей языка о данном понятии. Так, например, анализ русских фразеологических единиц, выражающих свое значение через наименование нереального явления при помощи пространственного компонента, вербализующего пространственный код культуры, поможет выявить особенности картины мира русского человека.

Также и фразеологизмы с временным компонентом, заключающим временной код, наравне с фразеологизмами, содержащими пространственный компонент, являются ярким примером вербализации русской языковой картины мира. Время, являясь одной из ключевых категорий познания мира, позволяет говорить об особом восприятии времени, о национальном временном менталитете, о временной картине мира во фразеологизмах, выражающих свое значение через наименование нереального явления.

4.2. Специфика формирования нереального явления во фразеологизмах с пространственным и временным ключевыми компонентами

Определение способов формирования нереального явления в ФЕ, содержащих в структуре пространственный и временной компоненты (30 ФЕ), их роль в данном процессе позволили классифицировать не только

способы образования нереального образа, но и способы выражения пространства и времени с точки зрения структурно-компонентной организации данных ФЕ и национально-культурной специфики.

После применения метода сплошной выборки с помощью метода классификации и аналогии выделенные ФЕ были расформированы по группам, основным критерием для выделения которых стало наличие одного из вышеуказанных компонентов.

Так, в группу с пространственным компонентом (16 ФЕ) вошли фразеологизмы *за тридевять земель, в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве, на седьмом небе, на краю света, витать в эмпиреях, на кудыкину гору, золотые горы, у черта на куличках, у черта на рогах, рай земной, к чертовой бабушке, сонное царство, остров невезения, небу жарко, как гром среди ясного неба, с луны свалиться*. При анализе фразеологизмов рассматривалось определение термина *пространство*, указанное в словаре Д. Н. Ушакова, – «поверхность, земельная площадь» [Ушаков 2014, с. 553].

Внутри данной группы можно выделить фразеологизмы, компонентный состав и значение которых практически идентично. Так в ФЕ *за тридевять земель и в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве* формирование нереального явления происходит с помощью сочетания числительного тридевять и тридесять с существительным, обозначающим какое-либо пространство, часть территории (земля, царство, государство). Число *тридевять* представлено в славянской системе мер пространства и времени, относится к девятнадцатичной системе и означает число двадцать семь [Бирих 2005, с. 210]. Компоненты *земля, царство, государство* во фразеологическом обороте соотносятся с цепочкой *планета – место обитания – пространство*. Таким образом, категория пространства реализуется во всех компонентах данной фразеологической единицы. Данные фразеологизмы имеют фольклорное происхождение: выражение очень часто встречается в русских народных сказках. Но сегодня употребление данного фразеологизма не ограничивается фольклорными текстами: его можно

встретить в письменной и устной речи для обозначения места, которое находится очень далеко или неведомо где.

Следующую подгруппу ФЕ *у черта на куличках, у черта на рогах, к чертовой бабушке* объединяет компонент *черт*. Слово *черт* связывается с древнерусской буквицей, где, как известно, каждая буква имела значение. Так, буква «Ч» (червь) толковалась как черта, несла в себе образ разграничения определенных порядков (червленный, черта, чертовщина, т.е. то, что находится за чертой восприятия, грань между явью и неявию) [по Миловановой 2017, с. 126]. Н.М. Шанский же и Т.А. Боброва считают основным толкованием данного слова «тот, кто роет, живет в земле», «подземный дух» от древнерусского *чьрсти* «чертить, вскапывать» (ср. *черт*<*чьрть*<*кьртъ производное от той же основы, что *чьрсти*<*чьртти* (*tt*>*cm*). Значение слова как «запретной черты, грани между мирами» считают вторичной [Шанский, Боброва 2002, с. 363].

В настоящее время слово *черт* в составе фразеологических единиц *у черта на куличках, у черта на рогах, к чертовой бабушке* воспринимается именно со значением «нечистая сила, подземный дух, тот, кто за гранью». Формирование нереального явления в данных ФЕ происходит с помощью сочетания:

- 1) падежных форм существительных *у черта* и *на куличках, на рогах*;
- 2) притяжательного прилагательного *чертовой* и существительного *бабушка*.

Нереальность образа в данных ФЕ достигается несколькими способами. Так, компонент *кулички* происходит от широко употребляемого на Севере России диалектного слова *кулижки*. Кулижками (кулигами) назывались места, выжженные или вырубленные для возделывания земли, которые находились далеко от сел, деревень. Также кулижками называли болотистые островки, считалось, что там обитает нечистая сила, олицетворением которой является образ черта [БФСРЯ 2006, с. 287]. В обоих случаях лексема *кулички* имеет значение «очень далеко, неведомо где, за

гранью». Таким образом, категория пространства реализуется во всех компонентах данной фразеологической единицы через нереальные явления: *черт* – под землей, за гранью, потусторонняя сила, злой дух; *кулички* – территория обитания нечистой силы, расположенная очень далеко. Данная местность представляется как несуществующая, находящаяся за пределами нашего мира. В ФЕ «у черта на рогах» нереальность образа достигается за счет представления части тела черта как некой территории, пространства, где могут располагаться какие-либо объекты, а в ФЕ *к чертовой бабушке* за счет применения родственных отношений, присущих людям, у потусторонней злой силы.

В ФЕ *витать в эмпиреях, на седьмом небе, рай земной, как гром среди ясного неба* формирование нереального явления происходит с помощью:

1) сочетания существительного, обозначающего воздушное пространство (*небо, эмпиреи*), и глагола, обозначающего пребывание где-либо (*витать*), а также числительного, способствующего упорядочению пространства (*на седьмом*);

2) сочетания существительного, обозначающего пространство, связанное с религиозным представлением о жизни после смерти (*рай*), и прилагательного, обозначающего принадлежность земному пространству (*земной*).

Данные ФЕ основываются на пространственной форме осознания мира, которая реализуется через сопоставление «верха» и «низа» в устройстве бытия, а также связанной с религиозным кодом. «Верх» – это эмпиреи, нематериальный мир, самая высокая часть неба, рай, а «низ» – это земля, материальный мир, осязаемый. В. В. Виноградов писал, что значение слова «витать» определяется как «парить где-то» [Виноградов 1999, с. 95]. Таким образом, компонент *витать* усиливает пространственное значение фразеологической единицы *витать в эмпиреях* – жить грезами, находится в другом мире, оторванным от действительности, мире, который не существует, мыслится ирреальным. Нереальный образ в ФЕ *на седьмом небе*

достигается за счет упрощенного представления об устройстве небесного свода и космоса, в ФЕ *рай земной* – за счет невозможности сосуществования реального пространства и пространства внеземного, а в ФЕ *как гром среди ясного неба* – через невозможность протекания одного природного явления (как гром) на фоне другого (среди ясного неба).

В ФЕ *на кудыкину гору* нереальное явление формируется с помощью сочетания притяжательного прилагательного *кудыкину* и оронима *гора*. Нереальность образа в данной ФЕ формируется за счет употребления несуществующего названия горы, что связано с происхождением лексемы *кудыкина*. Кудыками (от нар. *куды* – куда) ранее называли людей, которые спрашивали охотников о направлении их пути, что делать воспрещалось. Таким образом, пространство в данной ФЕ отражается через компонент *на кудыкину*.

Фразеологизм *на край света* связан с пространственным освоением мира людьми в древности, когда человечество не имело четких представлений о строении планеты, ее форме, устройстве вселенной в целом. Оба компонента фразеологической единицы имеют пространственное значение: край – граница пространства, часть территории, определенная область (край дороги, родной край), свет – мир, вселенная, страны света (путешествие вокруг света) [БФСРЯ 2006, с. 407]. Значение нереальности прослеживается лишь в сочетании данных слов, так как *край света* – это граница вселенной, ее конец, существование которого наукой не доказано. Денотативное значение компонентов словосочетания *край света* подразумевает границу Земли, так как ранее люди представляли планету в виде тела необычной формы, которое имеет границы (считалось, что можно пересечь Землю от одного края до противоположного). Безусловно, в реальности такого объекта как край света (вселенной) не существует, как и края планеты Земля из-за ее шарообразной формы. В сознании носителей языка на данный момент край света мыслится как нереальный,

несуществующий, а сам фразеологизм употребляется для обозначения недостижимого, очень далекого пространства.

Числовые данные, отражающие количество употреблений того или иного пространственного компонента, участвующего в формировании нереального явления в ФЕ, а также их процентное соотношение к общему числу ФЕ в рамках данной группы и всего исследования представлены в Таблице 5.

Таблица 5 – Соотношение пространственных компонентов к общему числу ФЕ в рамках данной группы и всей работы

Название доминирующего компонента	Количество	Процентное соотношение (%)	
		К числу ФЕ в группе (16=100%)	К общему числу ФЕ (222=100%)
Небо/эмпирии	4	25 %	1,8 %
Земля/свет	3	18,75 %	1,4 %
Черт	2	12,5 %	0,9 %
Царство/государство	2	12,5 %	0,9 %
Гора	2	12,5 %	0,9 %
Кулички	1	6,25 %	0,45 %
Остров	1	6,25 %	0,45 %
Луна	1	6,25 %	0,45 %
Общее количество ФЕ:	16/222	100 %	7,2 %
	30/222		13,3 %

Таким образом, в большинстве случаев нереальное явление во фразеологизмах может репрезентироваться с помощью пространственного компонента, заключающего пространственный код культуры, несколькими способами:

1) за счет указания на большое расстояние или невозможность существования места, в связи с чем семантика данных ФЕ сопровождается мотивом загробного царства, потустороннего мира, нереального места (*за тридевять земель, в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве, у черта на куличках, у черта на рогах*);

2) за счет применения модели родственных отношений, присущих людям, к потусторонней злой силы (*к чертовой бабушке*);

3) за счет вербализации упрощенного представления об устройстве вселенной, что, безусловно, также является репрезентацией вертикальной пространственной оси (*на седьмом небе, на край света, с луны свалиться*);

4) за счет невозможности сосуществования обозначаемого пространства в пределах земного (*рай земной*);

5) за счет употребления несуществующего оронима (связано с происхождением лексемы в ФЕ *на кудыкину гору*).

Данные результаты были обсуждались и были опубликованы в одной из наших работ [Милованова 2017, с. 125-126]. Пространство в вышеуказанных ФЕ репрезентируется как нереальное, т.е. во фразеологизме представлено определенное место, территория, которая не существует. Такое пространство находится ту сторону человеческого восприятия, за гранью материального мира и имеет мифологическое (религиозное) происхождение (ср. с организацией пространства по горизонтальной оси, где реализуется базовое понятие «свой-чужой»), что влияет на значение оборотов. Так большинство ФЕ с пространственным компонентом не только содержат в структуре нереальное явление, но и их значение также представляет нереальное явление, в отличие от многих ФЕ, содержащих соматизмы или зоонимы.

В группу ФЕ с временным компонентом в нашем исследовании вошли следующие обороты (14 ФЕ): *когда черт крестится, когда лысые перекудрявеют, когда плешак покудрявеет, когда сорока побелеет, когда мерин окобылеет, когда курица запоет по-петушиному, когда рак на горе*

свиснет, на турецкую Пасху, на русский байрам, на тот год, когда черт умрет, после дождичка в четверг, искать вчерашний день, до морковкина заговенья, после русалкиного заговенья. При анализе ФЕ рассматривалось значение понятия *время*, которое в словаре С.И. Ожегова понимается как «определённый момент, в который происходит что-нибудь» [Ожегов 1999, с. 103].

В пределах данной группы можно выделить ФЕ, нереальное явление в которых формируется по одинаковой схеме. К подобным ФЕ можно отнести обороты *когда сорока побелеет, когда свиньи будут с поля шагом идти, когда мерин окобылеет, когда петух яйцо снесет, когда курица запоет по-петушиному, когда рак на горе свистнет* и др. Основным компонентом, указывающим на темпоральное значение данных фразеологизмов, является компонент *когда*. Формирование нереального явления в структуре ФЕ происходит по определенной схеме: временной компонент *когда* + зооним + глагол (структура ФЕ может незначительно варьироваться: гл. + сущ. или гл.+ нар.). Данные ФЕ помимо временного компонента содержат зооним, участвующий в формировании нереального явления, которые подробно были разобраны в параграфе 3.2. Таким образом, интересным для изучения становится способ отражения времени в данных оборотах. Именно сочетание зоонима с глаголом, обозначающим действие, несвойственное определенному животному, до конца раскрывает смысл всего фразеологизма и указывает на невозможность наступления определенного временного отрезка, время в них мыслится как момент, который никогда не наступит по определенным причинам. Под причинами могут подразумеваться, например, физиологические процессы, заключающие зооморфный код, как показано выше, а также, культурные или религиозные традиции. Важно отметить, что у вышеперечисленных фразеологических единиц данной группы одинаковое значение «никогда». Таким образом, нереальное явление в структуре ФЕ выражает и значение нереальности у этих фразеологизмов (*когда петух яйцо снесет* – никогда, т.е. это не произойдет, это нереально).

Примером репрезентации нереального явления с помощью временного компонента, который в сочетании с определенными лексемами обозначает момент, который никогда не наступит по причине каких-либо религиозных или культурных традиций, могут служить фразеологизмы *на турецкую Пасху, на русский байрам, до морковкина заговенья, после русалкиного/пушкинского/калмыцкого заговенья, когда черт перекрестится, на тот год, когда черт умрет, после дождичка в четверг* и др.

Нереальное явление во фразеологизмах *на турецкую Пасху* и *на русский байрам* формируется с помощью сочетания прилагательного, обозначающего принадлежность к определенной национальности, и существительного, обозначающего религиозный праздник. Нереальность образа, лежащего в основе данных ФЕ, основана на логической невозможности мусульманского религиозного праздника у христиан (*на русский байрам*), и наоборот (*на турецкую Пасху*). Таким образом, данные фразеологические единицы являются оксюморонными сочетаниями, нереальное значение которых выражается в объединение противоречащих друг другу понятий (религиозных праздников у представителей разных вероисповеданий). К подобным фразеологизмам можно также отнести выражения *до морковкина заговенья* и *после русалкиного заговенья*, которые строятся аналогичным образом на сочетании противоречащих понятий через религиозный код культуры.

Фразеологизм *когда черт перекрестится*, как и предыдущий пример, образован на сочетании противоречащих друг другу понятий. Таким образом, нереальность данного явления и невозможность его наступления в каком-либо временном отрезке реализуется через такие компоненты фразеологической единицы, как *черт* – нечистая сила, злой дух, и *креститься/перекреститься* – принимать христианскую веру, делать правой рукой знак креста, т.е. осенять себя крестным знаменем, защищаясь тем самым от зла, нечистой силы [Ушаков 2014, с. 254].

Во фразеологизме *после дождичка в четверг* формирование нереального явления происходит с помощью временного и природного компонентов. Временное значение фразеологизма репрезентируется с помощью лексем *после* и *четверг*, далее через природный код указывается условие (после дождичка), которое в сознании носителей языка мыслится как нереальное, т.е. которое никогда не наступит в данный момент времени. М. В. Мокиенко связывает невозможность осуществления данного условия с распространением христианства и разрушением языческих представлений славян: их отказом от молений богу Перуну в день его почитания – четверг – в связи с бесполезностью подобных молитв [Мокиенко 2007, с. 48].

Числовые данные, отображающие количество употреблений того или иного временного компонента, участвующего в формировании нереального явления в ФЕ, а также их процентное соотношение к числу ФЕ как в рамках данной группы, так и их общего количества представлены в Таблице 6.

Таблица 6 – Соотношение временных компонентов к общему числу в рамках данной группы и всей работы

Название доминирующего компонента	Количество	Процентное соотношение (%)	
		К числу ФЕ в группе (14=100%)	К общему числу ФЕ (222=100%)
Когда	7	50 %	3,1 %
После	3	21,4 %	1,3 %
На + событие во времени	2	14,4 %	0,9 %
День	1	7,1 %	0,4 %
До + событие во времени	1	7,1 %	0,4 %
Общее количество:	14/222	100%	6,1 %
	30/222		13,3 %

Результаты данного исследования обсуждались в одной из наших работ [Милованова 2017, с. 126-128]. Как показал анализ, в большинстве случаев нереальное явление во фразеологизмах может репрезентироваться с помощью временного компонента, заключающего временной код культуры, несколькими способами:

1) через физиологические и психофизиологические процессы, заключающие зооморфный код (*когда петух яйцо снесет, когда курица запоем по-петушиному, когда рак на горе свистнет*);

2) с помощью сочетания религиозных понятий, заключающих духовный код культуры и противоречащих друг другу (*когда черт перекрестится, на турецкую Пасху, на русский байрам*);

3) с помощью сочетания временного и природного компонентов, заключающих природный и временной коды, которые создают ситуацию, мыслящуюся в сознании носителей языка как нереальная (*после дождичка в четверг, как гром среди ясного неба*).

Таким образом, временной код культуры функционирует во фразеологическом фонде русского языка с помощью компонентов-темпорономенов, участвующих в формировании наименования нереального явления.

Проведенное исследование дает возможность утверждать, что пространственный и временной коды тесно переплетаются в единой системе кодирования культуры и трансформируются во фразеосистеме языка. Также данное исследование позволило выделить определенную типологию способов образования несуществующих в реальности явлений, вербализующих пространственный и временной коды через значение фразеологизмов и через соответствующие компоненты в ФЕ, что, в свою очередь, раскрывает не только структурно-компонентную, но и национально-культурную специфику последних.

4.3. Отражение картины мира русского человека во фразеологических единицах с пространственным и временным компонентами

Пространство и время с давних пор являются основными категориями познания действительности, ее измерения. Эти два понятия изучаются многими науками. Множество работ посвящено исследованию отражения данных явлений в языке, в его единицах. Представления о времени и пространстве в научной картине мира и наивно-языковой, несомненно, отличаются: ЯКМ заключает в своих единицах видение пространства и времени человеком с позиции его житейского опыта, культурных знаний, физических ощущений. Именно во фразеологии как нельзя лучше отражено житейское, повседневное понимание таких сложных категорий.

Исследование русских фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, в формировании которого участвуют пространственный и временной компоненты, способствует изучению отражения картины мира и таких его категорий, как пространство и время в языке.

В ЯКМ русского человека, в таких ее единицах, как фразеологизмы пространственный и временной компоненты могут участвовать в формировании нереального явления, через которое в языке вербализуется значение оборота, как связанное с репрезентацией временного и пространственного значения (*на краю света, когда лысые перекудрявеют*), так и нет (*с луны свалиться, искать вчерашний день*).

Также во фразеологизмах, выражающих свое значение через нереальное явление, указание на пространственное или временное значение может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно. В структуре ФЕ могут быть компоненты, обозначающие пространство как какой-либо участок, территорию (*за тридевять земель, небу жарко, остров невезения*), а могут и подразумеваться благодаря наличию предлога в структуре ФЕ (*у черта на рогах, к чертовой бабушке*). Время в ФЕ также может

репрезентироваться через компонент прямо (*после дождичка в четверг, когда сорока побелеет*) или косвенно через сочетание предлога и понятия, так или иначе заключающего временной отрезок (*на турецкую Пасху, до морковкина заговенья*). Рассмотрим подробнее данные ФЕ.

Так, в группу с пространственным компонентом вошли фразеологизмы (16 ФЕ), обозначающие очень далекое пространство (*за тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, на краю света, у черта на куличках, у черта на рогах*), счастье (*на седьмом небе, рай земной*), отвлечение от реальности (*витать в эмпиреях, с луны свалиться*), богатство (*золотые горы*), состояние покоя (*сонное царство*), интенсивность действий (*небу жарко*), пространство, наполненное неудачей (*остров невезения*), пейоративные выражения (*к чертовой бабушке, на кудыкину гору*).

Фразеологические единицы через нереальное явление в большинстве случаев обозначают какое-либо пространство, которое находится настолько далеко, что мыслится как несуществующее, на что влияет компонентный состав (*у черта на куличках, на краю света*) или их происхождение (*в тридевятом царстве, в тридесятом государстве* – ФЕ имеет фольклорное происхождение).

Нереальность образа в ФЕ данной подгруппы достигается за счет того, что их значения, выводимые из сочетания компонентов, перекликаются с мотивом загробного царства, потустороннего мира (*за тридевять земель, у черта на куличках, у черта на рогах* и др.), вследствие чего под вопросом оказывается существование данного места, а в сознании носителей языка оно репрезентируется как нереальный объект. Так, в русской языковой картине мира нереальное или далекое пространство, которое человек не освоил, не посещал или не видел его, в языке вербализуется во фразеологизмах через нереальное явление.

Также в ФЕ нереальное явление, формирование которого происходит с помощью пространственного компонента, может обозначать состояние счастья: *рай земной, на седьмом небе*. Во фразеологизме *рай земной*

состоянии счастья наступает от пребывания в определенном пространстве, характеризующемся небывалой красотой или изобилием, в ФЕ же *на седьмом небе* состояние счастья приводит испытывающий его субъект в сакральное пространство, характеризующееся красотой, неземной легкостью, которое также отождествляется с райской жизнью после смерти. Тем не менее, в основе обоих фразеологических оборотов представление о счастье, ощущение его человеком связано с религиозными верованиями о небесной жизни, о рае, как месте наивысшего счастья, покоя, изобилия. Таким образом, в ЯКМ русского человека нереальное явление позволяет выразить ощущение счастья с помощью пребывания в пространстве, связанном с христианским представлением о нем как о месте наивысшего счастья.

Также во фразеологизмах нереальное явление, формирование которого происходит с помощью пространственного компонента, может обозначать то или иное отвлечение от реальности: *витать в эмпиреях, с луны свалиться*. Эмпиреи – область блаженства, неземного существования (в противоположность действительности), луна – единственный естественный спутник Земли и ближайшее к нам небесное тело; астрономический знак – оба понятия связаны с внеземным существованием, что влияет на значение оборотов: *витать в эмпиреях* (книжн. неодобр.) – предаваться бесплодным фантазиям, мечтать, жить в отрыве от реальности, *с луны свалиться* говорят, когда кто-либо не знает общеизвестного; не придерживается общих правил. Так, для ЯКМ русского человека характерно через нереальное явление, которое формируют компоненты, обозначающие внеземной объект (эмпиреи, луна), передавать характеристику человека, который живет не так, как все, не связан с реальностью, что вызывает неодобрение у носителей языка (ФЕ имеют стилистическую помету «с неодобрением»).

Пространственный компонент или пространственное значение может выражаться через нереальное явление и имплицитно, например, в пейоративных ФЕ: *к чертовой бабушке, на кудыкину гору*. В ФЕ *к чертовой бабушке* через представление родственных отношений у нечистой силы

осуществляется вербализация значения «долой, прочь», т.е. субъект направляют в определенное место, которое находится далеко, за гранью, где обитает зло. В ФЕ *на кудыкуну гору*, чтобы выразить ответ на нежелательный вопрос «куда?», используется название несуществующего оронима.

Также через нереальное явление в ФЕ, в формировании которого участвует пространственный компонент, может осуществляться вербализация внезапной ситуации (*как гром среди ясного неба*), пространства, наполненного неудачей (*остров невезения*), состояния покоя (*сонное царство*). В ФЕ *как гром среди ясного неба* пространство служит неким фоном, на котором разворачивается ситуация, в ФЕ *сонное царство*, как и в ФЕ *остров невезения*, нереальное пространство возникает как результат метонимических отношений между людьми и местом их пребывания. Таким образом, в ЯКМ русского человека через нереальное явление в основе фразеологизмов пространство вербализуется как далекое или несуществующее место, также пространство имеет границы или вертикальные уровни: верх – небо, рай, эмпиреи (*на седьмом небе, витать в эмпиреях*), середина – земля (*остров невезения, сонное царство, на краю света*), где пространство простирается по горизонтали, а также низ – территория за гранью реальности (*за тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве*), территория обитания потусторонних злых сил (*у черта на куличках, к чертовой бабушке*).

В группу с временным компонентом (14 ФЕ) вошли фразеологизмы, имеющие значение «никогда» (13 ФЕ): *когда черт крестится, на тот год, когда черт умрет, на турецкую Пасху, на русский байрам, после дождичка в четверг, после русалкиного заговенья, когда лысые перекудрявеют, до морковкина заговенья, когда рак на горе свистнет и др.*), а также ФЕ характеризующая бесполезное действие (1 ФЕ) (*искать вчерашний день*).

В ЯКМ русского человека нереальное явление всегда вербализует нереальное время, т.е. время мыслится как момент, который никогда не

наступит, для чего человек, чтобы отразить такое видение мира в языке, строил образы, основанные на невозможной в реальной жизни ситуации.

Так, среди ФЕ со значением «никогда» можно выделить обороты, в основу которых легли нереальные религиозные образы (*когда черт крестится, на тот год, когда черт умрет, на турецкую, на русский байрам*), мифологические (*после дождичка в четверг, после русалкиного заговенья*), зооморфные (*когда рак на горе свистнет, когда сорока побелеет, когда мерин окобылеет, когда курица запоеет по-петушиному, когда петух яйцо снесет*) и антропоцентрические (*когда лысые перекудряеют*).

Все фразеологизмы данной группы эмоционально окрашены и употребляются в шутовом тоне или с иронией, например: *когда черт крестится, на тот год, когда черт умрет, на турецкую Пасху, после дождичка в четверг, когда лысые перекудряеют* (разг. шутол.) – никогда, *когда рак на горе свистнет, когда сорока побелеет, когда мерин окобылеет, когда петух яйцо снесет* (прост. экспрес. шутол.) – неизвестно когда; в неопределённом будущем, никогда, *искать вчерашний день* (разг. ирон.) – заниматься заведомо бесплодной деятельностью, пытаюсь вернуть, найти то, что безвозвратно минуло, чего уже нет. Данные фразеологические обороты служат неким условием для исполнения определенных действий, которые субъект не собирается совершать, для чего в языке и создается воспроизводимая в готовом виде единица как универсальный ответ, причем абсурдность и нереальность ситуации, отраженной в данной единице, осознается всеми участниками коммуникативного акта, что и повлияло на эмоциональную окраску указанных фразеологизмов.

Таким образом, в ЯКМ нереальное или далекое пространство, которое человек не освоил, характеристика человека, который живет не так, как все, не связан с реальностью, в языке вербализуются во фразеологизмах через нереальное явление, в формировании которого участвует пространственный компонент.

В ЯКМ русского человека нереальное время, т.е. время как момент, который никогда не наступит, всегда вербализуется в ФЕ через наименование нереального явления: человек, чтобы отразить такое видение мира в языке, строил образы, основанные на невозможной в реальной жизни ситуации.

ВЫВОДЫ

Пространство и время, взаимосвязанные между собой, с древних времен являются основными категориями познания мира. Пространство по сравнению со временем легче воспринимается человеком, так как оно обозримо и представляет собой протяженность определенных единиц, которые можно количественно измерить. Также протяженность можно рассматривать как градуальное свойство, в таком случае пространством может считаться любой параметр объекта. Время же в представлении человека является определенной последовательностью различных временных интервалов (секунд, минут, часов, дней, лет, десятилетий, столетий и т.д.). Пространство – это понятная и обозримая среда, в которой может храниться что угодно, время же вторая абстрактная среда, в которой наравне с пространством наивное сознание «помещает», хранит вещи и события.

Постижение времени отражается в языке при помощи форм глагольного времени, значений слов с темпоральной окраской, прилагательных и наречий с темпоральным значением. Вышеперечисленные категории встречаются в составе фразеологизмов, которые наиболее ярко отражают национально-культурную специфику восприятия окружающего мира. Подобные компоненты фразеологизмов вербализуют культурные коды, важные для понимания картины мира того или иного народа, а именно *пространственный и временной культурные коды. Пространственный код* связывают с членением пространства (например, на внутренний мир человека, личную зону, на фрагменты внешнего мира, которые связаны с родной землей, на фрагменты внешнего мира, которые мыслятся как чужой, враждебный мир).

Временной код культуры фиксирует членение временной оси (год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда, миг, мгновение, век, вечность), отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в мире и проявляется в отношении человека ко времени.

Определение способов формирования нереального явления в ФЕ, содержащих в структуре пространственный и временной компоненты, их роль в данном процессе позволили классифицировать не только способы образования нереального образа, но и способы выражения пространства и времени с точки зрения структурно-компонентной организации данных ФЕ и национально-культурной специфики.

Анализ показал, что в большинстве случаев нереальное явление во фразеологизмах репрезентируется с помощью пространственного компонента несколькими способами: указания на большое расстояние или нереальность места, в связи с чем семантика данных ФЕ сопровождается мотивом загробного царства, потустороннего мира, нереального места; за счет применения модели родственных отношений, присущей людям, у потусторонней злой силы; за счет упрощенного представления об устройстве небесного свода и вселенной, что, безусловно, также является репрезентацией вертикальной пространственной оси; за счет невозможности сосуществования реального пространства и пространства внеземного; за счет употребления несуществующего оронима.

Основным компонентом, указывающим на темпоральное значение данных фразеологизмов, является компонент *когда*. Именно сочетание зоонима с глаголом, обозначающим действие, несвойственное определенному животному, до конца раскрывает смысл всего фразеологизма и указывает на невозможность наступления определенного временного отрезка. У вышеперечисленных фразеологических единиц данной группы одинаковое значение – «никогда». Таким образом, нереальное явление в структуре ФЕ выражает и значение нереальности у этих фразеологизмов.

Чаще всего во фразеологизмах, выражающих свое значение через наименование нереального явления, встречаются следующие компоненты, заключающие временной код культуры: *когда* (7), *после* (3), *на + событие во времени* (2), *день* (1), *до + событие во времени* (1).

Как показал анализ, в большинстве случаев нереальное явление во фразеологизмах может репрезентироваться с помощью временного компонента, заключающего временной код культуры, несколькими способами: через физиологические и психофизиологические процессы, заключающие зооморфный код; с помощью сочетания религиозных понятий, заключающих духовный код культуры и противоречащих друг другу; с помощью сочетания временного и природного компонентов, заключающих природный и временной коды, которые создают ситуацию, мыслящуюся в сознании носителей языка как нереальная.

Исследование русских фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, в формировании которого участвуют пространственный и временной компоненты, способствует изучению отражения картины мира и таких его категорий, как пространство и время в языке.

В ЯКМ нереальное или далекое пространство, которое человек не освоил, характеристика человека, который живет не так, как все, а также нереальное время, т.е. момент, который никогда не наступит, вербализуются во фразеологизмах через наименование нереального явления, в формировании которого участвует пространственный компонент.

ГЛАВА V. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ НАИМЕНОВАНИЯ НЕРЕАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ, С ДОМИНИРУЮЩИМ КОМПОНЕНТОМ С НИЗКОЙ ФРАЗЕООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТЬЮ

В предыдущих параграфах были рассмотрены наиболее часто встречающиеся и фразеологически активные компоненты фразеологических единиц, выражающих свое значение через нереальное явление. К ним, как показал анализ, относятся соматический, пространственный, временной компоненты, а также компонент-зооним.

Тем не менее, в рамках данного исследования встретились и такие фразеологические обороты, в которых доминирующий компонент, являющийся основным при формировании нереального явления в ФЕ, встречается лишь в нескольких оборотах. Несомненно, изучение и малочисленных групп – важный аспект для данной работы, так как не только наиболее активные компоненты, участвующие в создании образа нереальности, могут быть свидетельством опыта народа в познании окружающего мира, но и единичные лексемы в структуре подобных ФЕ, что обсуждалось в наших исследованиях [Милованова 2018, с. 28-33]

При помощи метода аналогии и классификации ФЕ были распределены по группам на основании доминирующего лексического компонента, среди которых оказались: артефактно-вещный компонент (названия посуды – 5), костюмный компонент (названия одежды – 5), гастрономический компонент (8), религиозный компонент (7), архитектурный компонент (4), мифоним/сказочный компонент (3), компонент, обозначающий печатную/письменную продукцию (3), числовой компонент (3), компонент, обозначающий результат речевой деятельности (2), другие компоненты, которые встречаются в ФЕ не более 1 раза (таких ФЕ 17).

5.1. Фразеологизмы-репрезентанты артефактно-вещного и костюмного кодов

В группу с компонентом, обозначающем предметы утвари и одежды в структуре фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, вошли такие ФЕ, как *без ножа зарезать, буря в стакане воды, в ложке воды утопить, чудеса в решете, переполнить чашу терпения, родиться в сорочке, рубаха-парень, черт в юбке, от жилетки рукава, карманная чахотка*. Так, нереальное явление в ФЕ с компонентами, обозначающими посуду, формируется через представление определенной ситуации:

1) когда функция предмета утвари реализуется без его использования, либо предмет выполняет несвойственную для него функцию (*без ножа зарезать*);

2) когда размер предмета не позволяет совершить определенное действие, описанное в ФЕ, в реальности (*в ложке воды утопить, буря в стакане воды*);

3) когда предмет содержит не вещество, а абстрактное понятие, представленное как жидкость (*переполнить чашу терпения, чудеса в решете*).

Во фразеологизмах с компонентом, обозначающим предмет/часть одежды, нереальное явление формируется:

1) через характеристику человека с помощью названия одежды, который не обладает качествами, свойственным людям, на основании чего могло бы происходить их сравнение (*рубаха-парень*);

2) через неправильное представление физиологических процессов (*родиться в сорочке*);

3) когда предмет одежды человека принадлежит существу, которое в сознании человека мыслится как потустороннее, не из мира людей (*черт в юбке*);

4) когда определенный предмет одежды имеет часть от другого, что может полностью изменить его функции и даже название (*от жилетки рукава*; ср. если жилетка имеет рукава, то она является курткой);

5) когда часть предмета одежды отождествляется с живым существом, потому может быть подвержена болезни (*карманная чахотка*).

5.2. Фразеологизмы-репрезентанты гастрономического кода

В группе ФЕ, в структуре которых в формировании нереального явления участвует пищевой компонент, насчитывается 8 ФЕ, к которым относятся обороты *профессор кислых щей, сливки общества, затянуть аллилуйю с маслом, амбар жиру, казенка мяса, горе луковое, молочные реки и кисельные берега, ерунда на постном масле, чепуха на постном масле*. Нереальное явление может быть создано при помощи пищевого компонента:

1) через представление пищевого продукта как направления в науке (*профессор кислых щей*);

2) через отождествление привилегированной части общества с продуктом (*сливки общества*);

3) через представление водного объекта и объекта суши как источника пищевых продуктов (*молочные реки и кисельные берега*);

4) через наделение пищевого продукта психическими качествами, свойственными человеку, благодаря чему продукт может чувствовать (*горе луковое*).

5.3. Фразеологизмы-репрезентанты религиозно-антропоморфного и религиозно-артефактного кодов

В формировании нереального явления во фразеологических единицах также участвует компонент, имеющий отношение к традиционным верованиям и религии: *олух царя небесного, адвокат божий, адвокат*

дьявола, ангел во плоти, ангел в чертовой рубашке, черт принес, черта лысого. Нереальность образа в вышеупомянутых ФЕ достигается:

1) благодаря наличию у бесплотного духовного существа собственного представителя для решения юридических вопросов (*адвокат божий, адвокат дьявола*);

2) через наделение бесплотного духовного существа плотью (*ангел во плоти*);

3) через сочетание религиозных компонентов, не обладающих плотью, и компонента, обозначающего предмет одежды, который они носят (*ангел в чертовой рубашке* – также нереальность образа достигается благодаря сочетанию противоречащих друг другу понятий в ФЕ, под которыми подразумеваются антиподы в христианской религии);

4) через представления духа, олицетворяющего злые силы в христианской религии, как средство для перемещения в пространстве (*черт принес*).

5.4. Фразеологизмы-репрезентанты архитектурного кода

Как показало исследование, в создании нереального образа в основе фразеологизма может принимать участие компонент, обозначающий какое-либо здание/сооружение или его часть, например, как в ФЕ *строить воздушные замки, ходячий университет, ума палата, кладезь премудрости*. Формирование нереального явления в данных фразеологических единицах происходит несколькими способами:

1) через наделение доминирующего компонента физическими возможностями, свойственными человеку (*ходячий университет*);

2) через отождествление сооружения с органом человека (мозг), выполняющим функцию накопления знаний (*кладезь премудрости, ума палата*);

3) через характеристику материала, из которого состоит здание (*строить воздушные замки*).

5.5. Малочисленные группы фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления

В следующую группу фразеологизмов были включены обороты, содержащие мифоним или сказочный компонент: *леший знает, маг и волшебник, как по мановению волшебной палочки*. Так нереальность образа в них достигается как раз благодаря участию вышеуказанной лексемы. Например, леший – герой славянской мифологии, в реальной жизни который существовать не может (*леший знает*). В ФЕ *маг и волшебник, как по мановению волшебной палочки* нереальный образ заключатся в самих компонентах: волшебство и магия – недоказанные наукой явления, под которыми подразумевается способность к влиянию на события и на изменения состояния материи (*маг и волшебник, как по мановению волшебной палочки*).

В группу ФЕ, в которых формирование нереального явления происходит с помощью компонента, обозначающего печатную/письменную продукцию, вошли обороты *ходячая энциклопедия, живая летопись, мертвой буквой*. Нереальность образа в данных фразеологизмах достигается несколькими способами:

- 1) через наделение доминирующего компонента физическими возможностями, свойственными человеку (*ходячая энциклопедия*);
- 2) через наделение компонента свойствами живой природы, их одушевление (*живая летопись, мертвая буква*).

Нереальное явление может также создаваться при участии числового компонента в ФЕ. К подобным фразеологизмам относятся обороты *семимильными шагами, семь пятниц на неделе, заблудиться в трех соснах*. Нереальность образа основывается на чрезмерном преувеличении

(*семимильными шагами, семь пятниц на неделе, заблудиться в трех соснах*). Если рассматривать каждый конкретный случай, то в ФЕ *семимильными шагами* нереальное явление формируется через преувеличение ширины шага человека, в ФЕ *семь пятниц на неделе* – через преувеличение количества одного дня недели в выделенном временном промежутке, где каждый из дней повторяться два или более раз не может, в ФЕ *заблудиться в трех соснах* – через преувеличение при описании простой ситуации.

Во фразеологических единицах с компонентом, обозначающим результат речевой деятельности, нереальное явление может репрезентироваться через представление о данном компоненте как о человеке (*голая правда*), а также через его отождествление с пищей (*кормить обещаниями*).

Среди выделенных в ходе работы ФЕ оказались обороты, в которых доминирующий компонент, участвующий в образовании нереального образа во фразеологизме, встречается всего один раз. Подобных единиц 17, к ним относятся: *хватать звезды с неба, срывать цветы удовольствия, золотой дождь, камни вопиют, рыцарь печального образа, оживший аборт, фортуна улыбнулась, карачун пришел, пустой звук, путевка в жизнь, финансы поют романсы, вывернуло наизнанку, мирный атом, выходить сухим из воды, переливать из пустого в порожнее, ломиться в открытую дверь, три бабайки в гору*. Так, среди вышеперечисленных оборотов встречается ФЕ с астронимом (*хватать звезды с неба*), с фитонимом (*срывать цветы удовольствия*), с метеонимом (*золотой дождь*), с компонентом, обозначающим материальные блага (*финансы поют романсы*), с компонентом-названием стихии (*выходить сухим из воды*), с компонентом-названием предмета интерьера (*ломиться в открытую дверь*) и др. Нереальное явление в данных ФЕ может репрезентироваться:

1) через несвойственный для данного объекта материал, из которого он состоит (*золотой дождь*);

2) через наделение неживого предмета, понятия психофизиологическими возможностями, свойственными человеку (*камни вопиют, фортуна улыбнулась, финансы поют романсы*), и физическими (*карачун пришел*);

3) через описание невозможной в жизни ситуации при участии двух и более доминирующих компонентов (*ломиться в открытую дверь, выходить сухим из воды*);

4) через сочетание астронима и глагола, обозначающего действие, невозможное по отношению к указанному в ФЕ космическому объекту в связи с его большим размером и очень далеким расположением в пространстве (*хватать звезды с неба*);

5) через отождествление болезненного состояния с действием, применимым к предметам одежды (*вывернуло наизнанку*);

б) через представление жизни как места отдыха/курорта (*путевка в жизнь*).

В связи с тем, что фразеологизмов в каждой из групп незначительное количество, трудно определить основные способы формирования нереального явления, так как для выделенных приемов соответствует 1-2 примера ФЕ, что не позволяет установить какую-либо закономерность, а также самый активный способ репрезентации нереального явления при помощи доминирующего компонента.

Тем не менее низкая активность определенного компонента также может быть важным показателем специфики восприятия какого-либо предмета или явления, особенно, если это касается участия в создании нереального образа ФЕ. Количество употреблений доминирующего компонента по отношению как к общему числу ФЕ в рамках данной группы, так и всей работы представлено в Таблице 7.

Таблица 7 – Соотношение малочисленных компонентов к общему числу ФЕ в рамках данной группы и всей работы

Название доминирующего компонента	Количество	Процентное соотношение (%)	
		К числу ФЕ в группе (57=100%)	К общему числу ФЕ (222=100%)
Бытовой компонент (посуда/одежда)	(5/5) 10	17,5 %	4,5 %
Пищевой компонент	8	14 %	3,6 %
Религиозный компонент	7	12,3 %	3,2 %
Компонент, обозначающий здание/его часть	4	7 %	1,8 %
Мифоним/сказочный компонент	3	5,3 %	1,4 %
Компонент, обозначающий печатную/письменную продукцию	3	5,3 %	1,4 %
Числовой компонент	3	5,3 %	1,4 %
Компонент, обозначающий результат речевой деятельности	2	3,5 %	0,9 %
Компоненты, встречающиеся в ФЕ не более 1 раза	1 (17)	1,75% (29,8%)	0,5 % (7,7 %)
Общее количество ФЕ	57/222	100%	26 %

5.6. Отражение картины мира во фразеологизмах с редко встречающимся доминирующим компонентом, участвующим в формировании нереального явления

В ходе исследования на основе выявленного семантического значения нами были выделены фразеологические обороты, доминирующий компонент

в которых является основным при формировании нереального явления, но встречается лишь в нескольких оборотах. Подобная классификация по общности значения позволила распределить фразеологизмы (57 ФЕ) по следующим группам: характеристика человека (25 ФЕ), характеристика речевого акта и его результата (8 ФЕ), негативное воздействие на субъект (5 ФЕ), недостаток (4 ФЕ), удачливость (3 ФЕ), бестолковые действия (4 ФЕ), судьбоносное событие/решение, ориентир (2 ФЕ), скорость (2 ФЕ), количество (1 ФЕ), смерть (1 ФЕ), невероятное явление (1 ФЕ), научное понятие (1 ФЕ).

Практически половина ФЕ, характеризующих человека, говорит об антропоцентрическом характере оборотов, значение которых выражается с помощью нереального явления. Так, ФЕ данной группы описывают умственные способности человека (7 ФЕ), его нравственные качества (7 ФЕ) и качества личности (6 ФЕ), внешность (3 ФЕ), положение в обществе (1 ФЕ) и физическое состояние (1 ФЕ).

Особое внимание в русской ЯКМ уделяется фиксированию во фразеологических оборотах оценки умственных способностей человека через нереальное явление. К подобным ФЕ относятся обороты *кладезь премудрости*, *хватать звезды с неба*, *ходячий университет*, *ходячая энциклопедия*, *ума палата*, *профессор кислых щей*, *олух царя небесного*. В данной подгруппе характеристика интеллектуального уровня человека осуществляется через денотативно-образный компонент фразеологизма (понятийное ядро значения): в ФЕ *кладезь премудрости* и *ума палата* описание умственных способностей дается через связь значения компонента *кладезь* как глубокой ямы и *премудрости* как высшей степени ума, опыта, компонента *палата* как большая комната и *ума* как совокупности знаний, т.е. *кладезь премудрости* – сокровищница знаний, мыслей (о человеке), а *ума палата* – выдающиеся умственные способности; нереальное явление в ФЕ *ходячий университет* и *ходячая энциклопедия*, основанное на наделении неживых объектов способностями человека, выражает значение оборота

«человек, обладающий самыми разносторонними знаниями», где в ФЕ основную смысловую нагрузку выполняют компонент *университет* как высшее образовательное заведение по всем отраслям наук и *энциклопедия* как научное или научно-популярное справочное издание. В ФЕ *профессор кислых щей* нереально явление, когда человек может получить ученое звание в области пищевых продуктов, передает значение противоположное другим ФЕ данной подгруппы, т.е. так называют самоуверенного глупца. Таким образом, в ЯКМ нереальное явление может характеризовать умственные способности через отождествление основных понятий науки с человеком, наделением их свойствами живой природы, и в большинстве случаев такие ФЕ характеризуют высокий интеллектуальный уровень человека в отличие от ФЕ с соматическими компонентами в параграфе 3.1.

Также и нравственные качества человека уже не раз вербализовались в ЯКМ через нереальное явление в ФЕ (параграфы 3.1. и 3.2.). В данном исследовании в подгруппу фразеологизмов, обозначающих подобные качества, вошли обороты *ангел во плоти*, *адвокат божий*, *ангел в чертовой рубашке*, *адвокат дьявола*, *рубаха-парень*, *черт в юбке*. Практически все ФЕ выражают значение через нереальное явление, в формировании которого участвует религиозный компонент: ангел – 1) «в религиозной мифологии бесплотное существо, исполняющее приказания бога, 2) идеал чего-нибудь, лучшее воплощение, олицетворение чего-нибудь» [Ефремова 2001, с. 29], черт/дьявол – «в религиозной мифологии: злой дух, противостоящий Богу, сатана» [Ефремова 2001, с. 1476]. Тем не менее, не всегда денотативно-образный компонент реализует свое основное значение в вышеуказанных ФЕ. Так, фразеологизмы *ангел во плоти*, *ангел в чертовой рубашке* характеризуют человека злого или человека, маскирующего свои отрицательные качества, а ФЕ *черт в юбке* – деятельную и дерзкую женщину, не уступающую ни в чем мужчинам [Проконопова 2012, с. 215]. В ФЕ *адвокат божий* – человек, идеализирующий окружающих, и *адвокат дьявола* – человек, старающийся и в хорошем найти недостатки,

денотативно-образные компоненты передает значение всего оборота. Также нравственные качества человека вербализуются в ЯКМ с помощью опосредованного сопоставления последнего с предметами одежды в ФЕ *рубаша-парень*: человек отождествляется с одеждой, основным качеством которой является свободный крой и возможность носить ее нараспашку. Таким образом, в ЯКМ характеристике нравственных качеств человека через нереальное явление отводится особое место, так как в формировании подобных образов участвует как соматический и зооморфный компонент, так и религиозный и бытовой компоненты, причем практически во всех случаях они отождествляются с человеком, что и способствует появлению нереального явления.

Через нереальный образ в ЯКМ описываются и качества личности в фразеологических единицах *маг и волшебник* (экспрес., шутл.) – человек, обладающий неограниченными возможностями делать всё легко и быстро, *горе луковое* (разг., шутл. или ирон.) – о нерасторопном, невезучем, неумелом человеке, *семь пятниц на неделе* (разг., неодобр.) – о человеке, который легко меняет свои решения, намерения, *живая летопись* (разг., шутл.) – о том, кто хорошо помнит современные ему события, *срывать цветы удовольствия* (ирон.) – о человеке, беспечно, который пользуется удовольствиями жизни, *рыцарь печального образа* (книжн., ирон.) – наивный человек, бесплодный мечтатель.

Также через нереальное явление в ФЕ, в формировании которого участвует пищевой компонент, может производиться характеристика внешности человека. В ФЕ *амбар жиру, казенка мяса* через гиперболизированный предметный образ (амбар жиру) происходит описание довольно полного человека. Во фразеологизме *оживший аборт* через нереальное явление дается характеристика некрасивой внешности, так как в наивно-языковом представлении первые месяцы плод не имеет ничего общего с человеком. Таким образом, выделяется разница между людьми

красивыми, соответствующими норме, и некрасивыми, выходящими за рамки нормы, что подчеркивается в ФЕ через нереальное явление.

Через гастрономический компонент может также даваться характеристика положения человека в обществе в ФЕ *сливки общества*. В данной ФЕ народ отразил сопоставление привилегированной части общества со сливками, которые являются верхней, самой жирной частью молока, в целом же в основе оборота явление нереальное, так как сливки образуются лишь у молока.

Болезненное физическое состояние человека через нереальное явление вербализуется в ФЕ *вывернуло наизнанку*. Ситуация, когда человек выворачивает одежду изнаночной стороной, стала основополагающей при опосредованном сопоставлении с состоянием человека, когда его сильно тошнит.

Таким образом, в ЯКМ характеристика человека через нереальное явление может происходить благодаря включению в ФЕ гастрономического компонента (*амбар жиру, казенка мяса, горе луковое, сливки общества*), религиозного компонента (*ангел во плоти, черт в юбке, ангел в чертовой рубашке*), с помощью понятий, имеющих отношение к науке, образованию (*ходячий университет, ходячая энциклопедия, профессор кислых щей*), костюмного компонента (*рубаха-парень*) и многие другие компоненты (*маг и волшебник, живая летопись, семь пятниц на неделе*). Однако данные компоненты встречаются достаточно редко в ФЕ, выражающих свое значение через нереальные явления, так как многие из них являются, по большей части, предметами, с которыми человек контактирует ежедневно, их функции ему понятны, что не позволяет создавать нереальные образы с их участием в основе ФЕ.

Характеристика речевого акта, представляющего глупые рассуждения, вздор, может вербализоваться во фразеологических единицах русского языка через нереальное явление, формирование которого происходит при помощи пищевого компонента (*ерунда на постном масле, чепуха на постном масле*,

затянуть аллилуйю с маслом), компонента, обозначающего графические знаки языка (*тарабарская грамота, мертвой буквой*) и компонента, обозначающего физическое восприятие речи (*пустой звук*). Как и в ФЕ с компонентом-зоонимом, в ЯКМ при помощи нереального явления, формирующегося благодаря участию вышеуказанных компонентов, во фразеологизмах закрепляется характеристика бесполезного и бессмысленного речевого акта или его результата, что объясняется неодобрительной эмоционально-оценочной окраской большинства фразеологизмов данной группы (6 ФЕ). Таким образом, предосудительное отношение русского человека к подобным разговорам закрепляется в языке с помощью образных и воспроизводимых в готовом виде единиц.

Также в ЯКМ русского человека через нереальные явления может характеризоваться уровень достатка или финансовое положение человека: *карманная чахотка, финансы поют романсы, золотой дождь, молочные реки и кисельные берега*. Денотативно-образный компонент в данных ФЕ поддерживается внутренней формой фразеологизма. В каждой ФЕ есть лексема, значение которой связано с материальными благами: карман как источник денег на основании метонимической связи в ФЕ *карманная чахотка*, финансы как любой вид дохода в ФЕ *финансы поют романсы*, золото как драгоценный материал в ФЕ *золотой дождь*, молоко и кисель в гипербализированном количестве как сытные продукты в ФЕ *молочные реки и кисельные берега*. Через нереальное явление может выражаться как отсутствие денег, низкий уровень достатка, благополучия (*карманная чахотка, финансы поют романсы*), так и их изобилие (*золотой дождь, молочные реки и кисельные берега*).

Такие фразеологизмы, как *без ножа зарезать, в ложке воды утопить, переполнить чашу терпения* передают через нереальное явление значение воздействия на человека с целью причинить ему зло, доставить неприятности. Так, в ФЕ *без ножа зарезать* нереальное явление в основе оборота делает его образным, придает экспрессию, позволяет лучше понять

значение оборота: кто-то своими поступками, словами ставит другого человека в очень тяжелое положение, доставляет огорчения, что нож как орудие причинения физической боли даже не нужен. В ФЕ *в ложке воды утопить* нереальная ситуация отражает значение «по незначительным, пустяковым причинам причинять зло, неприятности» [Федоров 2008, с. 711], т.е. сочетание компонентов *в ложке воды* как эталон малого количества (ср. *с ложка дегтя в бочке меда, в час по чайной ложке*) опосредованно сравнивается с чем-то незначительным, пустяковым, а компонент *утопить*, обозначающий насильное действие, получает переосмысление как намеренное причинение неприятностей. Аналогичным образом нереальное явление передает значение «доводить кого-либо до состояния психического срыва из-за невозможности выносить <...> обиды, несправедливость, упрёки» [Федоров 2008, с. 463] в ФЕ *переполнить чашу терпения*. Нереальность ситуации состоит в том, что внутри человека не существует чаши терпения, которую можно было бы переполнить, сам же компонент чаша является символом полноты страдания (*испить горькую чашу, чаша терпения/страдания*) и эталоном меры терпения человека. Выбор же чаши как сосуда для терпения человека связан с важностью данного обиходно-бытового предмета в его жизни: чаша не только атрибут трапезы, но и атрибут сакральный, участвующий в таинстве причащения. Таким образом, бытовой компонент, обозначающий посуду (нож, ложка, чаша), участвует в формировании нереального явления редко в силу своей материальной природы, тем не менее в ЯКМ русского человека через явление, которое в реальной жизни быть не может, во фразеологизмах отражается видение ситуации воздействия на человека с целью обидеть, доставить неприятности, причинить зло.

Фразеологические обороты, обозначающие глупые, бессмысленные или бестолковые действия, в основе также имеют нереальное явление: *ломиться в открытую дверь* – в открытую дверь ломиться не получится, *заблудиться в трех соснах* – такое количество деревьев не может заставить

человека заплутать, *буря в стакане воды* – буря, шторм и другие природные явления не могут быть в стакане, *строить воздушные замки* – строить из воздуха нельзя и т.д. Все эти ситуации в основе ФЕ через денотативно-образный компонент реализуют свое значение, а само нереальное явление создает впечатление абсурдности, нелепости ситуации в данных фразеологизмах: *ломиться в открытую дверь* (разг. экспрес.) – «доказывать то, что очевидно <...> против чего никто не спорит» [Федоров 2008, с. 353], *заблудиться в трех соснах* (разг. неодобр.) – «не найти выход из самого простого затруднения» [Быстрова 1997, с. 184], *буря в стакане воды* – (разг. ирон.) – «сильное волнение по незначительному поводу» [Мокиенко 2005, с. 312], *строить воздушные замки* (книжн. ирон.) – «мечтать о несбыточном» [ФСРЯ 2006, с. 183].

В ЯКМ русского человека через нереальное явление нашли отражение в языке, в его фразеологических единицах, ситуации, связанные с судьбоносными событиями (*путевка в жизнь, путеводная нить*), с удачей или успехом (*родиться в сорочке, фортуна улыбнулась*), а также ФЕ, обозначающие количество (*от жилетки рукава*), скорость (*как по мановению волшебной, семимильными шагами*) и смерть (*карачун пришел*).

Такое разнообразие значений, передаваемых с помощью нереального явления в основе фразеологических единиц, говорит о том, что русский человек в языковой картине мира склонен отражать особое видение действительности через ситуации, в реальной жизни которые невозможны. Это лишний раз служит доказательством того, что закрепленные в языке знания о мире определенной языковой общности в значительной мере отличаются от объективной действительности, так как по своей природе ЯКМ – это субъективное отражение объективных вещей.

ВЫВОДЫ

Таким образом, наиболее часто встречающимся компонентом в рамках малочисленной группы ФЕ, выражающих свое значение через наименование нереального явления, стал компонент, обозначающий предметы утвари и одежды, вербализующие, соответственно, артефакто-вещный и костюмный коды. Малое количество употреблений по отношению к общему количеству фразеологизмов во всей работе объясняется тем, что посуда и одежда – предметы осязаемые, материальные, которыми человек пользуется каждый день, функции их предельно ясны для него, в связи с чем нереальный образ в сознании русского человека с их участием практически не формируется. Наибольшее же количество употреблений бытового компонента в рамках данного параграфа может быть объяснена аналогичным образом: посудой и одеждой человек пользуется практически каждый день, их большое участие в его жизни неоспоримо (ср. с *семимильными шагами* – протяженность в России измеряется в настоящее время в километрах, и т.д.).

Незначительное количество фразеологизмов, включающих наименование пищи, отражающей гастрономический код культуры, по отношению к общему числу доминирующих компонентов в ФЕ, выражающих свое значение через наименование нереального явления, объясняется материальной основой пищи, потребляемой человеком: «Пища – это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике<...>» [по Харитоновой 2015, с. 1-2]. Также низкая фразеобразовательная активность гастрономического компонента может быть объяснена, как пишет Е.Э. Барилова, тем, что русская кулинарная традиция никогда не занимала почетное место в русской культуре в связи с простотой и однообразием блюд [Барилова 2011, с. 153]. Также православные традиции, заключающие временное воздержание от приема определенной пищи (строгие и частые посты), оказали влияние на

блюда русской кухни (растительно-рыбно-грибная) [Там же]. Исследуя русские ФЕ с компонентом *еда* Е.Э. Барилова выделила 190 (1,7 % из 11347) единиц, в которых среди наиболее частотных компонентов встречаются *масло* (13) и *молоко* (5) [Барилова 2011, с. 154-155], как и в ФЕ, выделенных в рамках данного исследования: *затянуть аллилуйю с маслом, ерунда на постном масле, чепуха на постном масле, молочные реки и кисельные берега*. В рамках же данного параграфа его относительно высокая активность также может быть объяснена значимой ролью пищи для человеческого организма, его правильного функционирования.

Влияние православия на формирование русских фразеологизмов прослеживается так же и во фразеологизмах с компонентом, имеющем отношение к традиционным верованиям и религии, что также является репрезентацией религиозно-антропоморфного и религиозно-артефактного кодов культуры, так как «Русская Православная Церковь во всем многообразии информационных потоков, культурных и социально-религиозных образов была неизменным проводником в мир русской культуры, традиций и духовных ценностей» [Пичко 2013, с. 239]. Так, в рамках малочисленной группы количество их употреблений относительно велико. Весьма небольшое количество ФЕ с религиозным компонентом, участвующим в формировании нереального явления, по отношению ко всем отобраным оборотам объясняется тем, что для русского человека вера и понятия с ней связанные не мыслятся как нереальные: существование Бога, ангелов, злых сил не подвергаются сомнению. Если же рассматривать участие религиозного компонента в формировании нереального явления в рамках малочисленной группы, то его активность также связана с тем, что вера для русского человека является важной составляющей жизни и культуры.

В группе, где в создании нереального образа участвует компонент-репрезентант архитектурного кода культуры, обозначающий какое-либо здание/сооружение или его часть, доминирующая лексема практически во

всех примерах представлена как хранилище совокупности знаний, мудрости (*ходячий университет, ума палата, кладезь премудрости*). Важно отметить и то, что некоторые названия сооружений устаревшие (кладезь (колодец) – глубокая скважина в земле, источник воды [ТСРЯ 2007, с. 349], а в ФЕ – мудрости; палата – просторное, большое богатое помещение [Там же, с. 608], а в ФЕ наполнена умом). В рамках малочисленной группы их небольшое количество, как и в других примерах, обусловлено тем, что компонент осязаем, материален, имеет определенный набор функций (хранение, источник, место учебы, т.е. ограниченное пространство, сооружение, предназначенное для улучшения жизни человека). Их малое количество по отношению ко всем выделенным фразеологическим оборотам также объясняется набором простых и ясных человеку функций, из-за чего они не обладают большой фразеологической активностью при формировании нереального явления.

Практически нулевое количество употреблений доминирующих компонентов в структуре фразеологических единиц *хватать звезды с неба, рыцарь печального образа, фортуна улыбнулась* связана: 1) с малой осведомленностью большинства людей с устройством космоса (*хватать звезды с неба*); 2) с отсутствием определенных исторических реалий (*рыцарь печального образа*); 4) с наличием собственной мифологии (*фортуна улыбнулась*) и др.

Таким образом, малочисленность определенных компонентов, их низкая фразеобразовательная активность в рамках данного исследования, а также неактивное участие в формировании наименования нереального явления в основе фразеологических единиц связаны с их предметной, материальной основой, а также с постоянным взаимодействием человека с данными объектами (костюмный, гастрономический компоненты и др.), с уверенностью в реальности определенных понятий (религиозный компонент, мифоним), с отсутствием определенных исторических и мифологических номинаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, являются носителями кода культуры русского народа. К таким компонентам, участвующим в формировании нереального образа в основе ФЕ, относятся соматизмы как носители соматического кода культуры, зоонимы как носители зооморфного кода, пространственные и временные компоненты, вербализующие, соответственно, пространственный и временной коды, а также малочисленные компоненты, являющиеся репрезентантами артефактно-вещного, костюмного, гастрономического, религиозно-антропоморфного, религиозно-артефактного и архитектурного кодов культуры.

Соматизмы (90 ФЕ или 40 %), зоонимы (45 ФЕ или 21%), а также пространственные и временные компоненты (30 ФЕ или 13,3%), обладают большей фразеобразовательной активностью и чаще других компонентов участвуют в образовании наименования нереального явления во фразеологической единице.

Среди соматизмов наибольшей фразеологической активностью и образностью обладают лексемы *сердце, голова, мозги*, а также лексема душа (связанная с человеческим телом в традиционных представлениях русского человека), которые способствуют формированию наименования нереального явления в структуре ФЕ. Количество их употреблений объясняется степенью закрепленности в сознании человека особой роли, символики того или иного органа или части тела в освоении окружающего мира, что через соматический код культуры отражает национально-культурную специфику подобных ФЕ. В большинстве случаев нереальное явление во фразеологизме может репрезентироваться в результате опредмечивания какой-либо части тела (*каменное сердце, бумажная душа, еловая голова, чугунные мозги, мерить глазами*), а также в результате ее отождествления с полноценным

самостоятельным организмом/человеком (*душа поет, сердце радуется, голос сердца, кровь заговорила, что левая нога хочет*).

Образы таких животных, как *курица, волк, медведь, воробей* наделены символическим смыслом, они являются носителями зооморфного и орнитологического кодов культуры, так как издавна обитают рядом с русским человеком, чем и объясняется их большая частотность в формировании наименования нереального явления в структуре ФЕ посредством наделения этих животных качествами, психофизиологическими и физическими возможностями, свойственными человеку (*светский лев, курам на смех, кот наплакал, бред сивой кобылы, когда рак на горе свистнет, комар носу не подточит*). Особое место вышеперечисленных зоонимов в картине мира русского человека подтверждает и то, что такие представители животного мира, как *крокодил, лев*, обитающие за пределами нашей страны, встретились лишь единожды.

С помощью пространственного и временного компонентов нереальное явление в большинстве случаев формируется через значения данных компонентов и значения ФЕ (*за тридевять земель, у черта на куличках, на турецкую Пасху*). Пространственный компонент, как носитель пространственного кода, в ФЕ наделен определенной символикой. Пространство во фразеологизмах репрезентируется как нереальное, как территория, которая не существует, находится по ту сторону человеческого восприятия, за гранью материального мира, что влияет на значение оборотов, которое также представляет нереальное явление, в отличие от многих ФЕ, содержащих соматизмы или зоонимы. С помощью временного компонента, как носителя временного культурного кода, в большинстве случаев нереальное явление может репрезентироваться через физиологические и психофизиологические процессы, заключающие зооморфный код (*когда петух яйцо снесет, когда курица запоем по-петушиному*), а также сочетания религиозных понятий, противоречащих друг другу (*когда черт*

перекрестится, на турецкую Пасху). Время в исследуемых ФЕ мыслится как нереальное, как момент, который никогда не наступит.

Малочисленность определенных компонентов-репрезентантов артефактно-вещного, костюмного, гастрономического, религиозно-антропоморфного, религиозно-артефактного, архитектурного кодов культуры (всего 57 ФЕ или 26%, из которых 17 ФЕ или 7,7 % содержат компонент с единичной репрезентацией), участвующих в формировании нереального явления, их низкая фразеобразовательная активность в рамках данного исследования, объясняется их материальной природой, ежедневным взаимодействием с человеком (бытовой, пищевой компоненты, компоненты, обозначающие сооружение/его часть), уверенностью в реальности определенных понятий (религиозный компонент, мифоним), с отсутствием определенных реалий. В связи с незначительным количеством подобных компонентов в ФЕ оказалось трудным выявление не только общей типологии основных способов формирования образа нереального явления, как было сделано в исследовании ФЕ с зоонимами или соматизмами, но и выделить самый активный способ репрезентации нереальной ситуации при помощи доминирующего компонента.

Таким образом, данное исследование позволило выделить определенную типологию способов образования наименований несуществующих в реальности явлений в структуре ФЕ с соматизмами, зоонимами, пространственными, временными и различными малочисленными компонентами, выявить их роль в формировании нереального образа, что, в свою очередь, раскрыло не только структурно-компонентную, но и национально-культурную специфику русских фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, через культурные коды, носителями которых являются доминирующие в ФЕ компоненты.

В языковой картине мира отражается совокупность представлений о действительности, взгляд языковой общности на мир, ее отношение к

окружающей природе, животным, и, конечно, к самому человеку как части данного мира. Каждый язык, и в особенности его фразеологический состав, отражает свой в чем-то неповторимый способ восприятия мира и его вербализации. Таким образом, ЯКМ – это своего рода единая система взглядов на действительность определенной языковой общности, которая как формирует ЯКМ, так и сама попадает под ее воздействие.

Обширный пласт русских фразеологизмов, выражающих свое значение через наименование нереального явления, является еще одним доказательством того, что язык не всегда фиксирует действительность такой, какая она есть. Лингвокультурологическое исследование подобных фразеологических единиц позволило определить, что с помощью данных оборотов выражается в ЯКМ русского человека, т.е. какие основные значения ФЕ вербализируются в языке с помощью описания ситуаций, в реальной жизни которые невозможны.

Проведенное исследование показало, что картина мира, получая субъективную оценку носителями русского языка и отражаясь в таких его единицах, как фразеологизмы, выражающие свое значение через наименование нереального явления, в формировании которых участвуют соматические компоненты, антропоцентрична. Нереальное явление в данных ФЕ в большинстве случаев характеризуют человека (79 из 90 ФЕ). Особое внимание носителями языка уделяется умственным способностям: соматизмы *голова* и *мозги* во фразеологизмах, выражающих свое значение через нереальное явление, служат не только характеристикой интеллекта человека, но и дают оценку человека в целом (*дубовая башка, чугунные мозги, ветер в голове, мякинная голова*). Нереальный образ в основе ФЕ позволяет представить не просто бестолкового человека, но и соотнести его с очень твердым, непробиваемым или мягким и бесформенным предметом.

Довольно часто нереальное явление в ФЕ описывает внутреннее состояние и нравственные качества. Большинство оборотов имеют негативную эмоционально-оценочную окраску, так как описывают

отсутствие духовности и сердечности как важных и особых качеств русского человека, что сразу же отражается во фразеологии языка. Такие части тела, как душа и сердце, выполняя символическую роль репрезентации чувств и нравственных качеств человека, либо опредмечиваются в ФЕ (*камень на душе, кошки скребут на душе, всеми фибрами души, бумажная душа, каменное сердце*), либо «оживают», сами отождествляются с человеком, наделяясь свойственными ему физическими, физиологическими и психическими качествами (*душа поет, сердце радуется, душа в пятки ушла, доброе сердце, злое сердце, робкая душа*).

Большое количество ФЕ, характеризующих человека через нереальные явления, в формировании которых участвуют зоонимы, как носители зооморфного и орнитологического кодов, – результат антропоморфного принципа познания действительности и отражения ее в ЯКМ, чему свидетельствуют ФЕ, в которых происходит наделение животных качествами, психофизиологическими и физическими возможностями, свойственными только человеку, для его же характеристики (*светский лев, важная птица, врет как сивый мерин, нем как рыба* и др.)

В языковой картине мира русского человека в формировании наименования нереального явления в основе фразеологизма участвуют образы животных, которых человек издавна одомашнил и среда их обитания в большинстве случаев не выходит за границы средней полосы России. Постоянный контакт русского человека с такими животными, как курица, свинья, лошадь, медведь, волк, ворона, воробей, наименования которых наделены символическими смыслами, наблюдение за их повадками, внешним видом определенным образом отразились во фразеологических единицах.

Как и в случае с ФЕ, выражающими свое значение через наименование нереального явления, в формировании которых участвует соматизм, ФЕ с компонентом-зоонимом в большинстве случаев пейоративны, что связано со стремлением человека отразить в ЯКМ стереотип о том, что не только он может являться носителем отрицательных качеств. Также в ЯКМ русского

человека с помощью зоонима нереальное явление формируется как в структуре, так и в значении в том случае, если фразеологические единицы обозначают количество (ничего), время (никогда), оценку качества (что-то не обладает каким-либо свойством), результат речевого акта (полый вздор, невозможный в реальности), а также мнимую прибыль (прибыль от ещё не осуществлённого предприятия).

В русской ЯКМ нереальное или далекое пространство, которое человек не освоил, характеристика человека, который живет не так, как все, не связан с реальностью, в языке вербализуются во фразеологизмах через нереальное явление, в формировании которого участвует пространственный компонент-репрезентант пространственного кода (*у черта на куличках, у черта на рогах, за тридевять земель, витать в эмпиреях*).

Также в ЯКМ русского человека нереальное явление всегда вербализует нереальное время как момент, который никогда не наступит, для чего человек, чтобы отразить такое видение мира в языке, строил образы, основанные на невозможной в реальной жизни ситуации, причем абсурдность и нереальность ситуации, отраженной в данной единице, осознается всеми участниками коммуникативного акта, что повлияло на ироничный или шутливый тон ФЕ (*когда черт крестится, на турецкую Пасху, после дождичка в четверг, когда лысые перекудрявеют, когда рак на горе свистнет*).

ФЕ с малочисленными компонентами также в большинстве случаев характеризуют человека (25 из 57 ФЕ). В русской ЯКМ характеристика человека через нереальное явление может происходить благодаря пищевым компонентам-репрезентантам гастрономического кода (*амбар жиру, казенка мяса, горе луковое, сливки общества*), религиозным компонентам-репрезентантам религиозно-антропоморфного и религиозно-артефактного кодов (*ангел во плоти, черт в юбке, ангел в чертовой рубашке*), с помощью понятий, имеющих отношение к науке, образованию (*ходячий университет, ходячая энциклопедия, профессор кислых щей*), вещевых компонентов-

репрезентантов костюмного кода (*рубаха-парень*) и многих других (*маг и волшебник, живая летопись, семь пятниц на неделе*). Но данные компоненты встречаются достаточно редко в ФЕ, выражающих свое значение через наименование нереального явления, в силу своей материальной природы, что не позволяет создавать нереальные образы с их участием в основе ФЕ.

Также ФЕ данной группы описывают речевой акт и его результаты, негативное воздействие на субъект, достаток, удачливость, бестолковые действия, судьбоносное событие/решение, ориентир, скорость, количество, смерть, научное понятие. Такое разнообразие значений, передаваемых с помощью нереального явления в основе фразеологических единиц, говорит о том, что русский человек в языковой картине мира склонен отражать особое видение действительности через ситуации, в реальной жизни которые невозможны.

Большое количество ФЕ, выражающих свое значение через наименование нереального явления, с негативной оценкой (40% с отрицательно-оценочным значением, 30% с ироническим, 20% с нейтральным и 10% с положительным) в русской ЯКМ можно объяснить тем, что любое отклонение от нормы (низкий интеллектуальный уровень, внутреннее состояние, связанное с тревогой, огорчением, низкий нравственный уровень и т.д.) от существующего в сознании носителя языка идеала сразу же отражается в языке.

Это лишний раз служит доказательством того, что закрепленные в языке знания о мире определенной языковой общности в значительной мере отличаются от объективной действительности, так как по своей природе ЯКМ – это субъективное отражение объективных вещей.

Так, из 222 русских фразеологизмов 120 оборотов через нереальное явление, в формировании которого участвуют соматизмы, зоонимы и ряд других компонентов (предметный, пищевой, религиозный) характеризуют человека: его интеллектуальные способности, внутреннее состояние (чувства, эмоции), нравственные качества и личностные, речевую

деятельность, физическое состояние, внешность, финансовое положение, положение в обществе и особенности восприятия действительности. Особое внимание в ФЕ уделяется характеристике умственных способностей человека, интеллектуальному уровню (27 ФЕ), причем большая их часть имеет пейоративную окраску (19 ФЕ), например: *дубовая башка, чугунные мозги, ветер в голове, разбирается как свинья в апельсинах, мозги набекрень* и др. Основными лексемами, участвующими в формировании нереального явления, характеризующего уровень интеллекта человека, стали соматизмы *голова* (10) и *мозги* (8). Также в ЯКМ нереальное явление, формирующееся при помощи соматизмов *голова* и *мозги*, которые в сознании русского человека отождествляются с умственной деятельностью, характеризует низкий интеллектуальный уровень человека.

Нереальные явления во фразеологизмах могут характеризовать нравственные качества человека (22 ФЕ): *злое сердце, черствое сердце, каменное сердце, продажная душа, робкая душа, волк в овечьей шкуре, ангел во плоти, ангел в чертовой рубашке* и др. Основными лексемами, участвующими в формировании нереального явления, характеризующего нравственные качества человека, стали соматические компоненты *душа* (7) и *сердце* (5), символизирующие эмоциональную сферу, средоточие сильных чувств. Также характерной чертой данных ФЕ стала их пейоративная окраска (14 ФЕ), что свидетельствует о репрезентации в языке отклонение от нормы, которое заключается в отсутствии духовности и сердечности как важных и особых качеств русского человека.

Подобная ситуация наблюдается и ФЕ, где нереальное явление характеризует и внутреннее состояние человека, т.е. его эмоции и чувства (20 ФЕ): *сердце кипит, камень на душе, кошки скребут на душе, сердце кровью обливается, сердце петухом поет, душа в пятки ушла* и др. Данные фразеологические единицы через нереальное явление в основе оборота описывают тревогу/огорчение, счастье, страх, удивление, равнодушие, ненависть, т.е. большинство фразеологизмов (15 ФЕ) обозначают какие-либо

отрицательные эмоции и чувства (*камень на душе, сердце кровью обливается, повесить нос, сердце обросло мхом* и др.), подтверждая то, что в рамках данного исследования в большинстве русских фразеологизмов через нереальное явление в ФЕ вербализуется именно несоответствие идеалу (интеллект и нравственные качества высокие, чувства и эмоции положительные).

В русской ЯКМ нереальное явление во фразеологизмах лишь в определенных случаях также обозначает то, что нереально, не существует, никогда не произойдет. К таким ФЕ относятся обороты, обозначающие нереальное или далекое пространство, которое человек не освоил (*у черта на куличках, у черта на рогах, за тридевять земель*), время как момент, который никогда не наступит (*когда курица запоет по-петушиному, когда мерин окобылеет, когда лысые перекудрявятся, на турецкую Пасху*), нулевое количество (*от жилетки рукава, кот заплакал, курячье вымя, свиные ножки*), оценку качества, когда что-то не обладает каким-либо свойством (*на рыбьем меху*), невозможный в реальности вздор как результат речевого акта (*бред сивой кобылы, чушь собачья, пустой звук*), а также нулевой недостаток (*делить шкуру неубитого медведя, карманная чахотка, финансы поют романсы*).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**ИСТОЧНИКИ**

1. Аристова, Т.С. Словарь образных выражений русского языка / Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова; под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
2. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений; под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко, соавт.: Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий; отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
4. Быстрова, Е. А. Фразеологический словарь русского языка: около 1000 единиц / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2002. – 415 с.
5. Войнова, Л.А. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4 000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
6. Жуков, А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка / А.В. Жуков. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 603 с.
7. Жуков, В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка: [А-Я] / В. П. Жуков, А. В. Жуков. – 7-е изд. – М.: Просвещение, 2013. – 574 с.
8. Кочедыков, Л.Г. Краткий словарь библейских фразеологизмов / Л.Г. Кочедыков. – Самара: Бахрах-М, 2006. – 176 с.
9. Курилова, А. Д. Новый фразеологический словарь русского языка / А.Д. Курилова. – М.: ДРОФА, Русский язык-Медиа, 2009 – 800 с.
10. Мелерович, А. М.. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.

11. Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М.: Русские Словари. Астрель. АСТ, 2005. – 860 с.

12. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель, Люкс, 2005. – 926 с.

13. Универсальный фразеологический словарь русского языка / под ред. Т. Волковой. – М.: Вече, 2000. – 463 с.

14. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М.: АСТ : Астрель, 2008. – 878 с.

15. Фразеологический словарь русского языка: более 4000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. – 7-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель : 2006. – 511 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Быстрова, Е.А. Учебный фразеологический словарь / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – М.: АСТ. 1997. – 304 с.

2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – Спб. – М.: Типография М.О. Вольфа, 1880. – Т.1: А–З. – 812 с.

3. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001. – Т.1: А–О. – 1232 с.

4. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2001. – Т.2: П–Я. – 1088 с.

5. Мокиенко, В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – СПб.: Норинт, 2004. – 512 с.
6. Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
7. Морковкин, В.В. Словарь сочетаемости слов русского языка / В.В. Морковкин, П.Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1983. – 688 с.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
9. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: около 6000 фразеологизмов; под ред. В. М. Мокиенко. – М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. – 926 с.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с.
11. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Ушаков Д.Н. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абильмажинова, Н.К. Роль фразеологических единиц в формировании языковой картины мира / Н.К. Абильмажинова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. ХLI междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2014. – № 10(41). – С. 81–85.
2. Абрашина, Е. Н. Межъязыковые фразеологизмы в описании языковой картины мира / Е.Н. Абрашина // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 4 (59). – С. 13-15.

3. Авалиани, Ю.Ю. Семантическая структура слов-компонентов и семантическая структура фразеологических единиц (на материале индоевропейских языков) / Ю.Ю. Авалиани // Бюллетень по фразеологии № 1: Труды СамГУ им. А. Навои. – Вып. 234. – Самарканд, 1972. – С. 4-12.

4. Авалиани, Ю.Ю. О разграничении синонимии и вариантности в области фразеологических единиц / Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: материалы 9-го Всесоюзного координационного совещания. – Баку, 1968.

5. Аверина, М.А. Синтаксическая организация фразеологизмов с соматическим компонентом в русском и английском языках / М.А. Аверина, Е.И. Болдырева // Проблемы современной науки. – 2013. – Т. 2, № 7. – С. 15–21.

6. Аверина, М.А. Соматизм как компонент фразеологической единицы русского и английского языков / М.А. Аверина, Е.И. Болдырева // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 6 (73). – С. 11–13.

7. Аврамова, В. Языковой код культуры / В. Аврамова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года). В 15 т. – Т. 6. – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – С.13–18.

8. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова; предисл. О. И. Бродович. - 2-е изд., доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 216 с.

9. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.

10. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография: избр. труды: в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – М., 1995. – Т. 2. – 352 с.

11. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

12. Арсентьева, Е.Ф. Национально-культурная специфика фразеологических единиц / Е.Ф. Арсентьева // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С.122–124.

13. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках) / Е.А. Арсентьева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 130 с.

14. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, стилистически ориентированы на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Арсентьева Елена Фридриховна. – Казань, 1993. – 39 с.

15. Артеменко, Г.С. Фреймовое моделирование фразеологизмов / Г.С. Артеменко // Молодой ученый. – 2014. – №20. – С. 712–714.

16. Артемова, А.Ф. Культурно-национальная специфика английских фразеологических единиц и ее сохранение при переводе: университетские чтения / А.Ф. Артемова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – 359 с.

17. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

18. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1964. – 315 с.

19. Ахманова, О.С. Очерк по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.

20. Багаутдинова, Г.А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Багаутдинова Гузель Анваровна. – Казань, 2007. – 45 с.

21. Барилова, Е.Э. «Еда» как фрагмент русской и французской языковой картины мира / Е.Э. Барилова // Вестник ПГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Вып. 13. – 2011. – С. 152–155.

22. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С.234–407.

23. Белая, Е.Н. Национально-культурная специфика английских, французских, русских фразеологических единиц с компонентом «глаза» с семантикой действий и поступков человека / Е.Н. Белая // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2016. – №1(23). – С. 87–91.

24. Бердникова, Т.А. Лексико-фразеологическое поле соматизмов (на материале архангельских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Бердникова Татьяна Александровна. – М., 2000. – 20 с.

25. Березович, Е.Л. И интуитивных чувствований / Е.Л. Березович // Вестник Кемеровского государственного университета, 2016. – №3 (67). – С. 86–93.

26. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 599 с.

27. Беседина, Н.А. Роль морфологии в создании языковой картины мира / Н.А. Беседина // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр.; отв. ред. С.П. Хижняк. – Вып.9. – Саратов, 2003. – С. 124–131.

28. Бичер, О. Пословицы и поговорки с анималистическими образами во фразеологических словарях / О. Бичер // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. – № 11(53): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 136–138.

29. Бобрышева, Л.К. Современные формы фразеологизмов в контексте субкультуры как фактор динамики концептуализации языковой картины мира / Л.К. Бобрышева // Вестник Адыгейского государственного

университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 1. – С. 11–116.

30. Боргоякова, О.А. Фразеологические единицы с соматическим компонентом в хакасском языке / О.А. Боргоякова // Язык и культура: сборник материалов V Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2013. – С. 169–174.

31. Брысина, Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2012. – № 2 (16). – С. 51–56.

32. Брысина, Е.В., Лингвокультурный потенциал диалекта / Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Сборник материалов международных конференций и конкурса эссе «Золотая звезда: эстафета поколений»; Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Волгоград: Фортесс, 2020. – С. 192–200.

33. Булгакова, О.А. Зоофразеологизмы и зоолексемы как экспликаторы языковой картины мира русского и китайского языков / О.А. Булгакова, О.А. Красноборова // Вестник КемГУ. – 2016. – №1 (65). – С. 160–166.

34. Буренкова, С.В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии / С.В. Буренкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – С. 29–40.

35. Буянова, Л.Ю. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности / Л.Ю. Буянова, Е.Г. Коваленко. – М.: Флинта; Наука, 2012. – 184 с.

36. Вакк, Ф.О. О соматической фразеологии эстонского языка / Ф.О. Вак // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. – Баку, 1968 – С. 23

37. Ведьманова, Е.Е. Национально-специфические особенности компаративных фразеологизмов английского, немецкого и русского языков / Е.Е. Ведьманова, Н.В. Куликова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание, 2015. – №4. – С. 115–120.

38. Верещагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

39. Верещагин, Е.М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

40. Верещагин Е.М. Язык и культура. Три лингвистические концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров; под ред. и с послесловием академика Ю.С. Степанова. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.

41. Виноградов В.В. История слов / В.В. Виноградов. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 1142 с.

42. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избр. тр. / В.В. Виноградов; отв. ред. [и авт. предисл.] В.Г. Костомаров; АН СССР, Отделение лит. и яз. – М.: Наука, 1977. – 312 с.

43. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1947. – 784 с.

44. Волкова, Н.Н. Фразеологизмы с названиями животных в русском и тайском языках / Н.Н. Волкова, Б. Падтамапорн // Материалы 2 Международной научно-методической конференции «Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся». – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2012. – №2. – С. 326–333.

45. Воробьева, Л.Б. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом глаз в русском и литовском языках / Л.Б. Воробьева // Серия «Социально-гуманитарные науки». – Вып. 1. – Вестник Псковского государственного университета, 2015. – С. 145–148.

46. Гак, В.Г. Беседы о французском слове. (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1966. – 335 с.

47. Гак, В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – №5. – С.55

48. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

49. Галимова, О.В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Галимова Ольга Владимировна. – Уфа, 2004. – 247 с.

50. Ганиева, Ф.Ф. Фразеологические единицы как объект исследования в трудах отечественных исследователей / Ф.Ф. Ганиева // Журнал *Lingua mobil*, ЧелГУ, Изд.: Энциклопедия. – Челябинск, 2015. – №1 (52). – С. 38–43.

51. Гарифуллина, А.М. Внутренняя форма идиом как объект лингвистического исследования (на примере ФЕ, выражающих эмоции радости, счастья, удовольствия в турецком и английском языках) / А.М. Гарифуллина // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С.150–153.

52. Гвоздарев, Ю.А. Процессы образования фразеологических единиц в русском языке / Ю.А. Гвоздарев // Проблемы русского фразообразования. Тула, 1973. – 190 с.

53. Гвоздарев, Ю.А. Основы русского фразообразования: монография / Ю.А. Гвоздарев; отв. ред. проф. Л.Б. Савенкова. – Ростов н/Д.: НМЦ «Логос», 2010. – 246 с.

54. Гизатова, Г.К. К вопросу об изучении фразеологических единиц (ФЕ) в разных языках / Г.К. Гизатова // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы: в 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.2. – С. 154–156.

55. Гончарова, Н.А. Трансформации фразеологических единиц в языке прессы / Н.А. Гончарова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 31. – С. 746–750.

56. Гончарова, Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н.Н. Гончарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396–405.

57. Городецкая, И.Е. Соматический компонент фразеологизмов русского и французского языков / И.Е. Городецкая // Филологические науки. Вестник Ставропольского гос. ун-та. – Вып. 51.– 2007. – С. 162–166.

58. Григоренко, О.В. Национально-культурная специфика русских фразеологизмов тематической группы «социальные отношения» / О.В. Григоренко, А. Саад // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, Воронеж: ВГУ, 2009. – №1. – С. 93–95

59. Гриченко, Л.В. Лексико-семантическая классификация соматизмов во фразеологических фондах английского и русского языков / Л.В. Гриченко, Ю.А. Харченко // Молодой ученый. – 2016. – №13. — С. 685–689.

60. Гудков, Д.Б. Кровь в соматическом коде культуры (по данным русской фразеологии) / Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей; отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 23. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 15–28.

61. Гудков, Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики / Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей; отв. ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 26. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 39–50.

62. Гудков, Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.

63. Гукетлова, Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале кабардино-черкесского, русского и французского языков): автореф. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 / Гукетлова Фатимат Нашировна. – М., 2009. – 53 с.

64. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
65. Гусельникова, О.В. Возможности фреймового анализа / О.В. Гусельникова // Мир науки, культуры, образования, 2009. – №5. – С. 29–32.
66. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.
67. Гуревич, А.Я. Время как проблема культуры / А.Я. Гуревич // Вопросы философии, 1969. – №3. – С. 105–116.
68. Гэн, Ю. Моделирование лексико-деривационного пространства (на материале русской зоолексик): автореф. дис. ... канд. филол наук: 10.02.19 / Гэн Юаньюань. – Екатеринбург, 2018. – 22 с.
69. Добровольский, Д.О. Семантика идиом как переводческая проблема / Д.О. Добровольский. – М.: Изд. ВЦП & Hogeschool Maastricht, 1994 – 100 с.
70. Добровольский, Д.О. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков) / Д.О. Добровольский, В.Т. Малыгин, Л.Б. Коканина. – Владимир: ВГПИ, 1990. – 80 с.
71. Дормидонтова, О.А. Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах) / О.А. Дормидонтова // Вестник ТГУ. – 2009. – №9. – С. 201–205.
72. Дорониная, Е.Г. Фразеологическая картина мира в творчестве А. Платонова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дорониная Елена Геннадьевна. – Челябинск, 2004. – 23 с.
73. Емельянова, Е.В. Языковая картина мира и языковое сознание / Е.В. Емельянова // Инновационная наука: междунар. науч. журн. – 2015. – № 10. – С. 155–159.
74. Есмурзаева, Ж.Б. Понятия «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира» в современных исследованиях /

Ж.Б. Есмурзаева // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. – С. 56–58.

75. Ефименко, Т.Н. Взаимодействие лингвокультурных кодов в процессе межкультурной коммуникации / Т.Н. Ефименко // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 3. – № 3. – С. 188–191.

76. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

77. Жукова, М.Е. Фразеологическая картина мира современной России в зеркале одного дня / М.Е. Жукова // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. – 2008. – № 47. – С. 69-71.

78. Заводова, Е.А. Национально-культурная специфика функционирования фитонимических фразеологизмов в русском языке / Е.А. Заводова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 1051–1055.

79. Занковец, А.А. Лексическая полисемия и фразеологическая активность слова: закономерности взаимовлияния (на материале ЛСГ «соматизмы» русского и белорусского языков / А.А. Занковец // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: материалы III междунар. науч.-метод. конф. (22-23 ноября 2007 г.). – Брест: Изд-во БрГУ, 2008. – С. 123–125.

80. Захаренко, И.В. Архитепическая оппозиция «свой-чужой» в пространственном коде культуры / И.В. Захаренко // Язык. Сознание. Коммуникация: сборник статей. – Вып. 46. – М., 2013. – С.15–32.

81. Зуева, Т.А. Модель анализа фразеологических единиц в лингвокультурологическом аспекте / Т.А. Зуева // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2012. – №5. – С. 28–34.

82. Зыкова, И.В. Концептосфера культуры и фразеология. Теория и методы лингвокультурологического изучения / И.В. Зыкова. – М.: URSS, 2015. – 380 с.

83. Ильина, Я.А. Пространственно-временные связи в зеркале английской фразеологии / Я.А. Ильина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. №3. – С. 33–37.

84. Илюхина, Н.А. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты: монография / Н.А. Илюхина, И.А. Долгова, Н.О. Кириллова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. – 188 с.

85. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии / М.М Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж: ВГУ, 1989. – 190 с.

86. Капелюшник, Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Капелюшник Евгения Владимировна. – Томск, 2012.– 199 с.

87. Караулов, Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования / Ю.Н. Караулов, Ю.Н Филиппович. – М., 2009. – 336 с.

88. Карпенко, Л.Б. Особенности русской пространственной языковой картины мира / Л.Б. Карпенко // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов / Самар. гос. ун-т, отв. ред. Н.А. Илюхина. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013– С. 68–72.

89. Климкова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Климкова Людмила Алексеевна. – М., 2008. – 65 с.

90. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М.Л. Ковшова. – М.: URSS, 2013. – 456 с.

91. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ковшова Мария Львовна. – М., 2009. – 49 с.

92. Кондакова, И.А. Топонимы и этнонимы как средство выражения этнического стереотипа / И.А. Кондакова // Вестник вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2014. – № 5. – С. 118–122.

93. Кондакова, И.А. Фразеологизмы, содержащие топонимы, как средство выражения микроавтостереотипа / И.А. Кондакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота – 2015. – № 3 (45). Ч.1. – С. 103–107.

94. Копыленко, М.М. Очерки по общей фразеологии: фразеосочетания в системе языка / М.М. Копыленко, З.Д. Попова; под ред. М. Ф. Васильевой. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 92 с.

95. Копылова, В. Е. Фразеология русского языка как отражение языковой картины мира / В.Е. Копылова // Лингвокультурология. – Екатеринбург, 2010. – Вып. 4. – С. 89–93.

96. Косицына, Н.О. Фразеологизм как средство отражения культурно-религиозных знаний в художественном тексте / Н.О. Косицына // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2015. – № 1 (33). – С. 102–108.

97. Кочарян, А.Р. Пословицы и поговорки в сопоставлении с фразеологизмами в удинском языке / А.Р. Кочарян // Молодой ученый. – 2013. – №10. – С. 587–592.

98. Кошкарлова, Ю.А. Концепции образа медведя в русской ментальности / Ю.А. Кошкарлова // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 2. – С. 266–270.

99. Кравченко, О.Н. Соматизм «сердце» в составе фразеологических единиц с позиции антропоцентрического подхода (на материале английского и русского языков) / О. Н. Кравченко, И. М. Субботина // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – Вып. 23. – 2014. – №20(191). – С. 74–78.

100. Красных, В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей; отв.

ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. – Вып. 19. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 5–19.

101. Красных, В.В. «Свой» среди чужих: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

102. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

103. Кудрявцева, Е.В. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом собака: лингвокультурологический комментарий / Е.В. Кудрявцева // Вестник Костромского государственного университета, 2015. – №2 (21). – С. 131–134.

104. Кумахова М.З. Языковая картина мира как объект лингвокультурологии / М.З. Кумахова // Студенческая наука XXI века: материалы IX Междунар. студенч. науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 2 / редкол.: Л.А. Абрамова [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 2 (9). – С. 41–42.

105. Кумба, С. Антропоцентрический потенциал зооморфного кода названий животных в духовном кругозоре носителей русского фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кумба Сиссе. – Елец, 2021. – 18 с.

106. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996 – 381 с.

107. Кунин, А.В. Устойчивые адъективные сравнения в русском и английском языках / А.В. Кунин. – М., 1980. – 324 с.

108. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В.Кунин. – М.: Русский язык, 1984. – 942 с.

109. Лаврищева, Е.В. Национальная специфика фразеологизмов с компонентом-зоонимом в немецкой и английской языковой картине мира / Е.В. Лаврищева, Н.Б. Аброськина, А.В. Остроухова // Вестник ВУиТ. – 2019. – №2. – С. 40–46.

110. Лаптева, Е.А. Образ животного в медицинских терминах на латинском, русском, английском, немецком языках / Е.А. Лаптева // Гуманитарные исследования. Языкознание. – 2016. – №2(11). – С. 54–55.

111. Леонтьева, Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Леонтьева Татьяна Валерьевна. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.

112. Лескина, С.В. Фразеологизмы как средство отражения языковой картины мира в рамках антропоцентрической парадигмы (на примере русского и английского языков) / С.В. Лескина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2 (4). – С. 170–172.

113. Лютикова, В.Д. Языковая личность и идиолект / В.Д. Лютикова. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1999. – 188 с.

114. Маллаева, З.М. Спорные вопросы сопоставительной фразеологии / З.М. Маллаева, А.М. Джалалова // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-16. – С. 3639–3642.

115. Манерова, К.В. Ключевые компоненты фразеологизма как носители культурного кода (контрастивный анализ немецких и русских фразеологизмов религиозной тематики) / К.В. Манерова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 10(64). – Ч. 1. – С. 111–115.

116. Маркевич, В.И. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-антропонимом в русском, белорусском и немецком языках / В.И. Маркевич // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 7 (37). – Ч. 12. – С. 136–139.

117. Маруневич, О.В. Аксиологические характеристики этнонимов во фразеосистемах русского и английского языков / О.В. Маруневич // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 1. – С.43–49.

118. Масалева, Н.В. Соматизмы в русской языковой картине мира: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Масалева Надежда Вячеславовна. – Иваново, 2010. – 15 с.

119. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В. А. Маслова. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 296 с.

120. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

121. Маслова, В.А. Числовой код в коммуникации: лингвокультурный образ числа «семь» / В.А. Маслова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Том 25 (64). – № 1. Часть 1. – С.355–358.

122. Мелетинский, Е.М. Ворон / Е.М. Мелетинский // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1987. Т. 1. – 671 с.

123. Менон, Р.Н. Сленговая фразеология и её функционирование в речи / Р.Н. Менон // Мир русского слова. – 2013. – № 4. – С. 54–59.

124. Мигранова, Л.Ш. Символьные компоненты в семантике фразеологизмов (на материале повести А. Приставкина «Кукушата, или жалобная песнь для успокоения сердца») / Л.Ш. Мигранова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2015. – № 2 (44). – Ч. 2. – С. 134–137.

125. Милованова, А.И. Отражение пространства и времени во фразеологизмах, выражающих значение через нереальные явления / А.И. Милованова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12(78). – Ч. 1. – С. 125–128.

126. Милованова, А.И. Формирование нереального явления в структуре фразеологизмов с помощью компонента-зоонима / А.И. Милованова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 2(80). – Ч. 2. – С. 341–343.

127. Милованова, А.И. Формирование нереального явления в структуре фразеологизмов с помощью соматического компонента / А.И. Милованова // *Litera*. – 2018. – № 1. – С. 63–69. DOI: 10.25136/2409-8698.2018.1.25503 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25503.

128. Милованова, А.И. Малочисленные компоненты во фразеологизмах, выражающих свое значение через нереальное явление / А.И. Милованова // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. Воронеж: ВГТУ, 2018. – № 1(28). – С. 28–33.

129. Мокиенко, В. М. Вглубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В. М. Мокиенко. – 3-е изд., перераб. – СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – 256 с.

130. Мокиенко, В.М.. Жизнь русской фразеологии в современной речи / В.М. Мокиенко // *Вестник КемГУ, серия Филология*, изд-во КемГУ, Кемерово. – 2012. – № 4 (52). – Т. 4. – С. 59–62.

131. Молодчинная, О.С. Зоонимы как средство номинации человека / О.С. Молодчинная // *Научный журнал*. – 2020. – №10 (55). – С. 36–38.

132. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка / А.И. Молотков; АН СССР, Ин-т рус. яз. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 283 с.

133. Мордкович, Э.М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов / Э.М. Мордкович // *Актуальные проблемы фразеологии*. Новосибирск, 1971. – С. 244–245

134. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие / М. В. Никитин. – 2-е изд., доп. и испр. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 829 с.

135. Николаева, Н.В. Краткий обзор исследований зоонимов / Н.В. Николаева, Ю.Н. Исаев // *Вестник ЧГУ*. – 2018. – № 4. – С. 284–289.

136. Новьюхова, Г.Б. История изучения зоонимов в отечественном языкознании / Г.Б. Новьюхова // *Современное педагогическое образование*. – 2019. – №4. – С. 11–13.

137. Ольшанский, И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы / И.Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX в.. – 2000. – №2000. – С. 14–30.

138. Пархомик, В.В. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом «глаза» в немецком, русском и белорусском языках / В.В. Пархомик // Молодой ученый. – 2015. – №3. – С. 962–967.

139. Первозникова, А.К. Концепт *душа* в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Первозникова Алевтина Кузьминична. – М., 2002. – 184 с.

140. Першукова, С.В. Лингвокультурное значение лексемы «глаза» и его реализация в произведениях М.А. Булгакова «Собачье сердце» и «Роковые яйца»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Першукова Светлана Валентиновна. – Нижний Новгород, 2013. – 25 с.

141. Петрова, Л.И. Человеческое тело и эмоции в контексте лингвокультурологии / Л.И. Петрова // Вестник ПГУ. Серия: социально-гуманитарные науки. – Псков: ПсковГУ, 2007. – №1. – С.133–144.

142. Пичко, Н.С. Русская культура в контексте православного мирозерцания / Н.С. Пичко // Вестник АГУ. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2013. – № 1. – С. 233–251.

143. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 315 с.

144. Потебня, А.А. Собрание трудов. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 269 с.

145. Прокопова, М.В. Трансформация обценных фразеологизмов в произведениях современной детективной прозы / М.В. Прокопова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2012. – № 12. – С. 211–218.

146. Рахманова, Л.И. Современный русский язык / Л.И. Рахманова. – М.: Изд-во МГУ, ЧеРо, 1997. – 480 с.

147. Рогалева, Е.И. Интерпретация процессов фразеоморфизма на базе пословиц в учебно-игровом лексикографическом тексте / Е.И. Рогалева // Вестник Новгородского государственного университета. – Новгород, 2014. – № 77. – С.148–150.

148. Рылов, Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: курс лекций по межкультурной коммуникации / Ю.А. Рылов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 311 с.

149. Савицкий, В.М. Пространство как методологическая категория лингвистики / В.М. Савицкий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2012. – № 4 (68). – С. 76–79.

150. Сайфи, Л.А. Соматическое пространство языка / Л.А. Сайфи // Вестник Башкирского университета, 2008. – №1 (13). – С. 69–72.

151. Сакаева, Л.Р. Позитивные соматические фразеологические единицы с компонентом «голова» в русском, английском и таджикском языках / Л.Р. Сакаева // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. — 2008. – № 1. – С. 214–218.

152. Саламатина, О.А. Роль компонентов-зоонимов в формировании общего фразеологического значения английских фразеологических единиц / О.А. Саламатина // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 5-3.. – URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=16004> (дата обращения: 15.02.2018).

153. Семенова, Н.А. Способы трансформации фразеологизмов в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Н.А. Семенова // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2014. – № 4. – С. 94–99.

154. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 656 с.

155. Серебрянников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. В. Серебрянников. – М., 1990. – 238 с.

156. Симбирцева, Н.А. Код культуры как культурологическая категория / Н.А. Симбирцева // Знание. Понимание. Умение. –2016. – № 1. – С. 157–167.

157. Сираева, Р.Т. Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки / Р.Т. Сираева, Ф.Г. Фаткуллина // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – URL: <http://www.science-education.ru/117-13230> (дата обращения: 26.01.2019).

158. Скнарев, Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Скнарев Дмитрий Сергеевич. – Челябинск, 2006. – 24 с.

159. Скоморохова, С.В. Отражение во фразеологии духовных ценностей русской национальной личности / С.В. Скоморохова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – №4 (25). – С. 113 – 116.

160. Скуридина, С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Скуридина Светлана Анатольевна. – Воронеж, 2020. – 40 с.

161. Смирнова, Е.В. Лингвокультурный анализ фразеологизмов с гастрономическим компонентом / Е.В. Смирнова, Л.В. Ульянищева // Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика. – 2013. – № 2. – С. 94–98.

162. Соколова, Г.Е. Трансформация и изменение значений некоторых фразеологизмов в современном русском языке / Г.Е. Соколова // Символ науки, 2016. –№1. – С. 103–104.

163. Солнцева, Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте / Н.В. Солнцева. – Омск, 2004. – 220 с.

164. Солодуб, Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно- типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): дис... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Солодуб Юрий Петрович. – М., 1985. – 406 с. + Прил. (210 с.).

165. Старых, О.В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка / О.В. Старых // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. – Вып. 2 (24). – 2011. – С. 80–85.

166. Стоянова, Р.С. Зооморфный код культуры в семантике болгарских и русских образных сравнений / Р.С. Стоянова // 45th International Philological Conference “Advances in Social Science, Education and Humanities Research” (ASSEHR). – Вып. 122. – 2017. – С. 520–525.

167. Супрун, В.И. Ономастика в диалектном тексте: проблемы лингвогеографии, лингвокультурологии, этнолингвистики / В.И. Супрун // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск: СГУ, 2017. – № 2(38). – С. 100–105.

168. Супрун, В.И. Этнолингвокультурные особенности русских отчеств / В.И. Супрун // Материалы Международной научной конференции «Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике»; Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2019. – С. 30–38.

170. Телия, В.Н. Что такое фразеология? / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1966. – 86 с.

171. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

172. Телия, В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.

173. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

174. Телия, В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

175. Теркулов, В.И. Фразеологизм и номинатема / В.И. Теркулов // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – 2012. – № 4 (32) – С. 170–174.

176. Титова, М.П. Концепт «Пространство» и его отражение во фразеологии национальных языков / М.П. Титова // Вестник ЗабГУ. – 2010. – №10. – С. 45–51.

177. Томова, У.А. Об особенностях наименовании свиньи в сказках (по сборнику русских народных сказок А.Н. Афанасьева, с привлечением немецких сказок) / У.А. Томова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – М.: Изд-во МГОУ, 2010. – №1. – С. 89–92.

178. Тропкина, Н.Е. Образ ворона в китайской и русской поэзии / Н.Е. Тропкина, У. Хань // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Актуальные проблемы литературоведения. – 2014. – № 7 (92). – С. 124–129.

179. Универсальюк, Е.А. Фразеологизмы-антропонимы в итальянском, английском и русском языках как результат когнитивной деятельности членов языкового коллектива / Е.А. Универсальюк // Инновационная наука. – 2016. – №3. – С. 191–194.

180. Федорова, М.А. Фразеологические соматизмы как средство вторичной номинации лексико-семантической системы немецкого языка / М.А. Федорова, М.С. Никонюк // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2012. – №. 3 (39). – С. 81–84.

181. Федосова, Е.Ю. Полисемия русских фразеологизмов в когнитивном аспекте / Е.Ю. Федосова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2007. – № 2. – С. 134–139.

182. Федуленкова, Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм метонимических соматических фразеологизмов: на материале английского, немецкого и шведского языков / Т.Н. Федуленкова // Сопоставительное изучение русского и родного/ иностранного языков. – Ханчжоу, 1996. – 51 с.

183. Федулєнкова, Т.Н. К проблеме общего и специфического в метонимической соматической фразеологии: (На материале английского, немецкого и шведского языков) / Т.Н. Федулєнкова. – Пятигорск, 1989. – 48 с.

184. Хазанкович, Ю.Г. Архетип «волка» в фольклоре и литературе / Ю.Г. Хазанкович // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Филология. – Вып. 4 (72). – 2009. – С. 177–183.

185. Хамидуллина, В.Г. Коннотативные свойства зоонимов (названий домашних животных) в русских и немецких пословицах и поговорках / В.Г. Хамидуллина // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, в 3 ч. – Томск: Изд-во ТПУ, 2014. – Ч. 2. – С. 107-114.

186. Ханджани, Л. Образ медведя в русской и персидской культуре и литературе / Л. Ханджани, Б. Паям // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. – СПб.: Свое издательство, 2016. – С. 3–7.

187. Харитоновна, Е.Ю. Отражение национальных пищевых традиций во фразеологии / Е.Ю. Харитоновна // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2015. – № 2. – С. 1–10. – URL: www.evestnik-mgou.ru.

188. Цыди, Ч. Микропонимия как отражение региональной картины мира жителей Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ч. Цыди. – Елец, 2021. – 16 с.

189. Чепасова, А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов / А. М. Чепасова. – Челябинск: ЧГПИ, 1983. – 94 с.

190. Чепелова, Т.П. История возникновения понятия «языковая картина мира», его развитие / Т.П. Чепелова // Молодой ученый. – 2009. – №5. – С. 119–122.

191. Черникова, Е.М. Зоонимы и орнитонимы в составе фразеологизмов как способ отражения лингвокультурной информации (на материале французского и итальянского газетного текста) / Е.М. Черникова, Н.В. Шатрович // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика, 2010. – №21 (197). – С. 46–50.

192. Чернышова, Л.В. Орнитологический код во фразеологии / Л.В. Чернышова // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. – 2008. – № 2 (56). – С. 64–67.

193. Чуньли, Л. Национально-культурная специфика фразеологизмов, описывающих характер человека, в русском и китайском языках / Л. Чуньли // Журнал Преподаватель XXI век. Серия лингвистика. – 2013. – № 4. – С. 345–349.

194. Шамне, Н.Л. Универсальные характеристики категории пространства и ядерные средства их репрезентации в языке / Н.Л. Шамне // Хорватия – Zadar: Издательство Croatica et Slavica Iadertina, 2009. – С. 265–279.

195. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие для студентов филол. фак-тов ун-тов / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1969. – 232 с.

196. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Спец. лит., 1996. – 192 с.

197. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка, учебное пособие / Н.М. Шанский; предисл. Т. А. Бобровой. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 272 с.

198. Шарипова, Н.Э. Лингвокультурология как новое направление в системе преподавания иностранного языка / Н.Э. Шарипова // Молодой ученый. – 2015. – №3. – С. 993–995.

199. Шарманов, В.В. Соматизм как компонент фразеологической единицы русского и немецкого языков / В.В. Шарманов // *Universum: Филология и искусствоведение: электрон.научн. журн.* – 2014. – № 10 (12). – С. 3. – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1656>.
200. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.
201. Шкатова, В.В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения / В.В. Шкатова // *Вестник ЛГУ им. А.С.Пушкина.* – 2012. – №1. Т.7. – С.208–215.
202. Шмелев, А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.Д. Шмелев // *Языки славянских культур.* – М., 2012. – С.83–99.
203. Шустова, С.В. Анимализмы в русской и английской лингвокультурах / С.В. Шустова, А.Е. Тяпугина // *Евразийский гуманитарный журнал.* – 2020. №3. – С. 45–53.
204. Яблонская О. Г. Анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в современном русском языке / О.Г. Яблонская, С.Б. Кураш // *Вестник МДПУ імя І. П. Шамякіна.* – 2015. – №2 (46). – С. 153–158.
205. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира [Текст] / Е. С. Яковлева // *Русский язык за рубежом.* – 1996. – № 1–3. – С. 47–57.
206. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира / Е.С. Яковлева // *Вопросы языкознания.* – 1994. – № 5. – С.73–89.
207. Hallig R. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie, Versuch eines Ordnungsschemas / R. Hallig, W. Von Wartburg. – Berlin: Akademie-Verlag, 1952. – 140 p.